

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ «ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
КРЫМА КФУ им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

На правах рукописи

Карашайски Кемран Меметович

**ИНОСТРАННЫЕ НАЕМНИКИ В АРМИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В СЕРЕДИНЕ IX – КОНЦЕ XI В.**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Науменко Валерий Евгеньевич

Симферополь – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Источники и историография	18
1.1. Источники.....	18
1.1.1. Византийские источники.....	18
1.1.2. Древнескандинавские источники.....	28
1.1.3. Древнерусские источники.....	30
1.1.4. Западноевропейские источники.....	31
1.1.5. Восточные источники.....	33
1.2. Историография.....	37
Глава 2. Терминология	57
Глава 3. Иностранные наемные контингенты в византийских вооруженных силах	65
3.1. Причины и предпосылки привлечения на службу иностранных наемников.....	65
3.2. Пути вербовки и принципы комплектования.....	77
3.3. Гвардейские части.....	84
3.4. Полевые войска.....	107
3.5. Гарнизонная служба.....	132
Глава 4. Командный состав и специальные ведомства	143
4.1. Этериархи и архонты этерии.....	143
4.2. Этнархи и великие примикирии этников.....	147
4.3. Переводчики.....	152
4.4. Чиновники «ἐπὶ τῶν βαρβάρων».....	155
4.5. Архонты соплеменников.....	159
Глава 5. Социально-правовое положение иностранного наемника ...	171
5.1. Правовой статус.....	171

5.2. Продолжительность службы, жалование, привилегии и организация быта.....	176
5.3. Имперская пропаганда.....	186
Глава 6. Образ иностранца-наемника в сочинениях византийских авторов.....	189
Заключение.....	210
Список источников и литературы.....	216
Список сокращений.....	259

ВВЕДЕНИЕ

Одной из приоритетных задач Византийского государства на протяжении всей его истории была организация вооруженных сил. Внешние и внутренние вызовы, с которыми сталкивалась империя, настойчиво требовали наличия сильной и боеспособной армии. Не случайно византийский полководец XI в. Кекавмен обращался к императору со словами: *«Войско – слава василевса и сила дворца. Без войска не удержится государство, но всякий желающий воспротивится тебе»* [Кекавмен, 2003, с. 309]. А Михаил Пселл, влиятельный чиновник и близкий советник ряда ромейских правителей, утверждал в этой связи: *«Императорская власть держится на трех опорах – народе, синклите и войске»* [Михаил Пселл, 2003, с. 141]. Именно поэтому столь важный аспект научной проблематики никогда не был обделен специальными исследованиями и изучение военного дела империи всегда занимало особое место в византистике.

Важной составляющей изучения организации византийской армии является проблема иностранного наемничества. В целом, она, в той или иной форме, была характерна практически для всех периодов существования Византийского государства и его армии, но особенно ярко проявилась в эпоху расцвета и кризиса «фемной системы» в середине VIII – второй половине XI вв. С середины IX в. в византийские вооруженные силы начали активно привлекаться отряды иноземцев из-за пределов империи – так называемые «этники» (οἱ ἔθνικοί). Из этих контингентов создавались отдельные воинские формирования, различные по своим функциям и статусу – элитные императорские подразделения, части полевых войск и флота, гарнизоны крепостей и пр. В IX–XI вв. формируются особые византийские практики набора, принципы комплектования и имперской пропаганды в отношении иностранцев, выстраивается система командного состава и специальных ведомств, титулов и должностей, связанных с управлением подобными армейскими подразделениями.

Между империей, ее элитами и населением с одной стороны и служилыми иноземцами с другой складывалась система взаимоотношений, включавшая специфические политические, дипломатические, социально-экономические, культурно-религиозные, правовые и, разумеется, военные аспекты. Проблематика, связанная со службой данной категории солдат, все чаще привлекала внимание многих византийских авторов X – первой половины XII вв., а также историков и хронистов из сопредельных государств.

Актуальность и степень разработанности темы исследования. Работы по истории армии и военного дела составляют значительный пласт византиноведческой литературы. Однако, их специфика, связанная с обширностью и сложностью тематики, касающейся собственно византийских войск и военно-административной системы, не всегда позволяет исследователям детально углубиться в проблемы существования и деятельности контингентов иностранных наемников. Как правило, подобные вопросы либо выделяются в качестве отдельного, подчас небольшого обзорного раздела, либо, в зависимости от необходимости, кратко оговариваются в рамках общего изложения. Иначе дело обстоит со специальными, не менее многочисленными, исследованиями по истории отдельных групп иностранных наемников в Византии. Центральное внимание в них закономерно уделяется контингентам росов, варангов и норманнов. В числе основных исследований варанго-росского направления следует указать фундаментальные труды В. Г. Васильевского [Васильевский, 1908] и С. Блэндаля [Blöndal, 2007], для истории англо-варангских наемных отрядов – работы А. А. Васильева [Vasiliev, 1937], К. Сиггаар [Ciggaar, 1974] и Дж. Шепарда [Shepard, 1974]. В конце XX – начале XXI вв. изучение истории росских, варангских и норманнских наемных контингентов в составе византийской армии получило развитие в специальных исследованиях Е. А. Мельниковой [Мельникова, 1998; 2022], О. М. Лугового [Луговий, 2008б], А. М. Филипчука [Филипчук, 2010], Е. А. Серена [Серен, 2001], Г. Феотокиса [Theotokis, 2012], В. В. Прудникова [Прудников, 2016]. Вместе с тем иностранный наемный корпус очевидно не

ограничивался исключительно этими группами воинов. В него также входили представители множества других народов, имевших контакты с империей – арабов, алан, армян, грузин, болгар, венгров, иранцев, славян, тюрок, хазар и др. В специальных исследованиях, посвященных взаимоотношениям данных этносов с Византийской империей, проблемы наемной службы также рассмотрены далеко не в полной мере.

Выборочный подход, по нашему мнению, не позволяет в должной степени осветить такой феномен как иностранное наемничество в Византии. Изучение источников дает основание полагать, что использование империей в своих вооруженных силах наемных этнических контингентов носило комплексный и целенаправленный характер, являясь сложной системой и институтом. Иноэтничные воинские формирования должны рассматриваться в целостной взаимосвязи друг с другом, византийским государством, армией и обществом, что позволит выстроить ясную линию их эволюции, выявить происходившие в подобных подразделениях этнические, структурные, репутационные изменения, а также их причины и последствия. Иными словами, к настоящему времени в историографии на общем уровне вполне изучены темы, связанные с военной наемной службой отдельных этносов, однако не существует обобщающего исследования, рассматривающего корпус иностранных наемников в комплексе, в качестве системы и института, существовавших в рамках военно-административной организации Византийской империи IX–XI вв. Кроме того, многие вопросы, связанные с этническим происхождением, составом, структурой, функциями, командованием и условиями службы иноэтничных наемных контингентов требуют решения, пересмотра или уточнений, в том числе из-за того, что имеющиеся в нашем распоряжении источники неизбежно предоставляют возможности для такого рода новых интерпретаций.

Объектом диссертационного исследования является военная организация Византийской империи, его **предметом** – институт иностранного наемничества в армии империи периода середины IX – конца XI вв.

Хронологические рамки диссертационной работы охватывают период с середины IX до конца XI вв. (более определенно, с 850-х по 1090-е гг.). Нижняя граница исследования обусловлена началом привлечения на военную службу групп иностранных наемников (в первую очередь фарганов и хазар) с их дальнейшим включением в структуру византийской армии в качестве отдельных регулярных частей. Эти события почти совпадают с приходом к власти императора Василия I Македонянина (867–886) и продолжаются на протяжении всего периода правления василевсов Македонской династии (867–1056) и позднее, вплоть до военных преобразований в правление Алексея I Комнина (1081–1118) и Первого Крестового похода (1096–1099 гг.), определяющих верхнюю хронологическую границу диссертации.

Географические рамки диссертационного исследования охватывают всю территорию Византии в середине IX – XI вв., а также области, на которые империя претендовала в этот период – Малую Азию, Балканы, Крит, Кипр, Сирию, Месопотамию, Закавказье, Крым, Южную Италию и Сицилию. В силу специфики работы, предусматривающей необходимость рассматривать положение групп воинов и персон, происходивших из различных регионов Европы и Азии, в ней также присутствуют отдельные экскурсы из истории стран Центральной Азии, Восточной Европы, Скандинавии и Британских островов.

Целью диссертационного исследования является установление положения контингентов иностранных наемников в составе византийских вооруженных сил в середине IX – конце XI вв., их структуры, статуса, системы командных должностей, места и роли отрядов иноземцев во внутри- и внешнеполитической жизни империи.

Для достижения поставленной цели требуется решение следующих **научно-исследовательских задач**:

1. Систематизация сведений письменных, сфрагистических и эпиграфических источников о корпусе иностранных наемников в Византии;

2. Анализ историографии, посвященной истории византийских вооруженных сил и военно-административной системы империи, на предмет степени изученности роли иностранных наемников в византийской армии IX–XI вв.;

3. Определение содержания и соотношения между собой терминов «иностранцы» (οἱ ἔθνικοί), «чужестранцы» (οἱ ξένοι, οἱ ξενικοί), «союзники» (οἱ σύμμαχοι) и «наемники» (οἱ μισθοφόροι) в византийских источниках середины IX – конца XI вв.;

4. Выявление причин и предпосылок роста численности и значения иностранных наемных контингентов в византийской армии, а также факторов, побуждавших иноземцев поступать на имперскую службу;

5. Установление способов вербовки и принципов комплектования иноэтничных отрядов византийской армии;

6. Исследование организационной структуры воинских частей, состоявших из иностранцев, в составе византийских элитных подразделений, мобильных (полевых) армий и военного флота, отдельных гарнизонов крепостей и т. д., истории их участие в политической жизни и войнах империи;

7. Реконструкция общей системы управления отрядами иностранных наемников, титулов и должностей командного состава, роли и степени влияния этнических лидеров;

8. Всестороннее изучение особенностей пребывания иностранных наемников в Византийской империи в мирное и военное время – их правовой статус, социальное положение и привилегии, формы и способы оплаты службы, организации быта и пр.

9. Определение форм и особенностей имперской пропаганды, направленной на иноземцев;

10. Реконструкция образа иностранного наемника и представлений о нем в сочинениях византийских авторов XI – первой половины XII вв., представлявших интересы различных групп гражданских и военных элит византийского общества этого времени.

Методы исследования. Диссертационное исследование основано на принципах историзма и комплексного подхода. При изучении военной системы Византии и места в ней иноземных подразделений мы опираемся главным образом на совокупность методов системного (структурно-функционального) и институционального подходов, позволяющих рассмотреть феномен иностранного наемничества в качестве особой системы и института внутри имперских военно-административных и политико-дипломатических структур. Анализ источников и отдельных проблем, рассматриваемых в диссертации, осуществляется посредством междисциплинарного, проблемно-хронологического и семиотического подходов.

Структурно-функциональный и институциональный методы дают возможность определить основные характеристики и особенности феномена военного наемничества в Византийской империи, системы командования и функционирования иностранных воинских формирований в рамках византийских вооруженных сил, взаимодействия иностранных наемников с византийским государством и обществом. Типологизация подразделений иностранных наемников на византийской службе, тенденции и линии их развития выстроены с опорой на историко-типологический и историко-генетический методы, а также метод исторической периодизации. Исследования по истории отдельных персон и групп служивых иноземцев основаны на просопографическом методе, позволившем выявить *cursus honorum* этнических лидеров, закономерности их пребывания в империи и основные мотивационные составляющие службы. Реконструкция образа иностранца-наемника, сложившегося в византийской исторической литературе, базируется на принципах и методах исторической имагологии, включающих исследования нарративов и лексических средств выразительности.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые на базе широкого круга источников проведено комплексное исследование института иностранного наемничества в Византийской империи середины IX – конца XI вв. Феномен иностранного наемничества рассмотрен в качестве

целостной, находившейся в постоянном развитии системы, с учетом влиявших на нее военно-политических, экономических и культурно-религиозных факторов.

В диссертации выявлены особенности структуры, функционирования и развития подразделений, состоявших из иностранных наемников. Определены либо уточнены время их создания и существования, статус, этнический и численный состав, выявлена и проанализирована специальная терминология, применявшаяся в отношении наемных этнических контингентов. Установлены причины и предпосылки привлечения иностранных наемников на имперскую службу, а также факторы, побуждавшие самих этников к отправлению в Византию, пути вербовки и принципы комплектования этнических частей, продолжительность службы, особенности материального обеспечения и вознаграждения, привилегии, организация быта, а также инструменты имперской пропаганды, проводимой отношении данных воинских контингентов. В диссертации систематизированы сведения источников об участии иностранных наемных формирований во внешних и внутренних конфликтах Византийской империи.

Опираясь на материалы сфрагистики и письменных источников (исторические сочинения, военные трактаты, тактиканы, нормативно-правовые акты), установлены функции должностей, связанных с руководством этническими подразделениями византийской армии, таких как этериарх, архонт этерии, этнарх, великий примикирий этников, ὁ ἐπί τῶν βαρβάρων, переводчик. Просопографический анализ позволил выявить 45 этнических предводителей (так называемых «архонтов соплеменников»), возглавлявших отряды иностранных наемников в византийской армии, и определить особенности их службы и пребывания в империи, статус и степень влияния на военные и политические события. Проведенный в ходе исследования анализ византийских исторических сочинений позволил выявить литературные образы иностранных солдат и их лидеров, реконструировать основные представления византийских авторов об этниках и модельные характеристики идеального наемника.

Положения, выносимые на защиту:

1. В середине IX – конце XI вв. в Византийской империи складывается и функционирует институт иностранного наемничества – особая система военно-административных, политико-дипломатических, социально-экономических и культурно-религиозных практик организации и использования воинских контингентов иностранных наемников.

2. Под иностранными наемниками понимаются отдельные лица или группы воинов, вступавших на византийскую службу от собственного имени в качестве вольных компаний либо направлявшихся своими политическими лидерами в рамках действовавших договоренностей или союзов с Византией. Официально для их обозначения использовался термин «этники» (οἱ ἔθνικοὶ) и его производные, а неофициально – термины, выражавшие этническую чуждость и социально-политический статус: «иностранцы» (οἱ ἔθνικοὶ), «чужестранцы» (οἱ ξένοι, οἱ ξενικοὶ), «союзники» (οἱ σύμμαχοι), «наемники» (οἱ μισθοφόροι) и их производные. Термины «союзники» и «наемники» применялись в качестве эквивалентных, не отражая содержательных различий в положении иностранных воинских групп.

3. Активное использование империей этнических контингентов, а также рост их численности и значения в период середины IX – конца XI вв. были связаны с изменениями, происходившими во внутренней и внешней политике Византийского государства этого времени. Политико-экономический подъем середины IX – первой половины XI вв. обусловил стадию агрессивной внешней политики с реорганизацией вооруженных сил под экспансионистскую стратегию, что обеспечивалось в том числе за счет профессиональных отрядов иноэтничных наемников. С середины XI в. в связи с политическим, экономическим и военным кризисами империя была вынуждена совершить переход к оборонительной стратегии и опираться в ее реализации на иностранный наемный элемент, пик применения которого приходится на последнюю треть XI в.

4. Наемники вступали на службу либо по уже существующему договору между империей и их политиями, либо заключая индивидуальное соглашение. В

случае необходимости вербовка наемников осуществлялась специальными имперскими агентами, ромеями по происхождению либо такими же этниками, которые на месте получали воинский контингент, разрешение на его формирование или обещание его отправки. Практиковались также вербовка пленных и прием на военную службу перебежчиков.

5. Внутри византийских вооруженных сил иностранные наемники образовывали моноэтничные или этнически близкие подразделения различных численности и статуса. Положение и состав этнических отрядов, относящихся к числу элитных императорских подразделений, изменялись в зависимости от политической ситуации и поведения определенной группы этников в отношении конкретного императора. Выделяются три периода, связанных с доминированием в гвардейских частях, комплектовавшихся из иностранцев, представителей тех или иных этнических групп: Хазаро-фарганский или Тюркский (середина IX – середина X вв.), Варанго-росский или Росо-скандинавский (вторая половина X – последняя четверть XI вв.) и Варанго-английский или Англо-скандинавский (конец XI – начало XIII вв.).

6. Командный состав, связанный с управлением иноэтничными наемными силами, представлен этериархами и архонтами этерий (руководство императорскими этериями и их подразделениями), этнархами и великими примикириями этников (руководство центральными тагмами этников и крупными воинскими соединениями, составленными из этнических контингентов). Непосредственное командование отрядами наемников осуществлялось их этническими лидерами, инкорпорировавшимися в имперскую систему посредством получения византийских титулов и должностей.

7. Правовое и социальное положение иностранного наемника в Византии зависело от таких факторов, как знатность его происхождения, вероисповедание, условия соглашения с византийской администрацией, приобретенный на службе статус. Пребывавшие в Византии иностранные воины становились объектом активного воздействия имперской пропаганды, выражавшейся в демонстрации

материальных выгод и престижности службы. Впоследствии они превращались в своеобразных агентов имперского влияния у себя на родине.

8. Отношение авторов византийских исторических сочинений XI – первой половины XII вв. к институту иностранного наемничества может быть охарактеризовано как сдержанное или умеренно положительное. Присутствие этнических контингентов в византийской армии в целом рассматривалось ими в качестве данности и целесообразной необходимости.

Теоретическая и практическая значимость. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в специальных и обобщающих исследованиях по истории Византийской империи и государств средневековой Евразии, в том числе при изучении их военной организации и взаимоотношений с соседними народами. Полученные результаты также могут быть применены при разработке специальных и общих учебных курсов и методических пособий в системе высшего образования.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках инициативной фундаментальной НИР «Причерноморье в динамике этнокультурных и социально-политических преобразований с древности до Нового времени» (номер госрегистрации АААА-А21-121011990139-9) и проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

Апробация результатов диссертации была осуществлена в виде докладов и сообщений на 10 международных и всероссийских научных конференциях, проходивших в 2022–2025 гг. в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Белгороде, Туле, Симферополе, Севастополе, Судаче и Балаклаве. По теме исследования было опубликовано 17 научных работ, в том числе 4 статьи в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК РФ, две из которых индексируются в базах данных Web of Science Core Collection и Scopus.

Статьи в изданиях из перечня, утвержденного ВАК РФ:

1. Карашайски К. М. Институты военного наемничества и военного союзничества в армии Византийской империи середины IX – начала XII века: к историографии вопроса // Ученые Записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2022. – Т. 8(74). – № 4. – С. 63–85.

2. Карашайски К. М. Между росами и варангами: этерия пехотинцев в гвардии византийских императоров в последней трети X века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28. – №6. – С. 303–309.

3. Карашайски К. М. Этники и ксеники, наемники и союзники: к проблеме византийской терминологии в отношении иностранных наемников в середине IX–XI вв. // *Via in tempore*. История. Политология. – 2024. – №51(2). – С. 344–353.

4. Карашайски К. М. Эйлив Торгильссон и венды-наемники в византийской армии во второй половине 1020-х гг. // *Античная древность и средние века*. – 2024. – Т. 52. – С. 196–206.

В других изданиях:

5. Карашайски К. М. «Этерия скифов из Таврики»: к историографии вопроса // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VI Международной научной конференции (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.) / Отв. ред. В. В. Лебединский; ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. – М.: ИВ РАН, 2022. – С. 221–224.

6. Карашайски К. М. Образ иноземца-наемника в сочинении Кекавмена // Византийский «круг земель». *Orbis terrarum Byzantinus...* тез. докл. XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ (Судак, 24–30 октября 2022 г.) / Отв. ред. С. П. Карпов, ред. кол. М. В. Грацианский, В. В. Майко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – С. 75–78.

7. Карашайски К. М. Обращение императора Константина VII к восточным стратигам: имперская пропаганда в отношении иноземных наемников // *Scholia*

studiorum IV: пространство исторического нарратива: тезисы докладов Всероссийской научной конференции молодых антиковедов и медиевистов (Екатеринбург, 7–8 апреля 2023 г.) / Под ред. Н. Э. Жигаловой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – С. 27–29.

8. Карашайски К. М. Отряд Сфенга, «брата Владимира», в составе экспедиции Варды Монга 1016 г. в Хазарию: наемники или союзники Византийской империи? // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 5–9 июня 2023 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – С. 149–154.

9. Карашайски К. М. «Он прибыл в Константинополь, чтобы сделаться наемником»: к проблеме идентификации Хрисохира, «родича» князя Владимира // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29 мая–5 июня 2023 г.) / Отв. ред. В. В. Лебединский; ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. – М.: ИВ РАН, 2023. – Т. 1. – С. 174–178.

10. Карашайски К. М. Тюрки в гвардии византийских императоров в середине IX – первой половине X в. // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время (Симферополь, 10–12 октября 2023 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Э. И. Сейдалиев. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – С. 112–118.

11. Карашайски К. М. Иноземные наемники в гвардии византийских императоров в середине IX – X веке // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сборник научных трудов / Редкол.: Д. О. Никулин (отв. ред.), С. В. Шарапов (отв. секр.) и др.; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: ИИ СО РАН, ИПЦ НГУ, 2023. – С. 23–33.

12. Карашайски К. М. Образ иноземца-наемника в сочинении Михаила Пселла // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы

XLIII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (7–9 ноября 2023 г.): сборник / Под ред. А. Ю. Прокопьева. – СПб.: Изд-во Скифия-принт, 2024. – С. 45–54.

13. Карашайски К. М. «Быть мне главою над иноплеменниками»: должность этнарха в Византийской империи последней трети X – начала XII в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XVI Международный Византийский Семинар (Севастополь, 24–28 мая 2024 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024. – С. 131–136.

14. Карашайски К. М. Зачем пехотинцу сено? Верховые росы на службе византийских императоров в последней трети X в. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VIII Международной научной конференции (Севастополь, 3–8 июня 2024 г.) / Отв. ред. Ю. А. Пронина; ред.-сост. Н. В. Гинькут. – М.: ИВ РАН, 2024. – Т. 1. – С. 177–179.

15. Карашайски К. М. «Ибо между ними был переводчик»: византийские переводчики X–XIII вв. по данным сфрагистики // Ad fontes – Ἐπὶ τὰς πηγὰς: Исторические источники и их исследователи: материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Симферополь, 18 декабря 2024 г.) / Под ред. В. Е. Науменко. – Симферополь: «Антиква», 2024. – С. 80–85.

16. Карашайски К. М. «Вести жизнь трезвую и не предаваться пьянству»: употребление вина иностранными наемниками на византийской службе и его последствия (вторая половина XI в.) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Сборник научных трудов Международного Византийского Семинара. Вып. XVII / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2025. – С. 153–158.

17. Карашайски К. М. Английские наемники и византийская власть на Боспоре в конце XI – начале XII в. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы IX Международной научной конференции

(Севастополь, 2–7 июня 2025 г.) / Отв. ред. Ю. А. Пронина; ред.-сост. Н. В. Гинькут.
– М.: ИВ РАН, 2025. – Т. 1. – С. 193–198.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы и списка сокращений.

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1. Источники

1.1.1. Византийские источники. Наибольшее значение для диссертационного исследования несомненно имеют источники собственно византийского происхождения. Среди них, в первую очередь, необходимо выделить исторические сочинения, которые условно принято разделять на две группы – хроники и истории [Досталова, 1982, с. 22–34]. Период второй половины IX – первой половины XII вв. в Византии отмечен появлением большого числа таких сочинений [Бибииков, 1998, с. 94–160; Magdalino, 2012, p. 218–237; Treadgold, 2013; Neville, 2018, p. 95–199]. За ними следуют трактаты историко-географического, политико-управленческого и протокольно-церемониального характера, а также военные трактаты (стратегиконы), содержащие важнейшие сведения о византийской военно-теоретической мысли и практике организации армии и военных походов [Кучма, 1979, с. 49–75; 1989, с. 276–295; ОНБС, 2008, p. 907–913]. К этой же категории относятся военные речи [Markopoulos, 2012, p. 47–56]. Ценную информацию по теме исследования предоставляют нормативно-правовые акты (сборники законов, императорские хрисовулы [Бибииков, 2018, с. 35, 146–147]) и официальные списки византийских титулов и должностей (тактиконы). Большое внимание в диссертации уделяется материалам сфрагистики – византийским подвесным свинцовым печатям (моливдовулам), на которых значились имена, титулы и должности их владельцев. Некоторые сведения для изучения диссертационной проблематики также содержатся в агиографической литературе [ОНБС, 2008, p. 862–871].

Хроники и истории. Историческое сочинение «О правлении императоров» было написано высокопоставленным столичным чиновником Иосифом Генесием (около 910 – около 970-х гг.) [Treadgold, 2013, p. 183–185]. Оно охватывает период с 813 по 867 гг. Основной интерес для диссертационной тематики представляет

упоминание в тексте Генесия загадочной *«этериш скифов из Таврики»*, участвовавшей в политических событиях византийской истории середины 850-х гг.

«Хроника Симеона Магистра и Логофета» принадлежит авторству магистра и логофета Симеона (около 925 – около 990-х гг.) [Treadgold, 2013, p. 203–209], вероятно, представителя столичной чиновничьей аристократии. Выделяются две редакции – А (повествование доведено до 948 г.) и В (до 963 г.) [Neville, 2018, p. 118–120]. Хроника содержит сведения о составе и действиях императорской этерии, а также этериархах. Особую ценность представляют первое упоминание фарганов на византийской службе и свидетельство об участии в боевых действиях хазар-этериотов.

«Псамафийская хроника» составлена анонимным монахом Псамафийского монастыря в Константинополе и датируется приблизительно 920–950 гг. [Две византийские хроники, 1959, с. 14; Vita Euthymii Patriarchae Ср., 1970, p. 10] Это сочинение является, по сути, жизнеописанием константинопольского патриарха Евфимия I (907–912). В диссертации использованы сведения хроники о военной службе фарганов-этериотов при императоре Василии I Македоняине.

«Хроникой Продолжателя Феофана» условно называется свод различных по происхождению исторических текстов, сохранившийся в единственной рукописи XI в. и содержащий сведения о правлении византийских императоров для периода 813–961 гг. [ODB, 1991, p. 2061–2062] В нем сохранилась важная информация об императорской этерии и этническом составе византийских войск во время многочисленных военных кампаний, в том числе Критской экспедиции 960–961 гг.

«История» Льва Диакона (около 950 – около 1000 гг.), придворного императора Василия II Болгаробойцы (976–1025), охватывает период византийской истории около 959–986 гг. [Бибииков, 1998, с. 104–109; The History of Leo the Deacon, 2005, p. 1–52; Treadgold, 2013, p. 236–246; Neville, 2018, p. 124–127] Для диссертационного исследования интерес представляют сведения источника о столкновениях Византии с арабами Хамданидами и росами, военных экспедициях в Сирию и на Сицилию, упоминание о дипломатических методах привлечения

иностранных сил (миссия патрикия Калокира), составе и структуре византийской армии и войска «тавроскифов», а также византийских этериотах-пехотинцах.

«Хронография» Михаила Пселла (1018 – последняя треть 1070-х / последняя треть 1090-х гг.) относится к числу наиболее важных источников по истории Византии периода 976–1077 гг. Пселл являлся не только выдающимся философом и ученым, но и действующим политиком своего времени, будучи в течении многих лет близким советником ряда ромейских императоров [Бибииков, 1998, с. 128–135; Michael Psellus I, 1967, p. 9–65; Treadgold, 2013, p. 271–281, 289–308; Neville, 2018, p. 137–144]. Его сочинение содержит значительный объем информации об отрядах иностранных наемников и связанных с ними персон, их участии в военно-политической жизни империи, заговорах знати и апостасиях военачальников, яркие образы иноземных воинов на византийской службе. Интерес представляет также замечание Пселла в его «Краткой истории» о военной деятельности полководца Никифора Фоки, связанной с привлечением в армию иностранных наемных контингентов [Михаил Пселл, 2003, с. 367–375; Michael Psellus, 1990, p. 9–25; Treadgold, 2013, p. 282–289; Neville, 2018, p. 144–146].

«История» Михаила Атталиата (около 1020–1035 гг. – около 1079–1085 гг.), высокопоставленного константинопольского чиновника 1060–1070-х гг., посвящена императору Никифору III Вотаниату (1078–1081) и охватывает период с 1034 по 1079/1080 гг. [Treadgold, 2013, p. 312–329] Основное внимание в ней уделено военно-политическим событиям в период кризиса второй половины XI в. Подробно описаны боевые действия этого времени, структура участвовавших в них войск и их командный состав [Бибииков, 1998, с. 136–138; Michaelis Attaliatae, 2011, p. 19–83; Michael Attaleiates, 2012, p. 7–20].

«Обозрение историй» куропалата и бывшего друнгария виглы Иоанна Скилицы (около 1040–1050 гг. – около 1101–1110 гг.), крупного константинопольского чиновника в 1060 – начале 1090-х гг. [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 7–56; John Skylitzes, 2010, p. 9–33], дает общую характеристику событий византийской истории с 811 по 1057 гг. В ряде рукописей повествование доведено

до 1079 г., поэтому данную часть текста принято условно называть «Хроникой Продолжателя Скилицы», завершенной, возможно, самим Иоанном Скилицей после 1101 г. [Бибиков, 1998, с. 138–141] Данное сочинение является одним из важнейших источников по военной истории Византии, подробно сообщаям о боевых действиях, составе византийской армии, именах, титулах и должностях ее военачальников. «Обозрение историй» содержит уникальные сведения об отрядах иностранных наемников и их лидерах. Единственный иллюстрированный экземпляр, так называемый «Мадридский Скилица» (середина XII в.), украшен 574 миниатюрами, включая изображения воинов, их вооружения и имущества, и выступает в качестве отдельного, аутентичного для своей эпохи изобразительного источника.

Еще одним важным источником по военной истории Византии интересующего нас периода являются «Исторические записки» византийского полководца Никифора Вриенния (около 1064/1080 г. – около 1136–1138 гг.) [Neville, 2018, p. 169–173]. Никифор принадлежал к аристократическому роду Вриенниев, был приближенным императора Алексея I Комнина (1081–1118) и мужем его дочери, Анны Комнины. Его незавершенный труд сконцентрирован на событиях 1070–1080 гг. [Бибиков, 1998, с. 143–146; Nicéphore Bryennio, 1975, p. 11–51; Treadgold, 2013, p. 344–354] В нем подробно сообщается о составе византийских армий, участии этнических подразделений в военных операциях, титулах и должностях их лидеров и командиров.

«Алексиада» Анны Комнины (1083 – около 1153–1154 гг.), старшей дочери императора Алексея I Комнина, справедливо считается важнейшим источником по истории Византийской империи последней трети XI – начала XII вв. Это масштабное историческое произведение полностью посвящено жизни и деятельности Алексея Комнина и охватывает период с 1071 по 1118 гг. [Бибиков, 1998, с. 146–151; Treadgold, 2013, p. 354–386; Neville, 2018, p. 174–185] В «Алексиаде» содержится подробная информация по организации армии и военному делу, походам и сражениям в период правления Алексея I, проходившим

на фоне общего кризиса фемной системы. Анна уделяет большое внимание историческим сюжетам, связанным со службой иностранцев в византийской армии, дает детальную и яркую характеристику иноземных воинов и их предводителей [Анна Комнина, 2017, с. 5–66; Anna Komnene, 2009, p. 9–31; Sinclair, 2014, p. 143–185].

Наконец, отдельные сведения об иностранных наемных солдатах представлены в «Сокращении историй» Иоанна Зонары (около 1070-х – около 1160-х гг.), бывшего великого друнгария виглы и протасикрита, монаха монастыря Св. Гликерии. В качестве самостоятельного источника эта хроника представляет интерес для периода 1079–1118 гг. Зонара выражал свое отношение к военной политике Алексея I, выступал с критикой военной аристократии, стратиотского войска, а также покровительства «варварам» [Бибиков, 1998, с. 155–157; 2004, с. 500–502; Treadgold, 2013, p. 388–389; Neville, 2018, p. 191–199].

Трактаты и стратегиконы. Обширные сведения по военно-политическому положению Византии в первой половине – середине X в. содержатся в нескольких разноплановых трактатах, связанных с именем императора Константина VII Багрянородного (913–959). Они, по меткому замечанию П. Лемерля, фактически являются «*обзорными описаниями империи*» [Лемерль, 2012, с. 405]. Историко-географический трактат «О фемах» представляет из себя компилятивное и во многом архаичное описание провинций и народов империи и рассматривается исследователями либо в качестве результатов географических занятий молодого Константина в 930-х гг. [Лемерль, 2012, с. 411–413], либо как наиболее поздний (вторая половина 950-х гг.) и незавершенный проект императора [Ahrweiler, 1981, p. 1–5]. Трактат «Об управлении империей» обычно характеризуется как конфиденциальное руководство или справочник по управлению государством и взаимоотношениям с соседними народами. В окончательном виде его текст был составлен в 948–952 гг. [Константин Багрянородный, 1991, с. 5–30; Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 7–39] или 952–959 гг. [Щавелев, 2020а, с. 123–126] Сочинение состоит из документов секретного характера, хранившихся в

императорских архивах, и помимо описания иноземных народов, включает также практические советы в области внешней политике, методов привлечения и использования иностранных военных сил. Крупнейшим среди трудов Константина VII является трактат «О церемониях», составленный по его указанию и при непосредственном участии около 957–959 гг., а затем переработанный и дополненный в 960-е гг., при Никифоре II (963–969) [Bury, 1907, p. 209–227, 417–439; ODB, 1991, p. 595–597]. Источник содержит множество сведений о наемных отрядах хазар, фарганов, арабов, венгров, франков и росов на императорской службе, их статусе, роли в армии и при дворе, оплате военных услуг. Отдельно выделяются 44 и 45 главы 2-й книги трактата, полностью посвященные подробному описанию состава и организации двух Критских экспедиций 910–911 гг. и 949 г., а также экспедиции 935 г. в Лонговардию. Они представляют особую ценность, так как не просто упоминают об участии в походах иноземных отрядов, но детально указывают их статус (части императорского флота, этерии, тагмы), специализацию, численность, размер оплаты, вооружение, снабжение и обеспечение [Haldon, 2000, p. 201–352]. Дополнительная информация содержится также в сопутствующих текстах с условным названием «Три трактата об имперских военных экспедициях» [Constantine Porphyrogenitus, 1990].

«Тактика» императора Льва VI Мудрого (886–912) является первым из серии сохранившихся византийских стратегиконов X в. Представляя собой переработку текста «Стратегикона» Маврикия (конец VI – начало VII вв.) и более ранних военных трактатов, она все же была адаптирована и соответствовала военно-политическим реалиям Византии конца IX – начала X вв. По сути «Тактика» является универсальным справочником по всем областям военного дела своего времени, включая принципы командования, структуру, состав, численность и вооружение воинских подразделений, организацию марша, обоза и лагеря, боевые действия на море, военные обычаи и способы ведения войны у соседних народов, приемы пропагандистского воздействия на собственные, союзные и вражеские войска [Кучма, 1972, с. 79–81; Лев VI Мудрый, 2012, с. 9–91].

«Стратегика» императора Никифора II Фоки является кратким военным трактатом, написанным около 965 г. для командующих византийскими силами, действовавшими против арабов на восточных границах империи [McGeer, 1995, р. 3–10, 171–195]. Помимо сведений о пехоте, кавалерии, разведчиках и лагерьном устройстве, особый интерес для диссертационной работы представляет фраза-рекомендация его автора об использовании в армии аконтистов (дротикометателей) из числа *«росов или других этников»*, которая затем почти дословно была приведена в «Тактике» Никифора Урана (около 1000 г.) [Никифор II Фока, 2019, с. 7; McGeer, 1995, р. 14–15, 79–86, 90–91].

Трактат «О боевом сопровождении» был написан во второй половине 970-х гг. [Два византийских военных трактата, 2002, с. 29–30] Его анонимный автор, очевидно, принадлежал к числу высокопоставленных и опытных византийских военачальников [Three Byzantine Military Treatises, 1985, р. 140–141]. Основное содержание трактата составляет описание особого способа маневренной войны (*ἡ παραδρομή*), тактики засад и внезапных нападений, применяемых против арабов [Два византийских военных трактата, 2002, с. 7–108; Three Byzantine Military Treatises, 1985, р. 138], а также рекомендации по организации подобных кампаний, применению различных видов войск, материальному обеспечению и пропагандистскому воздействию.

Трактат «Об устройстве лагеря» убедительно датируется периодом 986–991 гг. [Два византийских военных трактата, 2002, с. 271–275] Его анонимный автор также несомненно являлся опытным и авторитетным полководцем, а само сочинение было предназначено молодому императору Василию II и посвящено особенностям ведения боевых действий против болгар [Three Byzantine Military Treatises, 1985, р. 241–244]. Содержание стратегикона касается вопросов организации и проведения крупномасштабной наступательной военной кампании при личном участии императора. Автор трактата пишет главным образом об императорской армии, что дает возможность получить информацию о регулярных

тагмах, этериях и служивших в них иностранцах, упоминаемых в качестве императорского эскорта [Два византийских военных трактата, 2002, с. 234–253].

Сочинение с условным названием «Советы и рассказы» Кекавмена состоит из нескольких частей, из которых наибольший интерес для диссертации представляют разделы «Стратегикон» и «Советы императору». Кекавмен (около 1020–1024 гг. – около 1080-х гг.) принадлежал к средней прослойке провинциальной военной знати [Литаврин, 1961, с. 284] и принимал личное участие в военных кампаниях на западе империи [Дробышев, 2021, с. 541]. В своем труде он уделил внимание проблеме чужеземцев в Византии [Roueché, 2000, p. 203–214], активно выражал суждения по поводу привлечения в армию иностранных наемников, практики их оплаты и наделения титулами и должностями, сопровождая свои наблюдения экскурсами о пребывании отдельных знатных иноземцев на византийской службе.

Среди военных речей необходимо выделить «Обращение императора Константина к восточным стратигам» императора Константина VII. «Обращение» было направлено весной–летом 958 г. [Мохов, Капсалыкова, 2019, с. 154] командованию войск, действовавших против арабов Хамданидов на юго-восточных границах империи, в качестве официальной инструкции (ἡ συλλαβή) [Ahrweiler, 1967, p. 394, 400–404]. Шестая часть этой речи полностью посвящена иноэтничным воинским контингентам в составе византийской армии и методам имперской пропаганды в их отношении.

Нормативно-правовые акты и тактиконы. Описание этнического состава и вопросы обеспечения иностранных наемных сил нашли отражение в императорских хрисовулах второй половины XI в. (с 1060 по 1088 гг.) из архивов Лавры Св. Афанасия и Ватопедского монастыря на Афоне [OHBS, 2008, p. 129–140], а также монастыря Св. Иоанна Богослова на Патмосе [Бибииков, 2018, с. 36–37, 146–147, 163–164, 167]. Они, помимо прочего, сообщают об освобождении монастыря или поселения от митатона – необходимости предоставления постоя и обеспечения ромейских и иноземных отрядов и их архонтов [ODB, 1991, p. 1385].

Среди иностранных наемников указываются росы, варанги, кулпинги, франки, англичане, немцы, болгары, арабы, аланы, авасги и «*другие этники*» [Бибиков, 2018, с. 38–42, 45–47, 153–160, 163–164, 167; *Acta et diplomata*, 1887, p. 135–145; 1890, p. 1–4, 44–49; *Actes de Lavra*, 1970, p. 195–199, 215–219, 241–244, 255–259; *Actes de Vatopédi I*, 2001, p. 109–118].

Византийскими тактиконами называются официальные иерархические списки титулов и должностей империи. Они периодически пересматривались, следуя за изменениями в военно-бюрократическом аппарате и, таким образом, фиксировали создание новых военно-административных структур и воинских подразделений. На сегодняшний день в нашем распоряжении имеется четыре тактикона IX–X вв.: 1) «Тактикон Успенского» (842–843 гг.); 2) «Клиторологий» Филофея (899 г., обновлен около 901 г.; в виде 52-й главы включен в трактат «О церемониях»); 3) «Тактикон Бенешевича» (934–944 гг.); 4) «Тактикон Икономидиса» или «Эскуриальский тактикон» (971–975 гг.) [Oikonomidès, 1972, p. 41–47, 65–81, 237–243, 255–261]. Последний наиболее важен для нашего исследования, поскольку фиксирует ряд должностей, связанных с командованием иностранными контингентами, таких как этериарх Третьей (ὁ ἐτερεϊάρχης τῆς τρίτης), этериарх пехотинцев (ὁ ἐταιρειάρχης τῶν πεζῶν), этнарх (ὁ ἐθνάρχης), топотирит этнарха (ὁ τοποτηρητῆς τοῦ ἐθνάρχου) [Oikonomidès, 1972, p. 271–273].

Сфрагистика. Среди интересующих нас памятников сфрагистики первую группу составляют моливдовулы командующих и членов императорских этерий IX–XI вв. [Мохов, 2016, с. 130–134; Karlin-Hayter, 1974, S. 101–143] Их легенды включают термины «великий этериарх» («ὁ ἐτερεϊάρχης μέγας»), «этериарх» («ὁ ἐτερεϊάρχης»), «комит этерии» («ὁ κόμης τῆς ἐταιρείας»), «этериот» («ὁ ἐταιρειώτης»), «ὁ ἐπὶ τῆς ἐταιρείας» / «ὁ ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας» [Schlumberger, 1884, p. 346–349; Seibt, 1978, S. 210–218; Oikonomides, 2001, p. 14–16; Seibt, Wassiliou, 2004, S. 119–120]. Проблема их изучения заключается в том, что связь «простых» этериархов из легенд моливдовулов с командованием конкретными этериями предположительна [Алексеев, 2018, с. 115]. В частности, нам

практически неизвестны печати представителей средней, третьей и пехотной этерий, за исключением единственной печати этериарха Третьей (ὁ ἑτερείάρχης τῆς τρίτης) Феодора / Льва Алиата (середина XI в.) [Jordanov, 2006, p. 49–50].

Вторая группа печатей представлена слабо изученной категорией моливдовулов XI – начала XII вв., принадлежавших, по всей вероятности, руководителям иностранными воинскими контингентами, но с не вполне ясными функциями и полномочиями. К ним относятся следующие должности: этнарх (ὁ ἐθνάρχης) [Oikonomidès, 1972, p. 333; Oikonomidès, 1976, p. 143], великий примикирий этников (ὁ μέγας πριμικήριος τῶν ἐθνικῶν) [Шандровская, 1971, с. 32–34; Kühn, 1991, S. 267–269] и экзарх этников (ὁ ἐξάρχος τῶν ἐθνικῶν) [BZS.1951.31.5.2342].

Присутствие на византийской службе иностранных воинов и необходимость дипломатической коммуникации в целом закономерно требовали наличия института переводчиков и, соответственно, связанных с ним должностей [Guilland, 1976, p. 17–26]. В нашем распоряжении имеется ряд печатей X–XIII вв., чьи владельцы занимали посты переводчиков (ὁ ἐρμηνευτής, ὁ διερμηνευτής) болгар, варангов, англичан и др. [Шандровская, 2005, с. 109–115; Щавелев, 2012, с. 482–488; 2020; Schlumberger, 1884, p. 349–351; Laurent II, 1963–1981, p. 230–233]

Многочисленную и крайне дискуссионную [Шандровская, 2000, с. 105–107] в плане атрибуции группу представляют моливдовулы «οἱ ἐπὶ τῶν βαρβάρων», датируемые IX–X вв. [Schlumberger, 1884, p. 27–29, 447–456; Laurent II, 1963–1981, p. 244–262; Seibt, Wassiliou, 2004, S. 50–57]. Наконец, несомненный интерес для диссертационного исследования представляют моливдовулы отдельных предводителей иностранцев в Византии [Серен, 2001, с. 165–173; Cheynet, 2002, p. 117–124].

Агиография. Среди житийной литературы необходимо выделить, во-первых, два текста, содержащих упоминания об этнархах в последней трети X – первой половине XI вв. Это «Житие Фантина Младшего» [La Vita di San Fantino, 1993, p. 9–11, 456–457] и «Житие Никона Метаноите» (середина XI в.) [The Life of

Saint Nikon, 1987, p. 190–192]. Во-вторых, «Чудеса Св. Евгения Трапезундского» Иоанна Ксифилина (середина XI в.), сообщающие о пребывании тагмы росов в Трапезунде в первой трети XI в. [The Hagiographie Dossier of St Eugenios, 1996, p. 88, 182–185, 376].

1.1.2. Древнескандинавские источники. Саги. Большой объем сведений об истории корпуса иностранных наемников в Византии содержится в материалах саг – исторических произведений, записанных преимущественно в Исландии в середине XII – XIV вв. и повествующих о действующих лицах скандинавской истории X–XI вв. [Исландские саги, 2000, с. 7–12; ODMA, 2010, p. 838–839] Основное значение в рамках нашего исследования имеют «королевские саги», представляющие собой жизнеописания того или иного конунга [Джаксон, 2012, с. 9–62; Old Norse-Icelandic Literature, 1985, p. 197–238], и «родовые саги», сообщающие о жизни конкретных представителей исландских родов [Old Norse-Icelandic Literature, 1985, p. 239–315]. К числу первых относятся королевские саги из свода «Круг Земной» Снорри Стурлусона [Гуревич, 1980, с. 612–632], «Сага об Олаве Трюггвасоне», «Сага об Олаве Святом» (включая «Прядь об Эймунде Хрингссоне»), «Сага о Харальде Суровом», а также «Сага о Ятварде». Отдельный интерес представляет «Прядь о тингаманнах» («Þingamanna þáttur») в составе «Саги о йомсвикингах» в единственной редакции последней четверти XIV в. [Text of the supplement to Jónsvíkinga saga, 1949, p. 92–93] Здесь же укажем хронику Саксона Грамматика «Деяния данов» (последняя четверть XII – начало XIII вв.) [Саксон Грамматик 1, 2021, с. 388–407]. Среди саг об исландцах необходимо выделить «Сагу о Храфнкеле Годи Фрейра», «Сагу о Халльфреде Трудном Скальде», «Сагу о Финнбоги Сильном», «Сагу о Ньяле», «Сагу о битве на Вересковой Пустоши», «Сагу о людях из Лососьей Долины» и «Сагу о Греттире» [Blöndal, 2007, p. 193–216]. Информация, приводимая в сагах, в целом имеет важное значение при рассмотрении вопросов формирования, организации, статуса, условий службы и участия в боевых действиях скандинавских наемников, а также причин, побуждавших их отправляться в Византию.

Скальдическая поэзия. Ряд сведений о пребывании и деятельности скандинавов в Византийской империи содержится в поэтических произведениях скальдов [Поэзия скальдов, 1979, с. 77–130; Исландские саги, 2000, с. 409–434]. Большая часть стихов дошла до нас фрагментарно в составе иных текстов (преимущественно в сагах). Однако сложность и своеобразие скальдического произведения, требующие сохранения его формы, размера, порядка и точности слов, делают поэзию скальдов весьма надежным источником [Джаксон, 2009, с. 55–56]. Сопровождая своих покровителей в путешествиях и военных походах, а затем создавая в их честь хвалебные песни, скальды четко сообщали о посещенных местах, сражениях, противниках, действиях войск и их предводителей, полученной добыче [Прицак, 1997, с. 325–342; Blöndal, 2007, р. 55–102]. В отдельных стихах находят отражение элементы византийской религиозной пропаганды и порождаемых ею среди скандинавов представлений о христианстве.

Сборники законов. Из сводов средневекового скандинавского права интерес для диссертации представляют два сборника областных законов, в которых оговариваются аспекты наследования и распоряжения имуществом, связанным с людьми, пребывавшими в «Стране Греков» [Прицак, 1997, с. 494–495]. Это, во-первых, «Закон Гулатинга» – древнейший из сохранившихся провинциальных законов Норвегии (составлен предположительно в середине X в.; первые записи относятся к первой трети XI в.) [Агишев, 2015, с. 49–89; Панкратова]. Во-вторых, «Вестгёталаг» – один из древнейших областных законов Швеции (текст старшей редакции был записан в 1220–1280-х гг.) [Прицак, 1997, с. 496–498; Из ранней истории шведского народа и государства, 1999, с. 173–176, 210–211].

Эпиграфика. Среди надписей, выполненных младшим футарком на рунических камнях X–XII вв. [Мельникова, 2001, с. 36–44], встречаются сообщения о пребывании скандинавов в Византии. Часть из них повествует о службе в империи в качестве воинов-наемников, высоком положении, связанном с командованием дружиной, материальных приобретениях, местах проведения военных кампаний, а также гибели человека в «Стране Греков» [Прицак, 1997, с.

415–416; Мельникова, 2001, с. 46–62, 306, 318–319, 343–353]. Кроме того, известны рунические надписи конца X – начала XII вв., происходящие с территории Византийской империи. Это несколько надписей-граффито в соборе Св. Софии и три рунические надписи, выполненные, вероятно, в память о павшем в битве воине, на статуе льва, находившейся в Пирейской гавани Афин («Пирейский лев») [Прицак, 1997, с. 413–423; Мельникова, 2001, с. 257–272; 2011, с. 521–529; Blöndal, 2007, р. 223–233].

1.1.3. Древнерусские источники. Источники древнерусского происхождения, имеющие значение для диссертационного исследования, в целом ограничиваются двумя летописными сводами – «Повестью временных лет» и «Новгородской первой летописью» младшего извода. Опуская здесь многолетнюю источниковедческую дискуссию, связанную с проблемами древнерусского летописания [Данилевский, 2004, с. 76–83; Гиппиус, 2006, с. 56–96; 2012, с. 37–63; 2012а, с. 41–50; Михеев, 2011, с. 9–11; Гимон, 2013, с. 758–778; Толочко, 2015, с. 20–34, 40–43], отметим лишь, что наиболее убедительной нам представляется источниковедческая схема, предложенная К. Цукерманом, возводящая и «Повесть временных лет», и оба извода «Новгородской первой летописи» к древнейшему «Сказанию 1016/1017 г.» [Цукерман, 2009, с. 183–305]. Исходя из нее, летописные сведения о событиях конца X – XI вв. могут быть признаны заслуживающими доверия. Применительно к X в. первостепенное значение имеют включенные в «Повесть временных лет» старославянские тексты русско-византийских договоров 911, 944 и 971 гг. [Малингуди, 1995, с. 68–91; 1997, с. 58–87; Щавелев, 2020а, с. 55–86] Фактически они являются переводами, сделанными с содержащихся в копийных книгах императорской канцелярии в Константинополе оригинальных греческих текстов, копии которых были привезены на Русь в последней трети X – начале XII вв. [Малингуди, 1997, с. 85–87] Договоры включают пункты о порядке предоставления союзной помощи и организации воинских контингентов для службы в империи, регулируют вопросы правового положения и распоряжения имуществом наемных воинов.

1.1.4. Западноевропейские источники. Первая группа источников включает три небольшие латиноязычные хроники, составленные в южноитальянском городе Бари, являвшемся центром византийской фемы Лонговардия, а затем катепаната Италии с последней четверти IX в. по 1071 г. [Oikonomidès, 1965, p. 118–123; ODB, 1991, p. 1249–1250] «Барийские анналы» (середина XI в.), предположительно принадлежащие авторству неизвестного по имени барийского монаха, охватывают события с 605 по 1043 гг. [Хроники Италии, 2020, с. 549–551; Churchill, 1979, p. 20–57, 100–101; ЕМС, 2010, p. 55] «Хроника Лупа Протоспафария» (начало XII в.), автор которой, вероятно, также был монахом или священнослужителем в Бари во второй половине XI – начале XII вв., касается периода с 855 по 1102 гг. [Churchill, 1979, p. 100–101; ЕМС, 2010, p. 1051] «Хроника Барийского Анонима» (первая четверть XII в.) повествует о событиях с 855 по 1118 гг. [Хроники Италии, 2020, с. 572–573; ЕМС, 2010, p. 100]. Перечисленные письменные источники барийского происхождения содержат ценнейшие сведения по истории византийских Южной Италии и Сицилии, акцентируя внимание на противостоянии империи с арабами и норманнами в регионе, боевых действиях, персонах командующих и, что особенно для нас важно, этническом составе византийских войск. Сюда же следует отнести два сочинения, также упоминающие о военных операциях в Южной Италии, действовавших там византийских войсках и наличии в них отрядов иностранных наемников во второй половине X – первой половине XI вв. Речь идет о «Хронике» аквитанского монаха Адемара Шабаннского (около 988–989 гг. – 1034) [ЕМС, 2010, p. 14–15] и части «Хроники монастыря Монтекассино» (последняя треть XI – первая половина XII вв.), составленной Львом Марсиканским (около 1040-х гг. – 1115) [Лев Марсиканский, Петр Дьякон, 2015, с. 346–383; LDM 5, 1980–1999, S. 1882; ЕМС, 2010, p. 372].

Вторую группу источников составляют итало-норманнские исторические произведения, целиком посвященные описанию деятельности норманнов в Южной Италии и Византийской империи в XI в. [Wolf, 1995] «История норманнов» монаха Амато из Монтекассино (около 1010–1030-х – около 1090–1100-х гг.) [ЕМС, 2010,

р. 34] охватывает период с 1000 по 1078 гг., подробно сообщая как о столкновениях норманнов с византийцами, так и об их службе в империи [Ystoire de li Normant par Aimé, 1892, р. 8–71; The Normans in Europe, 2000, р. 267–268, 270–271; Amatus of Montecassino, 2004, р. 1–39]. Хроника «О деяниях Рожера, графа Калабрии и Сицилии, и герцога Роберта Гвискара, его брата» сицилийского монаха Гоффредо Малатерры (XI – начало XII вв.) [LDM 4, 1980–1999, S. 1142–1143] посвящена событиям около 1035–1098 гг. Она содержит подробную информацию о деятельности норманнов в качестве наемников в войске Георгия Маниака во время его сицилийской кампании 1038–1040 гг. и дальнейшем их пребывании в составе византийских вооруженных сил [Geoffrey Malaterra, 2005, р. 5–33]. «Деяния Роберта Гвискара» Вильгельма Апулийского (XI – начало XII вв.) [EMC, 2010, р. 1509–1510] описывают события около 1017–1085 гг. [Guillaume de Pouille, 1961, р. 3–96] Это сочинение, посвященное норманно-византийскому противостоянию, содержит множество сведений о пребывании на византийской службе ряда норманнских наемников.

Третья группа западноевропейских источников, использованных в диссертации, содержит информацию об английской эмиграции и военной службе англичан в Византии в последней трети XI в. Это «Церковная история» английского монаха Ордерика Виталия (1075 – около 1142 г.) [EMC, 2010, р. 1169] и «Всемирная хроника» Ланского Анонима, составленная на латинском языке анонимным монахом из северофранцузского города Лан около 1219 г. [Ciggaar, 1974, р. 301–302] Последняя сохранила подробный рассказ о переселении в империю большой группы англичан, недовольных нормандским правлением. Аналогичный отрывок приведен в исландской «Саге о Ятварде» (XIV в.) [Fell, 1974, р. 179–196; Rogers, 2017, р. 84–86]. Упоминания об англичанах на византийской службе в Константинополе в последней четверти XI в. содержат «Чудеса Св. Августина» английского монаха Джоселина (вторая половина XI в.) и описание паломничества кентерберийского монаха Джозефа в Иерусалим и Константинополь около 1090 г. [Haskins, 1910, р. 293–295; Vasiliev, 1937, р. 60–64].

Отдельно необходимо отметить сообщения кремонского епископа Лиутпранда (около 920 – 970/972) [LDM 5, 1980–1999, S. 2042; EMC, 2010, p. 1034], дипломатическая деятельность которого включала две миссии в Константинополь в 949 г. и 968 г. [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 6–12]. Первая нашла отражение в сочинении «Антаподосис» («Воздаяние»), представляющем собой хронику отдельных событий европейской истории за период 880-х – 940-х гг. Помимо упоминания народов, соседствующих с Византией и находящихся у нее на службе, Лиутпранд дает развернутое описание императорской церемонии раздачи жалования воинам и чиновникам, перечисляя формы и размеры оплаты [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 20, 109–110]. Рассказ о второй поездке в Византийскую империю («Донесение о посольстве в Константинополь») содержит несколько ценных подробностей о составе византийской армии в период военных кампаний против арабов на протяжении 960-х гг. В частности, Лиутпранд фиксирует факт вербовки пленных венгров в императорскую элиту, а также присутствие в византийских вооруженных силах этого времени венецианцев и амальфитанцев [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 140].

1.1.5. Восточные источники. Ряд сочинений армянских историков XI – первой половины XII вв. содержит обширные сведения о взаимоотношениях Византии с государствами Закавказья, столкновениях с арабами, болгарами, тюркскими народами, внутриимперских конфликтах, службе в византийской армии воинских формирований армян, грузин, тюрков и «западных народов».

Для диссертационного исследования во «Всеобщей истории» Степаноса Таронаци (Асохик/Асолик) [EMC, 2010, p. 1391] (X – начало XI вв.) заслуживает внимания, прежде всего, ее третья часть, повествующая о событиях 886–1004 гг. Асохик упоминает об участии в войнах и внутренних конфликтах Византии иностранных союзных и наемных отрядов. «Повествование о бедствиях армянского народа» вардапета Аристокэса Ластивертци (XI в.) [EMC, 2010, p. 109] посвящено византийской экспансии в Закавказье и вторжению турок-сельджуков в период с 1000 по 1071 гг. [Повествование вардапета Аристокэса Ластивертци, 1968,

с. 13–51; Aristakès de Lastivert, 1973, p. 13–45] В нем уделено определенное внимание внутреннему устройству Византийской империи и сообщается о службе в ее армии наемников из числа армян, грузин, франков, варангов и росов [Юзбашян, 1959, с. 14–20]. «Хронография» армянского монаха Маттэоса Урхайеци (Матфей Эдесский) (около 1070 – около 1137–1144 гг.) [ЕМС, 2010, р. 1091] охватывает события истории Ближнего Востока в период с 952 по 1136 гг. В ней содержится информация о кампаниях византийской армии в Киликии, Сирии, Месопотамии, Закавказье и Болгарии, борьбе за власть внутри империи, отдельные упоминания о служилых иноземцах.

Среди арабских источников прежде всего выделим произведения двух поэтов эмира Алеппо Сайф ад-Даулы (945–967), с которым Византийская империя вела ожесточенные войны во второй половине 940-х – 960-х гг. Один из них, Абу Фирас аль-Хамдани [Vasiliev, 1950, p. 349–352; EI I, 1993–2005, p. 119–120; PmbZO.20051] (932/933–968), двоюродный брат и доверенное лицо Сайф ад-Даулы, лично принимал участие в сражениях с византийскими войсками, фактически задокументировав их в стихотворной форме. Стихи Абу Фираса были собраны в диван арабским грамматиком и адибом Ибн Халавайхи [EI III, 1993–2005, p. 824–825] (начало X в. – 980/981), который снабдил их обстоятельными историческими комментариями. Поэт и его комментатор сообщают о ведении императором Константином VII дипломатических переговоров с правителями болгар, тюрок, росов, франков и других народов по поводу предоставления военной помощи. Они отмечают отряды армян, болгар, росов, славян и хазар в составе византийских войск, участвовавших в сражениях при крепостях Хадат в 954/955 г. и Рабан в 958 г. [Vasiliev, 1950, p. 364, 368–369] Придворный поэт аль-Мутанабби (915–965) [Vasiliev, 1950, p. 304–307; EI VII, 1993–2005, p. 769–772; PmbZO.25462] служил Сайф ад-Дауле в 948–957 гг. и сопровождал своего господина в походах против византийцев, благодаря чему оставил весьма яркие и детальные описания кампаний и битв. Он также упоминает об иностранных отрядах на имперской службе, в частности, в поэме «На отвоевание аль-Хадата» [Vasiliev, 1950, p. 331–333, 337–

339], где, разумеется, предвзято, но весьма ярко говорит о византийском войске: *«Здесь были собраны люди всех народов и всех языков – приказы они понимали лишь с помощью переводчиков»* [аль-Мутанабби; Vasiliev, 1950, p. 333; McGeer, 1995, p. 201].

Как отмечал французский востоковед М. Канар, одним из наиболее важных в арабоязычной историографии сочинений для изучения истории Византийской империи X–XI вв. является «Продолжение Истории» [Canard, 1961, p. 284, 300] христианского арабоязычного автора Яхьи Антиохийского (около 980 – около 1066) [ЕМС, 2010, p. 1534]. Это произведение охватывает период с 938 по 1034 гг., концентрируясь на событиях в Византии, Сирии и Египте [Розен, 1883, с. 1–103; Histoire de Yahya-ibn-Sa‘īd d’Antioche, 1924, p. 701-703; Canard, 1961, p. 300–302]. Помимо нескольких сообщений о росах в византийской армии, в тексте упоминаются также арабские, армянские и грузинские воинские контингенты как в императорских войсках, так и в составе сил узурпаторов.

Для темы диссертации интерес представляет также «Полный свод истории» мосульского историка Ибн аль-Асира (1160–1233/1234) [ЕІ ІІІ, 1993–2005, p. 723–725; The Annals of the Saljuq Turks, 2002, p. 1–10; ЕМС, 2010, p. 823; Ибн ал-Асир, 2006, с. 7–17]. Кроме того, в работе использованы отдельные сообщения арабских географических трактатов IX–X вв., касающиеся военной организации Византии и тюрко-хазарских наемных отрядов на императорской службе. Речь идет о «Книге путей и государств» (вторая половина IX в.) Ибн Хордадбега (около 820–825 гг. – около 890–912 гг.) [Ибн Хордадбег, 1986, с. 8–38; Крачковский, 2004, с. 147–150; ЕІ ІІІ, 1993–2005, p. 839–840], «Книге дорогих ценностей» (около 903–913 гг.) Ибн Русты (вторая половина IX – начало X вв.) [Крачковский, 2004, с. 159; ЕІ ІІІ, 1993–2005, p. 920–921] и сочинении «Наилучшее распределение для познания стран» (вторая половина 980-х гг.) аль-Макдиси (около 946–947 гг. – около 1000) [Крачковский, 2004, с. 210–218; ЕІ VІІ, 1993–2005, p. 492–493].

Выполненный анализ источниковой базы диссертационного исследования позволяет сделать следующие выводы:

1) Активное использование иностранных наемных контингентов как внутри Византийской империи, так и на всех театрах военных действий закономерно получило отражение в широком круге источников византийского, скандинавского, древнерусского, западноевропейского, закавказского и арабского происхождения. Однако эти сведения по большей части фрагментарны и акцентированы либо на отдельных аспектах службы иноземцев, либо на участии отдельных этнических групп и персон в конкретных политических и военных событиях. Целостное же представление о месте и роли иностранного наемного корпуса в вооруженных силах Византии середины IX – конца XI вв. может быть составлено лишь при систематизации многочисленных, но весьма мозаичных свидетельств в общую историческую картину;

2) Комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет фиксировать изменения, происходившие в составе и статусе воинских частей этников. Информация византийских трактатов и тактиконов вместе с данными сфрагистики дает возможность определить общие тенденции развития иноэтничных подразделений в структуре вооруженных сил империи, а также выявить закономерности в процессе формирования их командного состава;

3) Необходимо учитывать тенденциозный характер ряда наших источников. Одни из них проникнуты панегирическим тоном по отношению к Византийскому государству, определенной социально-политической группе или авторитетной личности и имеют пропагандистскую направленность. Другие склонны подчеркивать и преувеличивать значение и заслуги отдельных этнических групп и их лидеров. Третьи стремятся изобразить византийскую армию как сплав различных разноязыких народов, нелегкая победа над которыми должна принести славу победителю и продемонстрировать слабость самой империи, неспособной обходиться собственными военными силами.

1.2. Историография

Историография диссертационного исследования чрезвычайно обширна и неоднородна, поскольку проблемы, связанные с военной службой иностранцев в византийской армии, лежат в разных плоскостях – военно-административной, дипломатической, этнополитической, социокультурной, социально-экономической. В этой связи наиболее оптимальным нам представляется рассмотрение существующих точек зрения и подходов к изучению института иностранного наемничества в Византийской империи в рамках четырех наиболее важных проблемных блоков: 1) общие работы по истории Византии; 2) исследования по истории военного дела и военно-административной системы; 3) исследования дипломатических, социокультурных и социально-экономических отношений; 4) исследования, посвященные отдельным этническим группам, находившимся на имперской службе.

Представления об институте иностранного наемничества в общих работах по истории Византии. В последней трети XVIII в. британским историком Э. Гиббоном была сформулирована концепция тысячелетнего упадка и вырождения Восточной Римской империи. Вся история Византии представлялась ему как череда поражений, вызванных изнеженностью, порочностью и нерешительностью ее населения, утратившего *«национальное мужество»* и переложившего все заботы о защите своей империи на иностранных наемников [Гиббон, 2008, с. 210, 217, 385].

Иначе к проблеме подошел британский историк XIX в. Дж. Финли. Он отмечал, что византийская армия VIII–XI в. в значительной степени комплектовалась иностранными наемниками, зависимость от которых резко возросла в XI–XII вв. [Finlay, 1856, p. 388, 508] По его мнению, это было связано с процессом депопуляции сельских регионов и высокой ценой на рабочую силу в городах, что привело к нехватке людских ресурсов для армии [Finlay, 1854, p. 8–9]. Благосклонность к иноземным наемникам со стороны византийских императоров

Дж. Финли объяснял «*деспотическими тенденциями*» в государстве [Finlay, 1856, p. 460, 540–541].

Формирование при императорах Македонской династии гвардейского корпуса, состоявшего из иностранных воинов, дало основание немецкому историку XIX – начала XX вв. Г. Ф. Герцбергу заявить о заимствовании Византией военных традиций Римской империи в виде «*восстановления в самом грандиозном виде старинной немецкой гвардии*». Он отмечал отсутствие дисциплины у разноплеменных войск, «*мятежный и хищнический дух*» тюркских и норманнских наемников [Герцберг, 1897, с. 209–213, 241, 251].

Французский историк второй половины XIX – начала XX вв. А. Рамбо выделил два важных аспекта службы иностранцев в империи. Во-первых, он разделял их на «*наемников-авантюристов*» («*aventuriers mercenaires*») и «*военных колонистов*» («*colons militaires*»), оседавших на имперских землях [Rimbaud, 1870, p. 216]. Во-вторых, отметил наличие в византийской военно-политической доктрине IX–X вв. методов религиозной пропаганды в отношении иноземцев [Rimbaud, 1870, p. 89, 272–277].

Значительную часть своего труда «Византийское государство и Церковь в XI в.» русский византинист второй половины XIX – первой четверти XX вв. Н. А. Скабаланович посвятил военной организации империи, подробно рассмотрев проблемы происхождения и функционирования фемной системы, тагмного войска и иностранных наемных отрядов. В его работе присутствует попытка дать подробную характеристику командного состава иноземных подразделений [Скабаланович, 2004, с. 5–58].

В историографии XX в. относительно проблемы онаемничивания византийской армии в XI в. существовало два взаимосвязанных подхода. Первый из них заключался в рассмотрении этого процесса в рамках перехода от фемной организации, основанной на стратиотском землевладении, к феодальной системе и, соответственно, армии феодального типа. В число сторонников данной точки зрения входили М. Я. Сюзюмов, Г. А. Острогорский, Р. Дженкинз, Г. Л. Курбатов.

Другой подход объяснял отказ от «национальной» армии в пользу иностранных наемных сил как одно из проявлений борьбы между гражданской бюрократией и военной аристократией. Его придерживались, в частности, М. В. Левченко, П. Лемерль, С. Врионис.

М. Я. Сюзюмов в своих исследованиях полагал, что усиление налогового давления и экономический рост XI в. позволили византийскому правительству перейти к укреплению удельного веса наемной армии. Императоры все более опирались на наемников (как византийских, так и иностранных), чем на «неблагонадежных» стратиотов, что в конечном итоге привело к упадку стратиотских хозяйств и развалу фемного войска к последней трети XI в. [Сюзюмов, 2018, с. 44–45, 79, 87–88]

Принципы фемной организации, составлявшие основу сильного «отечественного» войска, с точки зрения югославского византиниста Г. А. Острогорского, надолго обеспечили империи отказ от необходимости вербовки ненадежных, дорогостоящих и не всегда доступных в нужном количестве иностранцев. Наемное войско становится актуальным примерно с 1030-х гг. при нарастающей деградации национальных вооруженных сил [Острогорский, 2011, с. 147, 412–413]. Византийская армия конца XI в. представлялась Г. А. Острогорским как «пестрая смесь иноземных наемников», часто занимавшихся грабежом и насилием [Острогорский, 2011, с. 431, 440]. Усиление налогового пресса позволило вербовать их в большем количестве, а введение прониарной системы запустило процесс феодализации армии [Острогорский, 2011, с. 454–456].

Отказ от фемного строя с его экономичностью, эффективностью и патриотическими чувствами стратиотов, по мнению британского византиниста Р. Дженкинза, привел империю к необходимости использования иностранных наемников. Неспособность оплатить их услуги во второй половине XI в. обусловила политику предоставления проний, что Р. Дженкинз прямо сравнивал с западноевропейскими феодальными практиками. При этом дорогим и часто

нелояльным иностранным контингентам были свойственны отсутствие сплоченности, дисциплины и энтузиазма [Jenkins, 1966, p. 364–365, 369].

Кризисные явления в византийской армии, связанные с сокращением численности и уменьшением расходов на ее содержание со стороны правительства, объяснялись исследователями нахождением у власти в 1025–1056 гг. партии гражданских чиновников, стремившейся к ослаблению военной знати и потому опиравшейся на наемные отряды. К примеру, по мнению французского византиниста П. Лемерля наиболее остро антагонизм между «феодальной» партией, представленной провинциальной военной аристократией, и партией столичного чиновничества проявился в 1056–1081 гг. Восстания военных, опиравшихся на фемные отряды, склоняли «гражданских» императоров к политике сокращения «национальных» войск в пользу наемных [Lemerle, 1948, p. 97–98].

Американский византинист С. Врионис указывал, что учреждение «национальной» фемной армии сопровождалось падением значимости нелояльных и высокооплачиваемых иностранных наемников [Vryonis, 1967, p. 72]. Он считал замену стратиотской службы денежными выплатами ко времени императора Константина X Дуки (1059–1067) *«фактическим уничтожением национальной армии и заменой ее наемными норманнами, германцами, печенегами и армянами»*, что стало серьезной ошибкой и одной из причин последовавшего коллапса [Vryonis, 1967, p. 123–125; 1971, p. 69–113].

Причины неспособности противостоять угрозе со стороны турок-сельджуков, ярко проявившейся в катастрофе у Манцикерта в 1071 г., американский византинист П. Харанис видел именно в упадочном состоянии византийской армии и сомнительной роли иностранных наемников, которые были *«чужды культурным традициям империи и руководствовались в большей мере собственными интересами»* [Charanis, 1975, p. 17–18]. Схожее мнение выразил британский византинист М. Анголд, считавший, что армия конца 1060-х – начала 1070-х гг. состояла из небольшого числа иноземных наемников, которые могли

вести оборонительную войну, но были не в состоянии проводить наступательных действий [Angold, 1997, p. 42–43].

Пожалуй, наиболее объективно к рассматриваемой проблеме подошел современный американский византинист Э. Калделлис в своей недавней работе по истории Византии второй половины X – XI в. Он признает, что империя всегда пользовалась услугами иностранных солдат – *«либо варварских наемников, либо подразделений, предоставленных или нанятых из соседних клиентских государств»* [Kaldellis, 2017, p. 11]. В то же время историк призывает к осторожности: источники нередко перечисляют в составе византийских войск иноземные контингенты, что дает многим исследователям основание указывать на традиционную полиэтничность имперской армии. Однако Э. Калделлис видит причины частого упоминания иностранцев не в том, что они в действительности составляли большинство в византийской армии, но лишь в их экзотичности и самобытности, а также в стремлении отдельных источников подчеркнуть упадок ромейских войск или представить их в карикатурном виде [Kaldellis, 2017, p. 11–12, 275]. По его мнению, численность *«неромейских»* отрядов редко превышала несколько сотен воинов, а их использование было обусловлено, во-первых, специализацией отдельных этносов на *«определенных типах ведения военных действий»* (*«specific types of war»*), а, во-вторых, интересом императоров к ним как к средству удержания своей власти и контроля над армией и ее командованием [Kaldellis, 2017, p. 9, 11–12, 275–276]. Существующие в историографии концепции идеализации фемной системы и позднейшей византийской «феодализации» исследователь характеризует как морализаторские, политизированные и явно устаревшие [Kaldellis, 2017, p. 274].

Исследования по истории военного дела и военно-административной системы. Среди представителей данного направления нужно отметить, прежде всего, британского военного историка второй половины XIX – первой половины XX вв. Ч. Омана, являвшегося последовательным противником концепции Э. Гиббона о перманентном кризисе византийской государственности. По его

мнению, причины многих военных неудач империи заключались не в слабости византийской армии, а в недостаточной численности воинских контингентов, плохом командовании и «*непредвиденных бедствиях*». Он отмечал наличие в Византии полноценной военной системы, отвечавшей требованиям времени, превосходство византийских войск в дисциплине, организации и вооружении [Oman, 1885, p. 28–46]. Кризисные же явления второй половины XI в., особенно после поражения под Манцикертом в 1071 г., Ч. Оман объяснял ослаблением центральной власти и потерей малоазийских фем с их людскими ресурсами [Oman, 1885, p. 46–48; Oman, 2008, p. 215–269].

В своих исследованиях по византийской сфрагистике французский историк второй половины XIX – первой трети XX вв. Г. Шлюмберже подробно затронул содержание многих военных и гражданских должностей, связанных с управлением иностранными контингентами, таких как этериарх, переводчик, ὁ ἐπί τῶν βαρβάρων, а также персоны отдельных лидеров иноземцев [Schlumberger, 1884, p. 91, 346–351, 447–456, 656–664]. Исследуя административную систему Византийской империи IX–X вв. британский византинист последней трети XIX – первой трети XX вв. Дж. Бьюри обратил внимание на состав и организацию императорской этерии, которую он считал результатом развития корпуса федератов [Bury, 1911, p. 64, 106–108, 111]. Во второй половине XX в. специальное исследование византийских институтов, титулов и должностей было предпринято французским византинистом Р. Гийаном [Guilland, 1967]. Им была высказана гипотеза об аколупе как командире корпуса варангов [Guilland, 1960, p. 79–83]. Крупнейшей и наиболее детальной работой, посвященной византийским этериархам, вплоть до настоящего времени остается статья британской византинистки П. Карлин-Хейтер, полагавшей, что эта должность, обозначавшая командующего императорской гвардией, появившись в IX в. к XIV в. претерпела значительные изменения, в конечном итоге трансформировавшись в сугубо гражданский чин [Karlin-Hayter, 1974].

Представления французской византинистки Э. Гликадзи-Арвелер о военной истории Византии нашли отражение в двух крупных исследованиях, посвященных

византийской административной системе IX–XI вв. и военно-морским учреждениям империи VII–XV вв. Она считает, что византийское правительство прибегло к фискализации стратий уже в первой половине X в. для оплаты профессиональных наемных тагм, оснащенных и обученных лучше, чем фемные контингенты. Эти меры приобрели регулярный характер, начиная с правления императора Никифора II. Однако в XI в. система наемного войска, несмотря на все преимущества в виде упрощенного набора, высокого качества солдат и военной эффективности тагм, в перспективе вела к прогрессирующей «девизантинизации» и дезорганизации армии, а также рискам в виде мятежей со стороны иностранных отрядов [Glykatzī-Ahrweiler, 1960, p. 10–24]. Иностранные контингенты, согласно Э. Гликадзи-Арвелер, фактически могут быть разделены на две категории – «поселившиеся в империи иностранцы» (*«étrangers installés dans l'empire»*) и «отряды иностранных наемников» (*«troupes mercenaires d'étrangers»*), которые образовывали отдельные этнические тагмы. Последняя категория, по ее мнению, была характерна для армии XI в., когда потребность в профессиональных и мобильных воинских силах была особенно велика [Glykatzī-Ahrweiler, 1960, p. 24–36]. Э. Гликадзи-Арвелер полагает, что императорские военно-морские силы и сухопутные войска, формировавшиеся путем найма ромеев и иностранцев и находившиеся под прямым контролем центрального правительства, в X – первой половине XI вв. являлись важным средством сохранения политической власти и стабильности [Ahrweiler, 1966, p. 43–44, 110, 140, 149–151, 155–159]

В последней трети XX в. греческий византинист Н. Икономидис, основываясь на материалах четырех тактиконов IX–X вв., рассмотрел командные должности, связанные с иностранными наемниками дворцовой гвардии (этериарх, аколупф) и тагмного войска (этнарх, топотирит этнарха) [Oikonomidès, 1972, p. 327–340]. Основные изменения в византийской армии, обусловленные переходом к экспансионистской политике, он относил ко второй половине X – первой четвертью XI вв., выделяя в их числе фискализацию стратий, замену фемного войска наемным, массовую вербовку иностранных воинов, размещение тагм в

приграничных районах, формирование вдоль границы многочисленных мелких фем, а также создание новых командных должностей – дук и катепанов. Период 1025–1118 гг. исследователь выделил в качестве времени роста численности и значения иностранных наемных контингентов, резко усилившегося начиная с правления императора Константина IX Мономаха (1042–1055) [Oikonomidès, 1976, p. 144, 150]. Рассматривая группы печатей «ὁ ἐπὶ τῆς (μεγάλης) ἐταιρείας» и «ὁ ἐπὶ τῶν βαρβάρων» Н. Икономидис предположил, что они принадлежали держателям государственного аннуитета, получавшим регулярную прибыль от своих финансовых вложений в императорские этерии [Oikonomides, 2001, p. 9–28]. Ранее вопросы государственного аннуитета в Византийской империи, в том числе в связи с иностранной знатью, освещались также П. Лемерлем [Lemerle, 1967]. Здесь же следует указать исследования Н. А. Алексеенко [Алексеенко, 2017; 2018].

Французский византист Ж.-К. Шене в специальной работе рассмотрел процесс становления византийцами предводителей этнических контингентов, находившихся на имперской службе в X–XII вв. [Cheynet, 2010] Среди причин использования тагм иностранцев в это время он называет экономическое возрождение X в., отсутствие у иностранцев политических связей и интересов внутри Византийского государства [Cheynet, 1998, p. 27–28], специализацию, эффективность и возможность долговременно оставаться на службе [Cheynet, 2006, p. 65, 72–73]. Необходимо также отметить классическую работу Ж.-К. Шене о мятежах и восстаниях в Византийской империи во второй половине X – начала XIII вв. [Cheynet, 1996], где указаны и участвовавшие в них иностранные отряды со своими предводителями.

Проблемы истории военной организации Византийской империи всесторонне разрабатывались российским исследователем В. В. Кучмой. Кризис фемной системы в конце IX – начале X вв. он объяснял в первую очередь «размыванием социальной основы фемного войска» [Кучма, 2017, с. 317], что привело к ряду внешних неудач Византийского государства и росту удельного веса наемного элемента в византийской армии с сопутствовавшим увеличением

государственных расходов. Во второй половине X в. империя начинает применять новые способы ведения войны и элементы военной организации, которые сменили фемный строй и улучшили профессиональные качества византийских воинских подразделений [Кучма, 1975, с. 79–85; 1989, с. 294–295; 2017, с. 314–319].

Крупнейшие исследования в области истории военного дела и военной организации Византийской империи принадлежат британскому византинисту Дж. Хэлдону. По его мнению, процесс перехода империи к широкому использованию наемных сил начинается в IX–X вв. и отражает потерю эффективности системы фемных ополчений, сложившейся и действовавшей в ином политико-экономическом контексте. С этого времени государство вновь приобрело способность к ведению долгосрочных войн и проведению крупномасштабных наступательных операций, требовавших профессиональных, но дорогостоящих наемных войск. Период второй половины X – XI вв. стал эпохой агрессивных полевых армий, в которые для усиления их мощи активно привлекались иностранные отряды [Haldon, 1979, p. 78–80; 1993, p. 65–66; 1999, p. 84–85, 90–93, 213]. Помимо этого, в своих работах Дж. Хэлдон отмечает существование проблемы восприятия иностранных войск в качестве чужаков, подозрительность к которым являлась неотъемлемым элементом византийской культуры, усугублявшимся обязанностью населения обеспечивать этнические контингенты. Империя, однако, проявляла склонность к ассимиляции иностранных солдат, как наемников, так и военных поселенцев [Haldon, 1993, p. 53; 1999, p. 259, 268–269].

В своей монографии, посвященной упадку и гибели фемной системы, греческая исследовательница М. Григориу-Иоанниду пришла к выводу, что регулярные фемные отряды (таксаты или таксеоты) VIII–IX вв., а затем провинциальные тагмы X–XI вв. дополнительно укреплялись отрядами местного иноэтничного населения и тагмами иностранных наемников. Переход к профессиональной армии в X–XI вв. она объясняет ведением империей многочисленных войн, обусловивших необходимость долгосрочного присутствия войск в местах ведения боевых действий [Γρηγορίου-Ιωαννίδου, 1985, σ. 113–148].

Проблемы организации византийской армии X–XI вв., особенно в связи с системой тагмных формирований, были рассмотрены в монографии немецкого исследователя Х.-И. Кюна. Кульминационным пунктом перехода вооруженных сил империи от стратиотского ополчения к профессиональному тагмному войску исследователь считает деятельность «солдатских императоров» Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия (969–976). К числу основных признаков реструктуризации имперской армии он относит разделение высшего командования на западное и восточное, создание новых тагм, тактических командных должностей и принципиально иных военно-административных единиц (дукатов и катепанатов). Факт наличия в византийской армии иноэтничных контингентов, по мнению Х.-И. Кюна, практически не повлиял на организацию фемных и тагмных войск, не считая отдельных архонтий и императорской этерии. Исследователь полагает, что структура иноземных тагм не отличалась от структуры ромейских [Kühn, 1991, S. 31–46]. При этом он абсолютно справедливо заметил, что невозможно с полной уверенностью говорить о том, как именно были организованы отряды варангов или норманнов в конце X – XI вв. [Kühn, 1991, S. 257–259]

Американский византинист У. Тредголд рассмотрел вопросы организации, структуры, численности и оплаты византийских войск IX–XI вв. в нескольких специальных работах [Treadgold, 1992; 2005] и большом исследовании, посвященном развитию вооруженных сил Восточной Римской империи с конца III по конец XI вв. [Treadgold, 1995]. Период, наступивший после смерти императора Василия II, он называет временем кризиса византийской армии, связывая его с военно-экономической политикой византийских правителей 1040-х – 1060-х гг., составными частями которой стали обесценивание монеты и уменьшение размеров армейского жалования наряду с продолжением фискализации стратий. Во избежание внутреннего недовольства и военных мятежей центральное правительство прибегло к опоре на наемников и «союзные вспомогательные отряды» («*allied auxiliaries*») [Treadgold, 1995, p. 40].

В своем исследовании, посвященном теории и практике военного дела Византийской империи второй половины X в., канадский византинист Э. МакГир, опираясь на данные «Стратегики» императора Никифора II Фоки и отдельные главы «Тактики» Никифора Урана, привел обстоятельные комментарии относительно организации, тактики, состава, боевых порядков, марша и лагерного устройства византийских войск [McGeer, 1995]. Усиление роли иностранных наемных отрядов с середины X в. он связывает с правлением императора Константина VII [McGeer, 1995, p. 200–201].

Проблемы византийской военной теории, терминологии, политики, организации армии и структуры командного состава второй половины IX – XI вв. подробно рассмотрены в работах российского византиниста А. С. Мохова [Мохов, 1997; 2000; 2002; 2003; 2004; 2005; 2005а; 2011; 2012; 2016]. В них также затрагиваются отдельные вопросы службы иностранных наемников [Мохов, 2006] и их лидеров. В своем диссертационном исследовании и монографии [Мохов, 2013а], посвященных развитию византийских военно-административных структур в середине VIII – середине XI вв., А. С. Мохов утверждает, что в ходе военных преобразований императоров Никифора II Фоки, Иоанна I Цимисхия и Василия II происходит ликвидация фемных контингентов и армия переходит на регулярный способ комплектования [Мохов, 2004, с. 31–32]. Период 1030-х – 1050-х гг., по его мнению, отмечен постепенным упадком полевых армий и системы пограничных военно-административных единиц, что создало предпосылки для окончательного крушения традиционной системы византийских вооруженных сил в 1060-х – 1070-х гг. [Мохов, 2013б, с. 30]

Крупное исследование о правлении императора Василия II и его военно-административной политике было предпринято британской византинисткой К. Холмс [Holmes, 2005]. Она указывает, что Василий II намеренно заменял фемные войска, находившиеся под контролем провинциальной аристократии, на наемные тагмы, подчинявшиеся непосредственно императору [Holmes, 2005, p. 27]. Изучению военной политики и организации армии Византии в правление

императора Алексея I Комнина и его наследников (1081–1180 гг.) посвящено исследование американского византиниста Дж. Биркенмайера [Birckenmeier, 2002]. В нем также рассматриваются взаимоотношения империи с норманнами, печенегами, кыпчаками и сельджуками в данный период.

Исследования дипломатических, социокультурных и социально-экономических отношений. В начале 1970-х гг. британским византинистом Д. Д. Оболенским была выдвинута концепция византийского «содружества» («*commonwealth*»). Под этим термином исследователь понимал особую систему политико-дипломатических, экономических, социокультурных и религиозных связей, возникшую и функционировавшую между Византийской империей и рядом стран Восточной и Юго-Восточной Европы в VI–XV вв. Д. Д. Оболенский рассмотрел проблему привлечения представителей иных этносов в византийские вооруженные силы. Им подробно разобраны принципы и методы византийской дипломатии, включая специальную терминологию для обозначения статуса тех или иных народов в отношениях с империей – подданные, официальные друзья, союзники или наемники [Оболенский, 1998, с. 248–252, 293–294; Obolensky, 1971, p. 232–236, 276–277].

Византийским дипломатическим практикам VI – первой четверти XI вв., в том числе военным положениям договоров, посвящена специальная статья американского историка Д. А. Миллера. Он справедливо отмечал трудности в интерпретации статуса иностранных отрядов, выступавших на стороне Византии, и задавался вопросом: в каких случаях это были союзники, представлявшие собственные державы, а в каких «вольные компании» («*free companies*») наемников, нанятые империей напрямую? В конечном итоге Д. А. Миллер выделил четыре типа прямой военной помощи, оказываемой империи со стороны иноземцев: 1) союз, при котором союзные войска действуют в полной независимости от византийцев; 2) союз, при котором союзные войска действуют совместно с византийской армией; 3) наемничество, при котором иностранные воинские контингенты включены в состав имперских корпусов под командованием

византийских командиров; 4) наемничество, при котором иностранные воинские контингенты входят в состав императорской гвардии [Miller, 1971, p. 59–66].

Особенностям византийской дипломатии посвящен ряд работ британского византиниста Дж. Шепарда. В одной из своих статей он подчеркнул стремление византийского правительства и его агентов к использованию военного потенциала других народов в имперских интересах. В частности, Дж. Шепард отмечает, что присутствие воинов-этников в качестве императорских телохранителей и дворцовой стражи, особенно при проведении церемоний приема иностранных посольств, являлось важным символическим актом, демонстрировавшим широту власти византийского императора [Shepard, 2020, p. 287–315].

Для изучения внешней политики Византийской империи на Ближнем Востоке в интересующий нас период последней трети XI в. большое значение имеет монография российского византиниста В. П. Степаненко [Степаненко, 1988]. Среди исследований по истории византийской дипломатии и ее практик необходимо отметить недавнюю работу французского византиниста Н. Дрокура [Drocourt, 2015].

Социокультурные и этносоциальные аспекты пребывания иностранцев в Византийской империи рассматривались советским и американским византинистом А. П. Кажданом. Широкое привлечение в византийские вооруженные силы иностранных наемных контингентов с середины X в. он объяснял вырождением фемной армии-ополчения, отмечая, что в иноземных солдатах «*видели, прежде всего, чужаков, враждебных эллинской цивилизации*» [Каждан, 2006, с. 119]. Включение иноземных наемников, «*чужих по своим обычаям, привязанностям и языку*», в состав византийской элиты являлось одной из причин ее нестабильности [Каждан, 1974а, с. 211–218; 2006, с. 68, 71].

Проблемы этнической истории и этнополитического самосознания народов Византийской империи, а также взаимного восприятия и взаимоотношений этников и византийцев разрабатывались российским византинистом Г. Г. Литавриным [Литаврин, 1977, с. 156–175; 2019, с. 206–225]. В круг его интересов

также входили вопросы, связанные с византийской армией X–XI вв. и тагмами иностранных наемников в ее составе [Литаврин, 1977, с. 236–259; 2019, с. 75–79].

Этнокультурным процессам в Византийском государстве посвящена одна из статей С. Вриониса [Vryonis, 1975, р. 125–152], отмечавшего, что военные катастрофы и политический упадок XI в. *«радикально изменили социальную, географическую и этническую основу византийских людских ресурсов»* [Vryonis, 1975, р. 127]. Для военных потребностей империи в это время использовались ресурсы новых этнических групп, оседавших на ее территориях [Vryonis, 1975, р. 127–133].

Вопросы этнического и, соответственно, языкового многообразия в византийской армии и пограничных регионах в IX–XII вв. исследовались французским византинистом Ж. Дагроном [Dagron, 1976; 1994, р. 230–234; Дагрон, 1999, с. 177–183]. Образ идеального воина, по мнению Ж. Дагрона, соответствовал *«мечте об этническом слиянии»* (*«rêve d'une fusion ethnique»*) [Dagron, 1994, р. 230–232; Дагрон, 1999, с. 178–180]. Проблема многоязычия в Византийской империи IV–XV вв. не так давно была рассмотрена также в специальной статье российского византиниста Р. М. Шукурова [Шукуров, 2017, с. 15–41].

Крупнейшее исследование этнической и этнополитической идентичности в Византии было в последнее время предпринято Э. Калделлисом, сформулировавшим общую идею существования восточноримской, ромейской *«нации»* (*«nation»*) и культурно-политической идентичности [Kaldellis, 2019, р. 1–120]. Интеграция и ассимиляция групп иностранцев и этнических меньшинств, их превращение в ромеев, с точки зрения Э. Калделлиса, основывалось на ряде факторов, включая принятие ими православия, овладение греческим языком, смену имени, заключение смешанных браков [Kaldellis, 2019, р. 121–268].

Для рассмотрения социально-экономических особенностей пребывания и службы иностранных наемников в империи в диссертации также использованы результаты специальных исследований в области византийской экономики,

выполненные М. Хенди [Hendy, 1985], С. Б. Сорочаном [Сорочан, 2001], С. Морриссон и А. Лайу [Laiou, Morrisson, 2007].

Исследования, посвященные отдельным этническим группам, находившимся на имперской службе. Основное внимание в данном контексте в историографии традиционно уделяется положению наиболее заметных иностранных контингентов на службе в Византии – отрядам росов, варангов и норманнов. Подробные историографические обзоры по этой проблематике представлены в недавних диссертациях О. М. Лугового [Луговий, 2008б, с. 8–9], А. М. Филипчука [Филипчук, 2010, с. 5–7] и В. В. Прудникова [Прудников, 2016, с. 25–87], что дает нам возможность в своей работе ограничиться характеристикой лишь наиболее важных исследований.

Фундаментальные труды по истории росов и варангов на византийской службе принадлежат русскому византинисту последней трети XIX в. В. Г. Васильевскому [Васильевский, 1908] и датско-исландскому исследователю конца XIX – первой половины XX вв. С. Блэндалю, чья монография впоследствии была переработана британским ученым Б. Бенедиксом [Blöndal, 2007].

Значительное развитие тематика военно-политических, социально-экономических и культурно-религиозных контактов Скандинавии, Руси и Византии получила в советской и современной российской историографии, в частности, в работах Е. А. Рыздзевской [Рыздзевская, 1978], В. Т. Пашуто [Пашуто, 1968, с. 57–88, 186–201], Г. Г. Литаврина [Литаврин, 2000], Е. А. Мельниковой [Мельникова, 1998; 2011; 2022], А. В. Назаренко [Назаренко, 2001], М. В. Бибикова [Бибиков, 1986; 1990; 2004; 2005; 2009; 2018; 2021], Т. Н. Джаксон [Джаксон, 2000; 2012], А. С. Щавелева [Щавелев, 2020а; 2021]. Необходимо отметить также монографию А. А. Роменского о русско-византийских отношениях последней четверти X – начала XI вв. [Роменский, 2020]

Обширный материал древнескандинавских источников по истории взаимоотношений народов Скандинавии, Руси, Византии и сопредельных стран проанализирован украино-американским историком О. И. Прицаком [Прицак, 1997;

2003]. Отрядам росов и варангов в составе византийских вооруженных сил в IX–XII вв. посвящены работы украинских исследователей О. М. Лугового и А. М. Филипчука. О. М. Луговым рассмотрены терминология, процесс и способы формирования воинского контингента северных наемников, его внутренняя структура, функции, юридическое положение, способы оплаты и материального поощрения, особенности менталитета и религиозного восприятия, роль и влияние института иностранного наемничества на отношения между Византией и «странами-донорами» [Луговой, 2005–2009; 2007а; 2008а; 2008б; 2008в; 2008г; 2015]. Комплексный анализ различных аспектов пребывания на имперской службе наемных и союзных групп росов, осуществленный А. М. Филипчуком, включает вопросы терминологии, социальной идентичности, состава, организации, командных структур, функций, правового статуса, имущества и оплаты [Филипчук, 2008; 2008а; 2009; 2010; 2014; 2014а; 2015].

Вопросы статуса, организации, численности и военной тактики отрядов варангов и норманнов в византийской армии IX–XI вв. рассмотрены в работах Г. Феотокиса [Theotokis, 2012; 2014]. Наемников он определяет в качестве «материально заинтересованных добровольцев» («*materialistic volunteers*»), отличая их от воинских подразделений, предоставленных зависимыми или находившимися с империей в «дружественных отношениях» («*cordial relations*») странами [Theotokis, 2012, p. 126]. Содержание и использование термина «наемник» в Византии конца X – XI вв., в частности, в сочинениях Михаила Пселла, Михаила Атталиата и Никифора Вриенния, недавно анализировались также С. Кириакидисом [Kyriakidis, 2021].

Сведения о франко-норманнских тагмах в составе византийских вооруженных сил в XI в. были систематизированы Е. А. Сереном, подробно разобравшим численность и военную тактику этих подразделений, места их дислокации, участие в войнах и внутренних конфликтах, *cursus honorum* франко-норманнских лидеров на византийской службе [Серен, 1999; 2001]. Вопросы норманно-византийских контактов и взаимных представлений в XI – первой трети

XII вв. рассмотрены в диссертационном исследовании В. В. Прудникова [Прудников, 2016].

Военно-политические и социокультурные отношения Византийской империи с Русью, скандинавами, франками, англосаксами, венграми и другими народами детально изучены в трудах Дж. Шепарда [Shepard, 1973; 1974; 1975; 1978; 1993; 1999; Franklin, Shepard, 1996]. Он, в частности, уделил большое внимание византийской терминологии, связанной с иностранным наемничеством, а также предпосылкам появления иноземцев на имперской службе [Shepard, 1993]. Контакты европейских стран с Византией во второй половине X – начале XIII вв., включая наемную воинскую службу, рассмотрены нидерландской исследовательницей К. Сиггаар [Ciggaar, 1974; 1981; 1996]. Среди работ, посвященных англосаксонскому присутствию в Византии со второй половины XI в., выделим обстоятельную статью русско-американского византиниста конца XIX – первой половины XX вв. А. А. Васильева [Vasiliev, 1937], а также работы Д. Никола [Nicol, 1974], К. Фелл [Fell, 1974], К. Хэд [Head, 1977], Дж. Годфри [Godfrey, 1978] и Л. Роджерс [Rogers, 2017].

Тюрко-хазарское направление в изучении истории иностранного наемничества в Византии представлено фундаментальными трудами американских историков Т. Нунана [Noonan, 1992] и П. Голдена [Голден, 2005]. Применительно к византийской Таврике, их результаты в некоторой степени дополнены исследованиями В. Е. Науменко [Науменко, 2002] и В. В. Майко [Майко, 2000]. Для истории тюркских наемных подразделений в составе византийских вооруженных сил IX–X вв. нами также использованы результаты монографических исследований Х. Кеннеди и М. Гордона, касающиеся пребывания тюркских наемников в армии арабских халифов IX в. [Gordon, 2001; Kennedy, 2001]

До сих пор сохраняют свое значение фундаментальные работы А. А. Васильева, посвященные арабо-византийским отношениям в IX–X вв. [Васильев, 1900; Васильев, 1902; Vasiliev, 1935; 1950], и немецко-бельгийского византиниста первой половины XX в. Э. Хонигмана о восточной границе империи в IV–XI вв.

[Honigmann, 1935] Проблемы взаимоотношений Византии с тюрками-сельджуками во второй половине XI в. анализировались С. Врионисом [Vryonis, 1971; 1975], Ч. Брандом [Brand, 1989], Р. А. Гусейн-заде [Гусейнов, 1980; Гусейн-заде, 2010], Р. М. Шукуровым [Шукуров, 2017а; 2022], Ш. М. Мустафаевым [Мустафаев, 2017] и А. Байхаммером [Beihammer, 2017]. Контакты империи с тюркскими кочевниками Северного Причерноморья, в первую очередь печенегами, в конце IX – XII вв. и особенности восприятия последних византийцами исследовались В. Г. Васильевским [Васильевский, 1908а], Э. Маламю [Malamut, 1995; 2000], П. Штрессле [Strässle, 2004], В. Спинеем [Spinei, 2009], А. Маджару [Madgearu, 2013; 2013а] и С. А. Козловым [Козлов, 2012; 2013; 2015]. Своей актуальности не утратила и классическая работа венгерского византиниста Д. Моравчика, в которой он систематизировал сведения византийских источников о тюрках и мадьярах [Moravcsik I–II, 1983]. Отметим также его монографию, посвященную византино-венгерским отношениям [Moravcsik, 1970]. Контакты Византийской империи с ее северными соседями (болгарами, росами, венграми, печенегами, хазарами, сербами и хорватами) в X в. рассмотрены в монографии Я. Моисиду [Μουσειδου, 1995]. Политическая ситуация на севере Балканского полуострова в X–XII вв. реконструирована П. Стефенсоном [Stephenson, 2004].

Проблемы взаимодействия Византии с народами Закавказья, в первую очередь армянами, в IX–XI вв. детально исследовались в работах П. Хараниса [Charanis, 1963], А. П. Каждана [Каждан, 1975], Р. М. Бартикяна [Бартикян, 2002; 2002а], К. Н. Юзбашяна [Юзбашян, 1988] и В. П. Степаненко [Степаненко, 1973; 1975; 1975а; 1977; 1999]. Их социально-административные и этноконфессиональные аспекты в рамках концепции «контактной зоны» и проблемы изучения «образа Другого» разработаны В. А. Арутюновой-Фиданян [Арутюнова-Фиданян, 1994]. Отметим также недавнюю статью К. Такиртакоглу [Takirtakoglou, 2021].

Наконец, при рассмотрении присутствия на византийской службе наемных отрядов из Венеции и Амальфи в диссертации использованы наблюдения

английского византиниста Д. Никола [Nicol, 1992] и французского историка М. Балара [Balard, 1976].

Подведем некоторые общие итоги выполненного обзора историографии, связанной с изучением института иностранного наемничества в истории Византии. Он, на наш взгляд, позволяет сделать следующие выводы:

1) В целом, взгляды исследователей в отношении феномена иностранного наемничества в Византийской империи второй половины IX – XI вв. прошли путь от обычных представлений о традиционном доминировании иноземных солдат в армии «угасающей» Восточной Римской империи до обоснованных заключений о постепенном складывании особого типа привлечения и использования контингентов иностранных наемников в византийских вооруженных силах. Одни исследователи склонны преувеличивать роль иностранцев, усматривая в их присутствии признак слабости и упадка византийской армии. Другие считают их несущественным фактором, мало повлиявшим на общее положение дел в империи. Третьи, наоборот, видят в использовании на военной службе иноземцев свидетельство усиления византийского государства и его перехода к активной внешней политике;

2) Проблема появления института иностранного наемничества рассматривалась в историографии либо как одно из проявлений борьбы между партиями гражданской бюрократии и военной аристократии, либо в качестве признака феодализации империи, либо в рамках концепции трансформации византийских вооруженных сил в условиях новых внутри- и внешнеполитических реалий. Она укладывается в общую схему, в основе которой лежит идея об упадке феодальной системы в X–XI вв. и ее постепенной замене армией агрессивного типа, нацеленной на внешнюю экспансию. Одной из составляющих последней стало широкое использование иностранных наемных отрядов, значение и количество которых возросло в результате кризиса середины – второй половины XI в.;

3) Формирование из иноземных воинов подразделений, находившихся под прямым контролем центрального правительства, признается важным средством

сохранения стабильности и защиты власти ромейских императоров в их противостояниях с провинциальной военной знатью. Однако отмечается и обратный процесс, когда с середины XI в. иностранных наемников в своих целях стали использовать и претенденты на императорский престол;

4) Несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных различным этническим воинским формированиям в составе византийской армии IX–XI вв., следует констатировать отсутствие в историографии обобщающего исследования, в котором институт иностранного наемничества был бы рассмотрен всесторонне, в качестве сложившейся на определенном этапе военно-политической и социально-экономической системы.

ГЛАВА 2. ТЕРМИНОЛОГИЯ

Исходя из данных источников, можно выделить четыре основных термина, которыми во второй половине IX – первой половине XII вв. византийцы обозначали иностранных солдат на имперской службе: «иностранцы» (οἱ ἔθνικοί), «чужестранцы» (οἱ ξένοι, οἱ ξενικοί), «союзники» (οἱ σύμμαχοι) и «наемники» (οἱ μισθοφόροι). Если первые два термина были призваны отобразить этническую инаковость и чуждость, *неромейскость* этих воинов, то остальные, очевидно, указывали на их статус во взаимоотношениях с византийским государством и армией.

Содержание термина «наемник» представляется предельно понятным – это воин-иностранец, служивший за плату (ὁ μισθός). Проблема возникает в отношении термина «союзник». Его применение в целом было достаточно вариативным в рамках имперских официально-дипломатических практик и могло касаться независимых субъектов военно-политического альянса, клиентских политий и этнических групп, получивших право на поселение в пограничных регионах империи, регулярные выплаты и покровительство ромейского государства под обязательство несения военной службы [Оболенский, 1998, с. 293–294; Obolensky, 1971, р. 276–277]. Союзными назывались и воинские контингенты, непосредственно входившие в состав византийской армии.

По мнению Дж. Шепарда, византийские авторы использовали термин «союзники» не просто в качестве эвфемизма, призванного завуалировать масштабы, в которых империя стала полагаться на отряды иностранцев в XI в., но и для отделения сил, служивших не от собственного имени, а под предводительством или по поручению своих правителей. Однако Дж. Шепард также справедливо считает, что союзники служили не столько в силу дружественных отношений, сколько за вознаграждение, от которого в конечном итоге и зависели их согласие или отказ участвовать в боевых действиях [Shepard, 1993, р. 280–281]. Г. Феотокис также полагает, что появление в лексиконе

византийских авторов термина «οἱ μισθοφόροι» отражало изменения в способе вербовки империей иностранных солдат, произошедшие в период 1025–1056 гг. На смену военным силам из дружественных или зависимых политий, поставляемых по условиям договора для участия в конкретных военных кампаниях, пришли независимые отряды наемников, чей срок службы был равен финансовым возможностям нанимателя [Theotokis, 2012, p. 125–127]. Рассматривая применение термина «οἱ μισθοφόροι» в сочинениях Михаила Пселла, Михаила Атталиата и Никифора Вриенния, С. Кириакидис указал на его редкое использование этими авторами, склонными выделять солдат скорее по их этногеографическому происхождению или более общими обозначениями «иностранцы» и «союзники». С. Кириакидис считает, что совершенно определенный термин «наемники», связанный с денежными выплатами, противоречил византийской военно-политической практике, когда не только иностранцы, но и все ромейские солдаты и командиры получали вознаграждение за службу, участие в сражениях и в целях обеспечения их верности императору, не расцениваясь при этом в качестве наемных воинов. Небезынтересным также является замечание С. Кириакидиса об отсутствии строгих границ между наемной службой и службой согласно воинскому этосу XI в. [Kyriakidis, 2021, p. 93–94]

Необходимо отметить, что авторы исторических сочинений не всегда ставили перед собой цель быть точными и объективными в используемой терминологии, украшая и архаизируя свои тексты в рамках аттического стиля, стремясь придать отдельным эпизодам хвалебный или же, наоборот, обличительный тон. В этой связи мы полагаем, что при анализе содержания и соотношения терминов, связанных с иностранным наемничеством, в первую очередь необходимо опираться на источники официального характера – трактаты, тактики, легенды моливдовулов, а также сочинения авторов, имевших отношение к военному делу.

Согласно «Тактике» императора Льва VI, византийский полководец конца IX – начала X вв. имеет дело с войсками союзников [The Taktika of Leo VI, 2010, p.

300–301, 386–387, 452–453, 464–465, 558–559, 568–569, 592–593; Лев VI Мудрый, 2012, с. 215, 248, 274, 279, 315, 319, 329], действующими либо обособленно от ромейских сил, либо дополняя имперское войско, имеющее недостаточную численность. Однако союзники, и автор трактата прямо об этом говорит, действуют исходя из своего стремления к получению денег (*τῶν χρημάτων*) [The Taktika of Leo VI, 2010, р. 558–559; Лев VI Мудрый, 2012, с. 315], а не исполнению обязательств. Лексика «Тактики» в отношении иностранцев, присутствующих в византийской армии, включает термины «иностранный» (*ἐθνικός*) [The Taktika of Leo VI, 2010, р. 10–11, 474–475], «иноплеменный» (*ἀλλογενής, ἀλλόφυλος*) и «соплеменный [противнику]» (*ὁμογενής, ὁμόφυλος*) [The Taktika of Leo VI, 2010, р. 266–267, 280–281, 430–431].

Византийские тексты конца IX – середины X вв., входящие в состав трактата «О церемониях», используют почти исключительно термин «иностранцы» (*οἱ ἐθνικοί*): «действующие отряды иностранцев» / «*τῶν χαρακιωτῶν τῶν ἐθνικῶν*» [Haldon, 2000, р. 212–213], «люди императора из числа иностранцев» / «*βασιλικὸς ἀνθρώπους ἐθνικὸς πάντας*» и «иностранцы этерии» / «*οἱ ἐθνικοί τῆς ἐταιρείας*» [Constantine Porphyrogenetos, 2012, р. 660–661, 670, 749, 772]. Иноземные наемники именуется этниками и в «Обращении императора Константина к восточным стратигам» [Δημηγορία Κωνσταντίνου βασιλέως, σ. 3; Ahrweiler, 1967, р. 402; Markopoulos, 2012, р. 51]. Для второй половины X – начала XI вв. имеются указания «Стратегики» императора Никифора II и «Тактики» Никифора Урана относительно использования иностранных отрядов, называемых этниками [McGeer, 1995, р. 14–15, 90–91; Никифор II Фока, 2019, с. 7].

Должность этнарха (*ὁ ἐθνάρχης*), известная для первой половины 970-х гг. по «Эскуриальскому тактикону» [Oikonomidès, 1972, р. 271] и связанная, по видимому, с осуществлением командования подразделениями иностранных наемников [Kühn, 1991, S. 267–269], прямо указывает на их обозначение через термин «οἱ ἐθνικοί»: этнарх = предводитель (*ὁ ἄρχων*) народа (*τοῦ ἔθνους*), народов (*τῶν ἐθνῶν*), иноземцев (*τῶν ἐθνικῶν*). Большинство должностей из легенд

моливдовулов XI – начала XII вв., которые можно связать с управлением иноэтничными наемными частями, также сконструированы именно через этот термин: этнарх [Oikonomides, 1986, p. 102–103; BZS.1955.1.4060; BZS.1951.31.5.2059; Roma Numismatics, 2015, p. 246], великий примикирий этников (ὁ μέγας πριμικήριος τῶν ἔθνικῶν) [Zacos, Veglery, 1984, p. 345–346; BZS.1955.1.2257; BZS.1951.31.5.1273; Шандровская, 1971, с. 32–34], экзарх этников (ὁ ἐξάρχος τῶν ἔθνικῶν) [BZS.1951.31.5.2342].

Единственное общее наименование этнических подразделений, которое используется в текстах императорских хрисовулов второй половины XI в. вместе с перечислением конкретных тагм иностранцев – «τῶν ἔθνικῶν» [Acta et diplomata, 1890, p. 198, 243, 258; Actes de Vatopédi I, 2001, p. 113; Бибииков, 2018, с. 38, 41, 153, 156, 157, 167].

Во второй половине 1070-х гг. Кекавмен пишет в своем сочинении только об этниках. Это «иностранцы, окружающие императорский трон» / «οἱ περὶ τὴν βασιλικὴν ἔθνικοί» [Кекавмен, 2003, с. 292–293] и обычные наемники-иноземцы. Из его замечания ясно, что эти люди служат за материальное вознаграждение (деньги, пищу и одежду), которое в форме ситиресия и руги должно было выплачиваться в срок и в полном объеме, а также за титулы и должности [Кекавмен, 2003, с. 292–301].

Никифор Вриенний наряду с терминами «союзники» и «войско союзников» (τὸ συμμαχικόν) [Nicéphore Bryennio, 1975, p. 236–237, 258–259, 268–269; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 111, 123, 129], вопреки тезису С. Кириакидеса, весьма активно использует в качестве эквивалентных термины «наемники» и «наемное войско» (τὸ στράτευμα μισθοφόρον) в отношении контингентов норманнов, печенегов, турок и алан [Nicéphore Bryennio, 1975, p. 90–91, 168–171, 182–183, 232–233; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 23, 69, 78]. Крайне интересным является выражение, которым он характеризует печенегов в войске Никифора Вриенния Старшего во время восстания 1077–1078 гг.: «не чужих и наемных, но давно перешедших под власть ромейской державы» /

«οὐ τῶν ξένων καὶ μισθοφόρων, ἀλλὰ τῶν πρὸ πολλοῦ αὐτομολησάντων ὑπὸ τὴν βασιλείαν Ῥωμαίων» [Nicéphore Bryennio, 1975, p. 232–233; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 108]. Здесь справедливым следует признать мнение С. Кириакидеса, который отметил, что эти печенеги фактически являлись наемниками-авантюристами, нанятыми за деньги, а комментарий Вриенния был призван лишь оправдать предка в противовес обвинительному пассажиру Михаила Атталиата [Kyriakidis, 2021, p. 91–92]. В другом случае Вриенний называет Борила и Германа, приближенных императора Никифора III Вотаниата и политических противников Комнинов, «мужами, купленными за серебро» / «ἀργυρωνήτοις ἀνδράσι» [Nicéphore Bryennio, 1975, p. 58–59].

Наибольшее значение в рамках рассматриваемой нами проблемы имеет сообщение Вриенния о шеститысячном аланском контингенте в войске Никифора Палеолога, около 1074–1075 гг. выступившего против восставшего лидера норманнских наемников Руссея де Байоля. Аланские силы были либо предоставлены, либо набраны с разрешения эксусиократора Алании Дорголеда (около 1065 – около 1075) [Виноградов, Чхаидзе, 2021, с. 127] или грузинского царя Георгия II (1072–1089) [Kaldellis, 2017, p. 259]. Исходя из логики рассуждений Дж. Шепарда и Г. Феотокиса, аланы в этом случае должны были четко расцениваться как союзники, но Вриенний применил к ним термин «наемное войско» (τὸ στράτευμα μισθοφόρον), указывая, что аланские воины требовали «плату по соглашению» (τὸν συμφωνηθέντα μισθόν) и, не получив желаемого, в большинстве своем покинули византийцев [Nicéphore Bryennio, 1975, p. 182–183; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 78]. Данный пассаж, на наш взгляд, служит яркой иллюстрацией того, что византийские авторы не придерживались четких разграничений в терминологии, часто применяя термины «οἱ σύμμαχοι» и «οἱ μισθοφόροι» как синонимы.

Основным обозначением наемных войск у Михаила Пселла служат словосочетания «чужеземные силы» (αἱ ξενικαὶ δυνάμεις) [Michael Psellus I, 1967, p. 9; Michael Psellus II, 1967a, p. 89; Michael Psellus, 1990, p. 96; Михаил Пселл, 2003,

с. 12, 144, 346], «союзные силы» (αἱ συμμαχικαὶ δυνάμεις) [Michael Psellus I, 1967, p. 36; Michael Psellus II, 1967a, p. 97; Михаил Пселл, 2003, с. 27, 149] и «отряды чужеземцев и союзников» (ξενικόν τε καὶ συμμαχικόν) [Michael Psellus I, 1967, p. 102; Михаил Пселл, 2003, с. 64]. Вместе с тем в его «Хронографии» говорится о «виде наемного воина» (τὸν μισθοφόρων τρόπον) [Michael Psellus I, 1967, p. 80; Михаил Пселл, 2003, с. 52] и упоминается «начальник наемных отрядов» (τὰ πρῶτα τῶν μισθοφόρων) [Michael Psellus II, 1967a, p. 42; Михаил Пселл, 2003, с. 118].

Иоанн Скилица начинает применять термины «наемники» и «войско наемников» (τὸ μισθοφορικόν) [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 318, 319, 333, 367, 443, 476, 481; John Skylitzes, 2010, p. 302, 314–315, 347, 417, 443, 449] с событиями последней четверти X в. и использует их наравне с терминами «союзники» [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 204, 268, 336, 355, 443, 457, 491; John Skylitzes, 2010, p. 198, 257, 319, 337, 417, 457] и «тагмы союзников» (τὰ τάγματα τῶν συμμάχων) [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 491; John Skylitzes, 2010, p. 457]. О «родиче» киевского князя Владимира Святославича по имени Хрисохир византийский автор пишет, что он *«прибыл в Константинополь, видимо, чтобы стать наемником»* / «ἦλθεν εἰς Κωνσταντινούπολιν ὡς τάχα μισθοφορήσων» [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 367; John Skylitzes, 2010, p. 347]. Именуя франков и варангов союзниками в одном месте [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 471; John Skylitzes, 2010, p. 440], в другом Скилица сообщает, что *«народ кельтский варанги служат ромеям в качестве наемников»* / «γένος δὲ Κελτικὸν οἱ Βάραγγοι μισθοφοροῦντες Ῥωμαίοις» [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 481; John Skylitzes, 2010, p. 449].

Контингенты иноплеменников (ἄλλογενεῖς) [Michael Attaleiates, 2012, p. 268–269, 454–455], чужеземцев (οἱ ξενικοί) [Michael Attaleiates, 2012, p. 484–485], иностранцев (οἱ ἔθνικοί) [Michael Attaleiates, 2012, p. 502–503, 536–537] и варваров (οἱ βάρβαροι) [Michael Attaleiates, 2012, p. 540–541], в частности, печенегов, расселенных на территории Византии, а также венгров, турков, норманнов и варангов, Михаил Атталиат называет как союзниками [Michael Attaleiates, 2012, p.

158–159, 178–179, 310–311, 528–529], так и наемниками [Michael Attaleiates, 2012, р. 222–223, 230–231, 268–271, 284–285, 482–483, 492–493].

Наконец, чрезвычайно активно оба термина в качестве синонимов применяет Анна Комнина. Император Алексей I и другие деятели «Алексиады» призывают и используют в боевых действиях союзников [Annae Comnenae, 2001, р. 11, 13, 19, 21, 24, 72, 228, 234, 456; Анна Комнина, 2017, с. 5–6, 11–12, 15, 53, 173, 184, 348] и «союзников из-за границы» (τῆς ξυμμαχίας ἐξ ἀλλοδαπῶν) [Annae Comnenae, 2001, р. 110; Анна Комнина, 2017, с. 82], наемников, «наемное войско» (τὸ μισθοφορικὸν, τοῦ μισθοφορικοῦ στρατεύματος) и «наемное войско из-за границы» (τὸ μισθοφορικὸν ἐξ ἀλλοδαπῶν) [Annae Comnenae, 2001, р. 141, 144, 148, 151, 154, 219, 230, 241, 245, 461–463; Анна Комнина, 2017, с. 106, 108, 111, 113, 116, 166, 175, 182, 186, 352–353], «войско иностранцев» (τὸ ἐθνικὸν στρατεύμα) и «силы иностранцев» (τῶν ἐθνικῶν δυνάμεις) [Annae Comnenae, 2001, р. 132, 309; Анна Комнина, 2017, с. 99, 235], «чужеземные силы» (τὰς ξενικὰς δυνάμεις) и «чужеземцев из-за границы» (τὰς ξενικὰς ἐξ ἀλλοδαπῶν) [Annae Comnenae, 2001, р. 141, 369; Анна Комнина, 2017, с. 106, 279]. Служба иностранцев [Annae Comnenae, 2001, р. 211, 286, 294–295; Анна Комнина, 2017, с. 160, 218, 224–225], этих «чужеземных варваров» (οἱ ξενικοὶ βάρβαροι) [Annae Comnenae, 2001, р. 110; Анна Комнина, 2017, с. 82], неизменно должна была быть оплачена деньгами (τὰ χρήματα) [Annae Comnenae, 2001, р. 110, 143–144; Анна Комнина, 2017, с. 82, 107–108].

Итак, исходя из анализа имеющихся в нашем распоряжении источников, следует заключить, что официальным обозначением иностранных наемных контингентов в византийском государстве второй половины IX – XI вв. являлся термин «этники» (οἱ ἐθνικοὶ) и его производные. Исключение составляет текст «Тактики» императора Льва VI, в котором используется термин «союзники» (οἱ σύμμαχοι). Это, вероятно, является следствием того, что автор «Тактики» в значительной мере опирался на материалы и лексику более раннего источника в виде «Стратегикона» императора Маврикия [Лев VI Мудрый, 2012, с. 26–28; McMahon, 2014, р. 65–67]. Неофициально рассматриваемые группы воинов

обозначались посредством терминов, отражавших их *неромейскость* (иностранцы, чужестранцы, иноплеменники) и статус (союзники, наемники), а также их производных: войско или силы иностранцев / чужестранцев / союзников / наемников.

Византийские авторы не придерживались модели четкого разграничения союзных и наемных отрядов, используя термины «οἱ σὺμμαχοὶ» и «οἱ μισθοφόροι» в качестве эквивалентных. Появление термина «наемники» в их лексиконе примерно с середины XI в., на наш взгляд, было вызвано не столько переменами в способах вербовки, сколько стремлением к более точной передаче содержания службы иностранных солдат, количество и значение которых в византийских вооруженных силах этого периода несомненно выросло. При этом он не вытеснил другие термины и не стал доминирующим [Карашайски, 2024, с. 344–353].

Воинские контингенты, направляемые в Византию дружественным, союзным или зависимым правителем, отличались от независимых групп воинов, но это отличие заключалось в агентах найма (либо правительства направлявших стран, либо сами вольные компании и их лидеры, действовавшие от собственного имени). В обоих случаях иностранные солдаты требовали оплаты своих услуг как при Льве VI, так и в эпоху, описанную Анной Комниной. В качестве одной из форм условного союзничества следует выделить также переселение этнической группы вместе со своим вождем на территорию империи, фактически в рамках федеративного договора. Но и здесь мы имеем прочную связь между несением воинской службы и получением материального вознаграждения.

Таким образом, под иностранными наемниками в византийской армии второй половины IX – конца XI вв. мы понимаем отдельных лиц или группы воинов, поступавших на имперскую службу либо от собственного имени в качестве вольных компаний, либо направлявшихся правительствами своих стран. Первостепенную основу их службы составляло стремление к материальной выгоде и получению сопутствовавших ей титулов и должностей.

ГЛАВА 3. ИНОСТРАННЫЕ НАЕМНЫЕ КОНТИНГЕНТЫ В ВИЗАНТИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

3.1. Причины и предпосылки привлечения на службу иностраннных наемников

Анализируя причины и предпосылки роста численности и значения контингентов иностранных наемников, в первую очередь необходимо рассмотреть особенности развития военной организации Византийской империи в совокупности с повлиявшими на нее внутренними и внешними процессами.

В ходе экспансии арабов на Ближнем Востоке в 630-х – 640-х гг. и после ряда поражений византийцев, особенно в битве при Ярмуке 636 г. [Kaegi, 1992, p. 112–146; Мехамадиев, 2020, с. 78–85], происходит вывод имперских полевых армий в Малую Азию [Haldon, 1999, p. 71–72]. Эти группы войск размещались в провинциях империи, на которые возлагались обязанности по их обеспечению. С последней четверти VII по середину IX вв. происходит складывание так называемой «фемной системы», ставшей основой византийской военной организации вплоть до последней трети XI в. [Haldon, 1999, p. 67–83, 112–113].

Основу фемной армии составляли иррегулярные ополчения стратиотов – лично свободных крестьян, владевших земельной собственностью (τὰ στρατιωτικὰ κτήματα) на условиях выполнения военной обязанности (ἡ στρατεία) [Glykatzis-Ahrweiler, 1960, p. 10–15; McGeer, 1995, p. 198–199]. Такое положение дел отвечало военно-экономическим потребностям византийской оборонительной стратегии в период второй половины VII – середины IX вв. Лично заинтересованные в безопасности своих земель, самостоятельно обеспечивающие себя и не требующие серьезных финансовых вливаний со стороны государства стратиотские войска в целом осуществляли эффективную защиту имперских территорий [Kühn, 1991, S. 47; Treadgold, 1995, p. 23–25, 31; Haldon, 1999, p. 122; Кучма, 2017, с. 315–317]. В VIII–X вв. в каждой феме также присутствовали регулярные отряды профессиональных воинов – таксаты (οἱ ταξῆται) или таксеоты (οἱ ταξεῶται),

находившиеся на государственном содержании и составлявшие ядро фемного войска [Γρηγορίου-Ιωαννίδου, 1985, σ. 113–118; Мохов, 2013а, с. 133–134]. Наряду с ними воинскую службу несли также отряды местного иноэтничного населения [Γρηγορίου-Ιωαννίδου, 1985, σ. 124].

В ходе военных преобразований императора Константина V (741–775) на основе отрядов дворцовой стражи началось формирование регулярной центральной армии – императорского войска тагм (*τὰ βασιλικὰ τάγματα*) [McGeer, 1995, p. 199; Мохов, 2004, с. 18–20; 2013б, с. 20–21, 27–28]. Тагмное войско дислоцировалось в Константинополе и его ближайшей округе, полностью содержалось государством [Glykatzi-Ahrweiler, 1960, p. 25] и составляло главную ударную силу византийской армии в военных кампаниях против болгар на западе и арабов на востоке до второй половины X в. [Treadgold, 1995, p. 28–32; Haldon, 1999, p. 78; Мохов, 2013а, с. 74–119]

Период IX – первой половины X вв. характеризуется одновременно стабилизацией имперской военной системы и началом кризиса фемной организации, проявившемся в ослаблении и упадке боеспособности провинциальных ополчений. В качестве причин этого процесса можно указать как рост бюрократического давления со стороны государства [Мохов, 2013а, с. 144; 2013б, с. 16, 28], так и проблемы, связанные с функционированием системы стратиотского землевладения. Среди последних необходимо выделить обеднение части стратиотских хозяйств, усиление процесса их социальной дифференциации, нехватку средств на обеспечение воина одной стратиотской семьей и уклонение от прямого исполнения воинской повинности [Glykatzi-Ahrweiler, 1960, p. 13–14; Литаврин, 1977, с. 236–237; Кучма, 2017, с. 317].

Вместе с тем в правление императора Василия I внешняя политика империи становится все более агрессивной и экспансионистской [Продолжатель Феофана, 1992, с. 113–131; Genesios, 1998, p. 101–110; Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 194, 196; Kaldellis, 2023, p. 522–524]. Имперская экспансия требовала наличия профессиональных, боеспособных и мобильных войск. Василий

И осуществил некоторые преобразования, связанные с увеличением жалования солдат, расширением воинских списков и созданием новых подразделений [Продолжатель Феофана, 1992, с. 113], а с правления его преемника, императора Льва VI, становится заметна общая тенденция привлечения в византийскую армию и экспедиционные силы иностранных контингентов.

Судя по всему, императоры Константин VII и Роман II (959–963) еще пытались сохранить фемные ополчения, свидетельством чему являются их новеллы, датируемые периодом 945–959 гг. [Jus Graeco-Romanum III, 1857, p. 261–266] и 962 г. [Jus Graeco-Romanum III, 1857, p. 285–287] и направленные на защиту стратиотского землевладения [Glykatzi-Ahrweiler, 1960, p. 10–15; Haldon, 1979, p. 41–65; 1993, p. 33–34; Laiou, Morrisson, 2007, p. 58–59]. Однако уже в первой половине – середине X в. государственная политика все больше начинает склоняться к пути фискализации стратий: налоговые поступления от стратиотских хозяйств и денежные выплаты от общин отдельных фем, освобождавшие их от прямого участия в конкретных военных экспедициях, шли на содержание регулярных наемных отрядов, как ромейских, так и иностранных [Glykatzi-Ahrweiler, 1960, p. 16–21; Haldon, 1979, p. 43–44; 1993, p. 66; 1999, p. 124–125; Мохов, 2004, с. 24–26].

В период 963–1025 гг. происходит масштабная реорганизация византийских вооруженных сил, связанная с деятельностью трех так называемых «солдатских» императоров – Никифора II Фоки, Иоанна I Цимисхия и Василия II. Центральное войско было усилено созданием новых подразделений, таких как тагмы стратилатов, бессмертных и сатрапов [Oikonomidès, 1972, p. 270–273, 332–333]. На основе фемных контингентов формируются провинциальные тагмы, а также тагмы полевых армий, дислоцировавшиеся в приграничных регионах, где создавались крупные военно-территориальные командования – дукаты и катепанаты [Γρηγορίου-Ιωαννίδου, 1985, σ. 111–122; Kühn, 1991, S. 31–72; Treadgold, 1995, p. 34–39; McGeer, 1995, p. 199–222; Haldon, 1999, p. 84–85, 90; Мохов, 2004, с. 25–32].

Активная экспансионистская политика этого периода в Сирии, Месопотамии, Закавказье, Болгарии и Италии [Treadgold, 1997, p. 498–533; Kaldellis, 2017, p. 21–152; 2023, p. 559–587] обеспечивалась армией агрессивного типа. Регулярные войска были способны вести длительные (до нескольких лет) кампании, оставаться на завоеванных территориях в течении необходимого времени и быстро перебрасываться на актуальный театр военных действий. Профессиональные солдаты-иностранцы, не связанные ни необходимостью вести хозяйство, ни какими-либо иными обязательствами, кроме несения военной службы, хорошо подходили для подобной армии и ее усиления. Правительство империи полностью контролировало их набор и финансирование, имея возможность подбирать отряды в зависимости от их специализации и потребностей конкретной экспедиции – легкая и тяжелая пехота, пешие или конные стрелки, тяжелая кавалерия, морские части и пр. Контингенты иноземцев теперь присутствовали в византийских войсках на постоянной основе и, насколько можно судить, именно в это время начинали складываться их регулярные тагмы. Согласно «Краткой истории» Михаила Пселла, уже в правление Романа II domestik схол Востока [Мохов, 2008, с. 165] Никифор Фока создал *«надежную основу для будущих походов»*, сформировав новые войска – *«одних он набрал из иноземных сил [ἀπὸ ξενικῆς δυνάμεως], других же вооружил сам»* [Michael Psellus, 1990, p. 96–97; Михаил Пселл, 2003, с. 346–347].

Экономическое восстановление и подъем IX – первой четверти XI вв. отчасти стимулировали, а отчасти стимулировались военно-политическими успехами этого времени. Обеспечение системной безопасности византийских границ и приобретение новых территорий закономерно вели к стабилизации экономики и торговых связей, а следовательно, к росту доходов и финансовых возможностей государства. Значительную прибыль приносила также военная добыча. Пик финансового благосостояния Византии приходится на правление Василия II [Михаил Пселл, 2003, с. 17–18; Laiou, 2002, p. 714–715; Laiou, Morrisson, 2007, p. 43–44, 50–55, 89–93].

Ряд успешных действий византийских войск в Сирии и Италии в 1030-х – 1040-х гг. следует рассматривать в качестве завершающих период имперской экспансии [Мохов, 2000, с. 176–178, 184–194; 2005, с. 154–159; Kaldellis, 2017, р. 160–163, 171–173; 2023, р. 595–596, 598–599]. Уже в 1040-х – 1060-х гг. явно проявляется кризис вооруженных сил, что совпадает с началом давления на Византию трех мощных соперников – печенегов на севере, норманнов на западе и сельджуков на востоке [Treadgold, 1997, р. 592–596, 600]. Приблизительно с 1040-х гг. начинают проступать и экономические проблемы, выразившиеся в обесценивании золотой монеты, дефиците бюджета и разорении областей в результате печенежских и сельджукских набегов [Vryonis, 1967, р. 130; Henny, 1985, р. 508–510; Laiou, Morrisson, 2007, р. 148–150].

Фискальная политика государства, связанная с ростом налогообложения и превращением стратий в почти исключительно налоговые держания, в течении 1030-х – 1060-х гг. фактически привела к исчезновению иррегулярных фемных войск и окончательной их замене подразделениями наемников [Haldon, 1999, р. 92]. Единственными боеспособными ополчениями этого времени считаются провинциальные войска иноэтничных регионов – болгарские силы на западе и армяно-иверские на востоке. Однако роспуск императором Константином IX фемных войск Иверии и Месопотамии около 1040-х гг. [Кекавмен, 2003, с. 168–171; John Skylitzes, 2010, р. 444; Michael Attaleiates, 2012, р. 78–79; Степаненко, 1975, с. 130; Арутюнова-Фиданян, 1994, с. 50; Treadgold, 1995, р. 80] и общая тенденция к сокращению расходов на армию привели к тому, что защита восточной границы империи теперь выстраивалась на основе размещения там наемных отрядов [Glykatzis-Ahrweiler, 1960, р. 23–24; Ahrweiler, 1966, р. 146–147; Haldon, 1993, р. 60–63; Treadgold, 1995, р. 40]. Балканские войска также были сильно потрепаны, дезорганизованы и неспособны к эффективному ведению боевых действий вследствие частого участия в многочисленных итальянских кампаниях и гражданских войнах. Регулярная армия Запада, предположительно, была расформирована около 1043–1045 гг. [Мохов, 2005а, с. 19–20] Острая нехватка

войск вынуждает империю полностью перейти к оборонительной стратегии и усилить вербовку иностранных наемников [Oikonomidès, 1976, p. 144, 151; Мохов, 2005а, с. 24–25].

Фактически уже к середине 1050-х гг. византийская армия как таковая утратила свою боеспособность. Попытка ее восстановления и стабилизации ситуации через упорядочивание и увеличение налогов вместе с усилением контроля над гражданской бюрократией была предпринята императором Исааком I Комнином (1057–1059) [Treadgold, 1997, p. 598–600; Laiou, Morrisson, 2007, p. 159; Мохов, 2012, с. 54–59; Kaldellis, 2017, p. 220–221]. Но уже при его преемнике, Константине X Дуке, финансирование вооруженных сил резко сократилось, вследствие чего упала численность армейских подразделений, а многие тагмы были расформированы. Вместо них правительство, выражавшее интересы столичного чиновничества, делало ставку на контингенты иностранцев [Vryonis, 1967, p. 123–125; 1971, p. 75; Мохов, 2011, с. 61–64; Kaldellis, 2023, p. 622]. Как на востоке, так и на западе империи в 1050-х – 1080-х гг. оборона в значительной степени опиралась на размещенные в приграничных регионах, городах и крепостях, имевших стратегическое значение, отряды наемников – росов, варангов, франков и др. [Кекавмен, 2003, с. 192–193, 425–428; Степаненко, 1975а, с. 88; Shepard, 1993, p. 287–288, 299; Серен, 2001, с. 172–173; Theotokis, 2012, p. 144–147; Прудников, 2016, с. 122–142, 232]

Частичная реорганизация византийских вооруженных сил была проведена императором Романом IV Диогеном (1068–1071), который одновременно начал активные наступательные действия против сельджуков на востоке [Vryonis, 1971, p. 90–103; Степаненко, 1988, с. 28–29; Мустафаев, 2017, с. 47–48; Weihammer, 2017, p. 133–168]. В значительной степени он опирался на сохранившиеся западные тагмы и тагмы малоазийских фем, армянские контингенты, заинтересованные в противостоянии сельджукам, и наемные отряды тюрок, франков, варангов, росов и др. Вновь собранное фемное ополчение было многочисленным, но обладало крайне низкой боеспособностью и играло лишь вспомогательную роль [Мохов, 2003, с.

278–284, 286–287, 288–289]. Политика Романа IV, нацеленная на ослабление роли иностранцев в армии, вела к недовольству последних и их конфликтам как с императором, так и с военнослужащими-ромеями [Cheynet, 1997, p. 111–128; 2006a, p. 413–416]. Катастрофическое поражение 1071 г. при Манцикерте, если и не привело к полному краху византийских вооруженных сил, то, во всяком случае, положило начало их распаду в период 1071–1081 гг. [Treadgold, 1995, p. 40–42; 1997, p. 604–611; 2005, p. 2]

Потеря Византией своих малоазийских владений закономерно вызвала проблему острой нехватки людских ресурсов и финансовых поступлений, так что в напряженной борьбе с норманнами, печенегами и сельджуками император Алексей I Комнин был вынужден опираться на западные области, остававшиеся под контролем Константинополя [Vryonis, 1975, p. 127–128; Birkenmeier, 2002, p. 28–47; Laiou, Morrisson, 2007, p. 97, 150–151]. В его распоряжении находилось небольшое центральное войско, состоявшее из тагм экскувитов, вестиаритов и бессмертных [Kühn, 1991, S. 243–246], провинциальных тагм Фракии и Македонии, местных иноэтничных контингентов (манихеев [Kühn, 1991, S. 251] и тюрок-вардариотов), а также отрядов варангов и франков [Серен, 1999, с. 170]. Большая его часть была потеряна в сражении при Диррахии в 1081 г., сильный ущерб армии был нанесен также в столкновениях с печенегами в 1086–1090 гг. В этот период Алексей I формирует корпус архонтопулов [Kühn, 1991, S. 250] и принимает на службу отряды фламандских [Васильевский, 1908a, с. 66–67; Ciggaar, 1981, p. 44–46], турецких и англосаксонских воинов [Vasiliev, 1937, p. 42–59; Nicol, 1974, p. 185–189; Head, 1977, p. 186–198; Ciggaar, 1996, p. 140–141]. После разгрома печенегов в битве при Левунионе в 1091 г. последние также были включены в состав византийской армии и расселены в области Моглена [Kühn, 1991, S. 251]. В последующие годы император опирался на сочетание сил наемников и личных дружин представителей клана Комнинов [Angold, 1997, p. 149–151; Haldon, 1999, p. 93–94, 118–120, 169; Birkenmeier, 2002, p. 156–158]. В целом, следует констатировать, что значительная доля военно-политических усилий Алексея I в

1080-х – середине 1090-х гг. была направлена на поиск и найм иностранных войск, необходимых для выживания империи. Так, попытка Византии получить западных наемников обернулась началом походов крестоносцев, которые, во всяком случае в конце XI в., еще воспринимались ромеями именно в качестве солдат, служивших за плату [Chalandon, 1900, p. 132–133, 155–156, 163–164, 192, 335; Шаландон, 2017, с. 127–128, 133–135, 153–154, 263; Степаненко, 1988, с. 37–38].

Привлечение на службу воинов-иностранцев и формирование из них специальных подразделений, особенно же напрямую подчинявшихся императору и находившихся при его особе в качестве стражей и телохранителей, было вызвано также стремлением к обеспечению личной безопасности, усилению контроля и возможности использовать их во внутривосточной борьбе. Там, где солдаты-ромееи могли быть ненадежны, вследствие наличия собственных интересов и симпатий, иноземцы, верные получаемым от императора благам, по его приказу арестовывали, увечили и убивали высокопоставленных лиц, подавляли заговоры и открытые мятежи знати, народные волнения, бунты и сепаратистские выступления.

За период середины IX – XI вв. в империи можно насчитать по меньшей мере около 40 случаев заговоров и переворотов. Основное их количество приходится на 1025 – 1050-е гг. [Cheynet, 1996, p. 22–23, 25, 27, 37, 39–41, 43–47, 51–52, 54–55, 58–59, 61–65, 67, 70–71, 75–76] В силу отсутствия подробностей, можно лишь примерно (до 50% случаев) оценить долю участия иностранных наемников в связанных с ними событиях. Приведем лишь несколько показательных примеров. При свержении регентов для убийства каниклия и логофета дрома Феоктиста в 855 г. император Михаил III использовал хазаро-фарганских этериотов во главе с их лидерами [Genesios, 1998, p. 79–80; Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 182–183]. Части этерии противостояли попытке захвата власти Константином Дукой в 913 г. [Продолжатель Феофана, 1992, с. 159–160] Стражи-варанги предотвратили провозглашение императором Феодосия Мономаха в 1056 г. [John Skylitzes, 2010, p. 449–450], по приказу Исаака I Комнина арестовали патриарха Михаила Керулария в 1058 г. [Cheynet, 1996, p. 70], поддерживали и защищали

Михаила VII Дуку (1071–1078) в событиях провозглашения им своей единоличной власти в 1071 г. [Михаил Пселл, 2003, с. 189] Необходимо, однако, не забывать, что иностранцы, как и ромеи, вполне могли быть перекуплены, отдать предпочтение более выгодному для них претенденту, проявить недовольство в связи с задержкой выплаты жалования или проводимой политикой вплоть до бунта, как это случилось, например, в 1078/1079 г., когда дворцовые варанги выступили против императора Никифора III [Michael Attaleiates, 2012, p. 536–541].

Усиление императорских армий иностранными контингентами, зависимыми и преданными лично правителю в противовес «*неблагодарным ромеям*» [Михаил Пселл, 2003, с. 12], было связано и с задачей противостояния апостасиям – военным восстаниям с целью захвата власти. Число и масштабы апостасий были значительны во второй половине X – XI вв. [Cheynet, 1996, p. 20, 22, 24–25, 27–29, 31–34, 36–38, 41–43, 48–51, 56–61, 68–70, 74, 76–77, 79–80, 83–91, 95, 98–100] в пиковые периоды 960-х – 980-х гг., 1040-х – 1050-х гг., 1070-х – 1080-х гг. с тенденцией к усилению. Участие в них иностранных войск фиксируется в подавляющем большинстве случаев, причем как на стороне императоров, так и в составе сил узурпаторов.

В историографии традиционно отмечается решающая роль шеститысячного «варяго-русского» корпуса, отправленного киевским князем Владимиром и использованного Василием II для подавления восстания Варды Фоки в 988–989 гг., что часто расценивается как отправная точка опоры императоров на иностранцев при борьбе с притязаниями на их власть. Однако и на стороне узурпатора сражался крупный контингент наемных иверов, предоставленный правителем Тао-Кларджети Давидом III Куропалатом [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 178; Розен, 1883, с. 24; Михаил Пселл, 2003, с. 12], а до того в апостасии Варды Склира 976–979 гг. принимали активное участие армянские и арабские наемники [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 133–134; Розен, 1883, с. 12; John Skylitzes, 2010, p. 302–303]. Кроме того, следует отметить, что росы раньше выступили не как подавители апостасии, но как ее главные проводники.

Мы говорим о редко учитываемой, но чрезвычайно важной составляющей русско-византийской войны 970–971 гг. – апостасии патрикия Калокира. Фактически Калокир нанял войско князя Святослава Игоревича с присоединившимися к нему венграми и печенегами сначала за 15 кентинариев золота, а затем пообещав власть над Болгарией и большие выплаты из казны в обмен на поддержку в осуществлении своих императорских притязаний [Лев Диакон, 1988, с. 36–37, 43–44; John Skylitzes, 2010, р. 265, 275–276, 282; Ioannis Zonarae, 1897, р. 513; Щавелев, 2021, с. 126–127].

Византийские власти активно использовали отряды иноземцев при подавлении сепаратистских выступлений на имперской периферии – более чем в половине случаев за период X–XI вв. [Cheynet, 1996, р. 26–27, 30, 35–36, 47–50, 53, 63, 79, 81–82, 85, 97–98] Существовала и практика направления иноэтничного воинского контингента из одной части империи в другой иноэтничный регион с целью его усмирения и укрепления там власти Константинополя. Так, болгарское войско, захваченное византийцами в результате успешной осады Могленской крепости в 1014–1015 гг. и принятое на службу императором Василием II, было около 1015–1021 гг. отправлено в Васпуракан [John Skylitzes, 2010, р. 334] и «разорило страну» [Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци, 1968, с. 57] в ходе аннексии владений Сенекерима Арцруни [Бартикян, 2002а, с. 191–198; Степаненко, 1977, с. 72–79; Арутюнова-Фиданян, 1994, с. 119, 121]. Подавление народных выступлений и бунтов, вызванных протестами против налоговой политики государства и иными внутривосточными причинами [Cheynet, 1996, р. 21–22, 30, 39, 45, 50–51, 64, 72, 80–81, 95–96], также часто ложилось на плечи служилых этников. Например, в ходе волнений 967 г. в Константинополе многих горожан ранили наемники-армяне, составлявшие гарнизон столицы [Лев Диакон, 1988, с. 37, 184; John Skylitzes, 2010, р. 264–265].

Встречаются и отдельные эпизоды поддержки выступлений на местах, открытого неповиновения и мятежей со стороны самих наемников [Cheynet, 1996, р. 53, 62–63, 67–68, 72–73, 75, 78–79, 86, 92–94, 96]. Их причинами, как правило, являлись невыплата положенного или ожидаемого вознаграждения (в основном в

период финансового кризиса 1040-х – 1080-х гг.) и конфликты с командованием или императором. Часть норманнских наемников под руководством Ардуина покидают армию Георгия Маниака на Сицилии в 1040 г. именно из-за невыдачи жалования, отказа в получении трофеев и позорного избиения своего лидера [Geoffrey Malaterra, 2005, p. 55–57; Guillaume de Pouille, 1961, p. 110–111; John Skylitzes, 2010, p. 400–401; Серен, 2001, с. 163–164; D’Amato, 2005, p. 3]. Во время военно-политического коллапса 1070-х гг. наемники могли принимать сторону местных властей, как это сделал отряд франков, перешедший на службу к Филарету Врахамиию [Степаненко, 1975а, с. 88; 1988, с. 38; Серен, 2001, с. 171], или брать защиту и управление регионом в свои руки в обмен на денежные выплаты от населения, что осуществил Руссель де Байоль в Армениаке [Birkenmeier, 2002, p. 29]. Кроме того, неизбежно существовала опасность перехода на сторону неприятеля, особенно в случае этнокультурной близости с ним.

Подразделения дворцовой стражи, формировавшиеся из иностранцев, играли важную ритуально-церемониальную и политико-дипломатическую роль. Присутствие этнически разнородных отрядов, экзотическая пестрота которых акцентировалась их внешним видом и вооружением, демонстрировало масштабы геополитической мощи и имперского влияния, достигавшего отдаленных уголков Центральной Азии на востоке и Британских островов на западе, показывало наличие у Константинополя связей с отдаленными народами, их союзность и подчиненность, подчеркивало космократический характер власти византийского императора. В первую очередь такая демонстрация имела место на дипломатических приемах, когда послы и гости должны были быть поражены многочисленным разноплеменным воинством, окружавшим ромейского владыку [Smythe, 1992, p. 305–312]. Яркой иллюстрацией в этом смысле служит торжественный прием в Магнавре арабского посольства, направленного эмиром Тарса по распоряжению ихшида Египта и Сирии Мухаммада ибн Тугджа из династии Ихшидидов, в мае 946 г. Там во всеоружии были выставлены напоказ отряды иноземных этерий – хазары, фарганы, далматинцы и крещеные росы

[Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 570–579; Drocourt, 2015, p. 503–512; Shepard, 2020, p. 287–288, 290, 294–296]. Представляется вероятным, что присутствие фарганов – выходцев из державы Саманидов [Карашайски, 2023в, с. 112–118], являлось одновременным сигналом как для аббасидского халифа, в чью сферу влияния формально входил Маверраанахр, так и для дружественного империи правителя Египта, ведущего свой род как раз от фарганского наемника Джуффа ибн Ялтекина [Васильев, 1902, с. 242, 265–266; EI VII, 1993–2005, p. 411; Gordon, 2001, p. 158–159].

Наконец, следует задаться вопросом: что побуждало самих иностранцев отправляться в Византию и поступать на имперскую службу? Помимо понятного стремления к обогащению, можно указать также приобретение престижа и полезных контактов, получение титулов и должностей, признание и поддержку правительства, направлявшего наемников, со стороны Константинополя, возможность заключения взаимовыгодных договоров. Кроме того, необходимо выделить еще одну немаловажную причину, что, как кажется, порой ускользает от взгляда исследователей. Прибытие в Византию часто являлось результатом изгнания или бегства отдельных лиц, групп, кланов и целых этносов из-за долгов, совершения преступления, внутривосточного конфликта или внешнего давления. В таком случае империя становилась безопасной гаванью, в которой можно было не только спастись от преследования, но и восстановить силы и получить средства для возвращения на родину и продолжения борьбы за власть [Луговий, 2008в, с. 303–304]. Так, разорившийся норвежец Берси Белый, укрываясь от выплаты денежного долга хладирскому ярлу Хакону Могучему, нанимается на службу к императору Иоанну I Цимисхию [Finnboga saga gamma. 18. kafli]. Исландец Гест Торхалльссон из опасения мести за совершенное им убийство влиятельного человека бежит в Византию, где становится варангом, потому что *«надеется, что будет там в большей безопасности»* [Исландские саги, 2000, с. 55–56, 60–62]. Военные поражения со следовавшими за ними утратой власти и преследованием со стороны противников вынуждали уходить в Византию вместе

со своими дружинами знатных норвежцев (Свейн Хаконарсон [Филипчук, 2009, с. 58–70; Цукерман, 2019, с. 475–479; Карашайски, 2023б, с. 149–154], Хрисохир [Карашайски, 2023, с. 174–178], Харальд Сигурдарсон [Снорри Стурлусон, 1980, с. 402–403]) и датчан (Эйлив Торгильссон [Jómsvíkingasaga, 1828, p. 158–162; Text of the supplement to Jómsvíkinga saga, 1949, p. 92–93; Blöndal, 2007, p. 201–202; Карашайски, 2024в, с. 196–206]). Интриги и открытое восстание против эмира Алеппо Мансура ибн Лулу привели к бегству эмира вместе с отрядом верных ему людей и поступлению на имперскую службу в пограничных областях дуката Антиохия [Розен, 1883, с. 54–56]. Немногим позже из-за неспособности удержать свои владения под натиском фатимидского наместника Сирии в окрестности Антиохии переселились союзные империи бедуинские племена Бану Тайи во главе с Хасаном ибн аль-Муфарриджем [PBW, Pinzarach 101] и Бану Кальб во главе с Рафи ибн Аби'л-Лаилом [PBW, Rafi 101; Мохов, 2000, с. 185]. Конфликт между печенежскими вождями Тирахом и Кегеном привел последнего вместе с войском под руку императора Константина IX Мономаха [John Skylitzes, 2010, p. 426–428; Козлов, 2013, с. 114–115]. Нормандское завоевание Англии и неуспех сопротивления побудили часть англосаксонской элиты эмигрировать в Византию и сделаться там наемниками [Saga Játvarðar, 1852, p. 36–43; Ciggaar, 1974, p. 320–323; Shepard, 1974, p. 18–20].

В конечном итоге, причина привлечения Византией контингентов этников в свои вооруженные силы может быть сформулирована предельно просто: военно-политическая необходимость, внешняя и внутренняя. Наемники, в свою очередь, были движимы материальными и репутационными интересами и, в ряде случаев, потребностью получения имперского покровительства. Можно заключить, что империя и служилые иностранцы в равной степени нуждались друг в друге.

3.2. Пути вербовки и принципы комплектования

Для вооруженных сил Византийской империи IX–XI вв. были характерны следующие способы комплектования воинских контингентов: милиционный

(ополченческий), кадровый (регулярный) и наемный [Γρηγορίου-Ιωαννίδου, 1985, σ. 125–148; Мохов, 2013а, с. 13]. Каким образом и на основе каких принципов в рамках последнего способа происходили вербовка и формирование иностранных подразделений?

Во-первых, мы можем твердо говорить о самостоятельном приходе на службу отдельных лиц, вольных компаний или более крупных групп по уже существующему договору либо с заключением отдельного, специального соглашения с византийским правительством. Десятая статья русско-византийского договора 911 г. говорит о группах росов-наемников, которые в любом количестве и в любое время могут вступить на имперскую службу «своею волею» [Памятники права Киевского государства, 1952, с. 8, 13]. Представляется, что воины, прибывавшие непосредственно из Скандинавии, могли служить как по росским договорам, так и заключая собственные контракты. Вполне резонным будет предположить и существование аналогичных договоренностей с другими странами-донорами. Кроме того, приход новых групп наемников был сопряжен с пересмотром прежних или заключением новых контрактов на выгодных, в зависимости от ситуации, для империи или пришельцев условиях.

Во-вторых, это подготовка и отправка воинского контингента дружественным или союзным империи правительством, как правило, по договору, регламентирующему условия и порядок найма, статус и положение воинов [Литаврин, 2000, с. 88–89]. Русско-византийский договор 944 г. фактически закрепляет за киевским князем как агентом найма обязанность по формированию отрядов для военных нужд Константинополя [Литаврин, 2000, с. 94–95; Филипчук, 2010, с. 11, 14]. Пятнадцатая статья договора фиксирует необходимость отправки императору по его требованию и письменному обращению воинской группы заявленного численного состава [Памятники права Киевского государства, 1952, с. 34, 39–40]. Отметим, что наличие у наемников грамоты от киевского князя, как это считается исследователями на основании второй статьи договора [Литаврин, 2000, с. 226–227; Мельникова, 2019, с. 77–79; Роменский, 2020, с. 242–243], кажется

объективно необходимым, но не вполне очевидным условием для поступления на службу. Данная статья договора четко говорит лишь о требовании к предоставлению документа со стороны послов и купцов [Памятники права Киевского государства, 1952, с. 31, 37].

Исходя из условий соглашения, происходит обращение императора Константина VII к княгине Ольге за «*вои въ помощь*» в 955 г. [Лаврентьевская летопись, 1926, с. 62–63; Филипчук, 2008, с. 173], а также, вероятно, византийского посольства к Ярополку около 977 г. с дальнейшей отправкой варягов уже в правление Владимира около 978 г. [Роменский, 2020, с. 93–94] Необходимо подчеркнуть, что летописное свидетельство говорит в пользу присутствия варяжского отряда на Руси именно в качестве независимой наемной компании, в этом же статусе отправленной в Византию [Повесть временных лет, 1950, с. 54, 56]. Подобным образом следует расценивать и контингент, направленный десятилетием позже. Его формирование несомненно происходило на территории Руси под началом киевского князя с вербовкой добровольцев как местных, так и специально прибывавших из Скандинавии. Возможно, именно таким путем в империю около 988–989 гг. попал исландец Кольскегг Хамундарсон [Brennu-Njáls saga. 81. kafli; Blöndal, 2007, p. 196–197]. Как и в иных случаях, отряд был подготовлен по требованию византийского императора и за плату агенту найма в виде брака с Анной Багрянородной [Роменский, 2020, с. 251–252]. Мы видим, что в дальнейшем этот военный контингент включается в состав византийской армии и уже никоим образом не зависит от Киева.

В-третьих, это отправка имперского агента, который ведет переговоры и либо получает, либо самостоятельно вербует воинские силы на месте. Сюда же вполне укладывается и практика провоцирования нападения какого-либо народа на враждебную византийцам страну, детально описанная в трактате «Об управлении империей» в отношении печенегов [Козлов, 2012, с. 11]. Направляемый к печенегам императорский посланник (василик) набирает себе из их числа охранников, непрестанно требующих платы и подарков за эту службу. При

переговорах происходит обмен заложниками, после чего печенеги приносят клятвы (οἱ ὄρκοι) и получают императорские дары (τὰς βασιλικὰς δωρεάς), а василик принимает из них «друзей» (οἱ φίλοι) «сколько хочет». При возникновении необходимости, печенеги, «связанные дружбой», «побуждаемые его [императора] грамотами» и дарами, исполняют военную службу и совершают нападение на указанного противника [Константин Багрянородный, 1991, с. 36–39, 42–45, 290].

Можно привести ряд примеров отправки имперского эмиссара с дарами в целях привлечения воинских сил для нужд ведущейся войны: миссия Никита Склира к венграм в 894 г. [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 201], патрикия Иоанна Воги к печенегам около 914/917 г. [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 214; John Skylitzes, 2010, p. 196; Козлов, 2013, с. 110], клирика Гавриила к венграм после 927 г. [Константин Багрянородный, 1991, с. 44–45, 290–291; Moravcsik, 1970, p. 21, 53–57] Миссию Константина Философа в Хазарию около 861 г. и крещение им двухсот хазар [Житие Константина-Кирилла. Чтение 3] также, по нашему мнению, можно рассматривать как вариант вербовки небольшого отряда воинов [Карашайски, 2023в, с. 113]. Согласно анонимному письму, составленному около 949 г. [Zuckerman, 1995, p. 240–241] или около 955–956 гг. [Щавелев, 2020а, с. 183–185] и адресованному кордовскому вельможе Хасдаю ибн Шапругу (т. н. «Кембриджский Аноним»), во второй половине 930-х гг. византийцы, отправив большие дары, спровоцировали росов под предводительством Хельгу осуществить нападение на владения хазар на Боспоре [Коковцов, 1932, с. 118–120; Науменко, 2014, с. 118–128]. Вероятно, подобным же образом в 950-е гг. император Константин VII вел дипломатические переговоры о предоставлении воинских сил для нужд войны против эмира Сайф ад-Даулы с правителями болгар, росов, венгров, хазар, франков и др. [Vasiliev, 1950, p. 368] Сюда же относится миссия патрикия Калокира к росам в 967 г. [Лев Диакон, 1988, с. 36–37; John Skylitzes, 2010, p. 265–266]

Для более позднего времени приведем пример миссии Никифора Палеолога в Аланию около 1074–1075 гг., где полководец «собрал» шеститысячное войско

[Nicéphore Bryennio, 1975, p. 182–183]. Подробно практика сбора агентами иностранных солдат для конца XII в. изложена в «Саге о Сверрире» (конец XII – начало XIII вв.). Согласно ее тексту, в 1195 г. император Алексей III Ангел (1195–1203) направил к конунгам Норвегии, Швеции и Дании трех эмиссаров с хрисовулами (*gullbóluskrá*), содержащими просьбу прислать по 1000 воинов [Karl Jónsson, 1834, p. 301–302; Сага о Сверрире, 1988, с. 125]. Вероятно, ту же цель преследовала миссия Ульфрика из Линкольна, между 1100–1118 гг. отправленного в Англию к королю Генриху I (1100–1135) [Laurent, 1963, p. 93–96; Ciggaar, 1974, p. 317–319; 1996, p. 146–147; Head, 1977, p. 194].

В целом, вырисовывается следующий алгоритм получения иностранных воинов посредством императорских агентов: Константинополь направляет василика с хрисовулом / посланием / грамотой (*τὸ γράμμα*) и дарами (*τὰ δῶρα*) → заключается соглашение (*ἡ συμφωνία*) → иноземцы предоставляют военную услугу / службу (*ἡ ὑπηρεσία*) за плату (*ὁ μισθός*) деньгами (*τὰ χρήματα*).

В-четвертых, это вербовка пленных и прием перебежчиков. Так, для противостояния болгарам в ходе войны 894–896 гг. император Лев VI вооружил пленных арабов [Филипчук, 2013, с. 229–230]. В состав экспедиции в Лонгивардию 935 г. были включены военнопленные (*οἱ αἰχμάλωτοι*) мосульцы, панормитанцы (критские либо сицилийские арабы) и венгры [Haldon, 2000, p. 214–215; Constantine Porphyrogennetos, 2012, p. 661]. Сын критского эмира Анемас (Аль-Нуман ибн Абд аль-Азиз), в 961 г. взятый в плен Никифором Фокой и отправленный в Константинополь, вскоре принял христианство и вступил в ряды императорских телохранителей [PmbZ.20421; Лев Диакон, 1988, с. 78, 80, 209; John Skylitzes, 2010, p. 289, 292]. В 968 г. император Никифор II сделал своими этериотами 40 венгерских пленников, захваченных в ходе их набега на Македонию [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 140]. В 1015 г. византийцы завербовали болгарское войско, находившееся в Могленской крепости [John Skylitzes, 2010, p. 334]. В 1070 г. на сторону империи перешло сельджукское войско под предводительством Хрисоскула (Эл-басана) [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 28–

29, 111]. Частыми в середине – второй половине XI в. были и случаи вербовки пленных печенегов [John Skylitzes, 2010, p. 429–430; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 110–111; Ioannis Zonarae, 1897, p. 740–741]. Разумеется, принятие на службу побежденного врага или ренегата далеко не всегда соответствует требованиям безопасности. По этому поводу Кекавмен советовал остерегаться дезертиров и перебежчиков, но встречать их снисходительно и щедро одаривать, держа при этом под надзором. После проверки и подтверждения добрых намерений их можно сделать *«своими людьми [воинами]»* [Кекавмен, 2003, с. 154–155, 356].

В-пятых, это переход службы по наследству. Очевидно, что многие иноземцы-наемники оседали в империи, заводили семьи и их потомки могли наследовать родительскую военную службу [Каждан, 1974а, с. 211–218; Бибииков, 1990, с. 170–171]. Анна Комнина передает слова кесаря Иоанна Дуки, который охарактеризовал службу варангов как *«наследственный долг, как жребий, переходящий от отца к сыну»* / *«πάτριον παράδοσιν καὶ οἶον παρακαταθήκην τινὰ καὶ κληῖρον»* [Annae Comnenae, 2001, p. 79; Анна Комнина, 2017, с. 58].

Для обозначения любого регулярного подразделения византийских войск в широком смысле принято использовать термин «тагма» (τὸ τάγμα) [ODB, 1991, p. 2007; Мохов, 2013а, с. 57–58]. В самых общих чертах структура и численность имперских воинских частей определяется следующим образом. Тагма или банда (τὸ βάνδον), состоявшая из нескольких мелких боевых единиц, могла насчитывать от 200 до 400–500 солдат при рекомендуемой численности в 300 воинов. Несколько тагм объединялись в миру (ἡ μοῖρα) или друнг (ὁ δρούγγος) численностью от 1000 до 3000 воинов, а те, в свою очередь, в меру (τὸ μέρος) или турму (ἡ τοῦρμα) численностью от 3000 до 6000 воинов. Каждое из подразделений возглавлялось архонтами соответствующего ранга [The Taktika of Leo VI, 2010, p. 48–73; Лев VI Мудрый, 2012, с. 44, 113–129; Ибн Хордадбех, 1986, с. 102; Кучма, 1975, с. 80–83; Kühn, 1991, p. S. 47–72; Treadgold, 1995, p. 109–117; 2005, p. 10; Haldon, 1999, p. 115–117]. Основной пехотной тактической единицей в X–XI вв. являлась

таксиархия (ἡ ταξιарχία) [Oikonomidès, 1972, p. 335–336; McGeer, 1995, p. 203; Кекавмен, 2003, с. 190–193, 422–423] численностью в тысячу воинов – 400 тяжеловооруженных, 100 копейщиков-менавлатов, 300 лучников, 200 дротикошетателей и пращников [McGeer, 1995, p. 17; Никифор II Фока, 2019, с. 9, 56] либо 500 тяжеловооруженных, 300 лучников и 200 дротикошетателей [Three Byzantine Military Treatises, 1985, p. 246–247; Два византийских военных трактата, 2002, с. 319–320].

Учитывая лексику византийских источников, а также четкие указания военных трактатов составлять воинские части «согласно родству и дружбе» / «κατὰ συγγένειαν καὶ φιλίαν» [McGeer, 1995, p. 12–13; Никифор II Фока, 2019, с. 5, 25; Два византийских военных трактата, 2002, с. 334] и не смешивать силы «союзников» с войском ромеев [Лев VI Мудрый, 2012, с. 319–320], следует говорить о практике формирования наемных тагм по этническому, этногеографическому и языковому принципу в зависимости от численности вступавшего на службу контингента. Фактически служилые этники образовывали отдельные армейские землячества – тагмы и этерии того или иного этноса под руководством собственных лидеров и архонтов-ромеев.

Тагмы иностранцев могли действовать как самостоятельно, так и в составе особых воинских соединений, полевых армий и экспедиционных корпусов. Они представляли определенный род войск и специализировались на различных тактиках ведения боевых действий. В качестве примера приведем рекомендацию «Стратегики» императора Никифора II Фоки размещать в 12 интервалах боевого порядка византийского войска по 30–50 этников-дротикошетателей [McGeer, 1995, p. 14–15, 200–201; Никифор II Фока, 2019, с. 6–7, 50–52].

Судя по всему, ситуация, когда в состав византийских полевых армий на постоянной основе входит несколько этнических отрядов, к середине X в. стала обычной. Простейший расчет заданного количества воинов на указанное число интервалов дает нормальную численность контингента в 360–600 человек, т. е.

одну–две тагмы. В целом, это стандартная численность отдельного наемного отряда на имперской службе в рассматриваемый в диссертации период времени.

3.3. Гвардейские части

Наиболее значимым из византийских гвардейских формирований второй половины IX – XI вв. была императорская этерия (ἡ βασιλική ἑταιρεία ≈ дружина). В ее обязанности входили обеспечение безопасности императорской особы, участие в политических и религиозных церемониях [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 7, 20–22, 25, 116, 119, 122, 422, 484, 518–519, 545–546, 548, 551, 553, 556, 560, 562, 567], а также, в отдельных случаях, в военных экспедициях [Bury, 1911, p. 106–108; Oikonomidès, 1976, p. 130; 2001, p. 12–13; Blöndal, 2007, p. 20–22]. Основная особенность этерии заключалась в частичном комплектовании силами иностранных наемников. Х.-И. Кюн даже обозначил это подразделение как «Иностранный легион» («*Fremdenlegion*»), предположив, что оно не относилось к числу тагмного войска и имело иную структуру, пока различия между ними не стерлись в течении XI в. [Kühn, 1991, S. 68]

Формирование этерии происходит в правление императоров Льва V (813–820) и Михаила II (820–829). В этот период она представляла из себя небольшой отряд дворцовой стражи, не имевший серьезного военного значения. Однако при Василии I подразделение было реорганизовано в крупный и боеспособный корпус императорских телохранителей [Мохов, 2016, с. 130–134].

Этерия состояла из трех кавалерийских подразделений: Великой этерии (ἡ μεγάλη ἑταιρεία), Средней этерии (ἡ μέση ἑταιρεία) и Третьей этерии (ἡ τρίτη ἑταιρεία) под руководством собственных этериархов и низших по званию архонтов. Около 970 г. на непродолжительный срок возникло четвертое подобное подразделение – этерия пехотинцев (предположительно: ἡ ἑταιρεία τῶν πεζῶν / ἡ πεζή ἑταιρεία) [Oikonomidès, 1972, p. 268–271, 327–328].

По подсчетам У. Тредголда, общая численность трех этерий к середине X в. составляла 1200 воинов-этериотов. Каждая из них включала две банды по 200

воинов [Treadgold, 1995, p. 109–110]. Мы полагаем, что банды этерий также делились на более мелкие подразделения – условные кентархии численностью около 40 воинов [Kühn, 1991, S. 56]. Именно такие небольшие отряды присутствовали в составе экспедиции в Лонгивардию 935 г.: 46 воинов Средней этерии, 45 фарганов и 47 хазар [Haldon, 2000, p. 212–213; Constantine Porphyrogennetos, 2012, p. 660–661] (вероятно, вместе с архонтами и обслуживающим персоналом). И именно 40 венгров были завербованы в свою этерию императором Никифором II в 968 г. [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 140] В этой связи более отчетливый военно-политический аспект приобретает и крещение Константином Философом 200 хазар около 861 г. и письмо хазарского кагана, направленное императору по этому поводу: *«Мы же все твои друзья и сторонники твоего царства и готовы служить тебе, где захочешь»* [Житие Константина-Кирилла. Чтение 3].

Этнический состав этерий традиционно определяется следующим образом: Великая этерия состояла из македонцев, Средняя из иностранных наемников различного происхождения и Третья из фарганов и хазар [Oikonomidès, 1972, p. 327; Мохов, 2004, с. 19; D'Amato, 2012, p. 30–31]. Для второй половины IX – середины X вв. среди *«людей императора из числа иностранцев»* / *«βασιλικὸς ἀνθρώπους ἐθνικὸς πάντας»* и *«иностранцев этерии»* / *«οἱ ἐθνικοὶ τῆς ἐταιρείας»* известны хазары (οἱ Χάζαροι), фарганы (οἱ Φαργάνοι), венгры (οἱ Τοῦρκοι), арабы (οἱ Ἀγαρηνοί) и франки (οἱ Φράγγοι) [Constantine Porphyrogennetos, 2012, p. 749, 772]. Помимо них в Константинополе и его окрестностях размещались другие тагмы этников, не вошедшие в число гвардейских.

Наиболее раннее упоминание о хазарах в качестве императорских этериотов, на наш взгляд, связано с сообщением Генесия об *«этерии скифов из Таврики»* / *«τὸς ἐκ Ταυρικῆς καθ' ἐταιρείαν Σκύθας»* [Genesius, 1834, p. 89], осуществившей убийство патрикия и логофета дрома Феоктиста в ноябре 855 г. в ходе свержения регентов императором Михаилом III [Genesios, 1998, p. 79–80]. Использование Генесием специфического обозначения этих воинов породило несколько версий их

идентификации: хазары (Э. Гликадзи-Арвелер) [Ahrweiler, 1971, p. 44–46], крымские готы (Х.-Ф. Байер) [Байер, 2001, с. 107–109] или иные выходцы из Таврики, связанные с Херсоном (С. Б. Сорочан) [Сорочан, 2005, с. 1121], варанги (Б. Бенедикс) [Benedikz, 1969, S. 21], росы (М. В. Бибииков, П. В. Кузенков) [Кузенков, 2003, с. 5–6; Бибииков, 2005, с. 14; Карашайски, 2022, с. 221–224]. П. Карлин-Хейтер отмечала, что эпизод убийства этериотами Феоктиста присутствует во всех хрониках, связанных с традицией Продолжателя Феофана [Продолжатель Феофана, 1992, с. 75], но лишь в тексте Генесия опосредованно указывается их этническое происхождение. Исследовательница считала это интерполяцией переписчика XI в., когда на имперской службе уже находилась масса росов-«тавроскифов» [Karlin-Hayter, 1970, p. 236–237]. Со своей стороны, мы склонны согласиться с Э. Гликадзи-Арвелер, определяя в генесиевых «скифах из Таврики» воинов хазаро-фарганской этерии. Появление в Константинополе хазарских стражников, по-видимому, было связано с византино-хазарским военно-политическим сотрудничеством 840-х – 860-х гг. [Noonan, 1992, p. 109–132; Науменко, 2002, с. 549–551, 553–554] Возможность участия в перевороте фарганов косвенно подтверждается текстом Симеона Магистра и Логофета, в котором в числе заговорщиков и непосредственных убийц Феоктиста назван протоспафарий Феофан Фарган [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 182–183] – предположительно, архонт фарганского подразделения.

Хазарские этериоты Льва VI сражались против болгарского войска царя Симеона I в 894 г. Захваченные в плен, они были лишены носов и отправлены в Константинополь «на позор ромеям» [Продолжатель Феофана, 1992, с. 149; Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 201]. Солдаты-хазары, согласно аль-Мутанабби и Абу Фирасу, участвовали в войнах империи против Хамданидов во второй половине 950-х гг.: в составе войск доместика схол Варды Фоки в сражении при крепости Хадат (ноябрь/декабрь 954/955 г.) и паракимомена Василия Лакапина и Иоанна Цимисхия в битве при крепости Рабан (октябрь/ноябрь 958 г.)

[Vasiliev, 1950, p. 331–334, 368–369]. Абу Фирас даже называет имя хазарского командира (раиса) – Тузник [Голден, 2005, с. 460].

Фарганы являлись тюрко-иранским контингентом, представленным выходцами из Центральной Азии (в частности, Ферганской долины) [Bury, 1911, p. 107–108]. А. П. Каждан ошибочно считал термин «фарганы» (οἱ Φαργάνοι) искаженной формой слов «варанги» (οἱ Βάραγγοι) или «франки» (οἱ Φράγγοι) [Две византийские хроники, 1959, с. 86]. Данное суждение неверно по следующим причинам: 1) между последним сообщением о фарганах в трактате «О церемониях» под 946 г. [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 576] и первым упоминанием варангов в тексте «Обозрения историй» Иоанна Скилицы под 1034 г. [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 394] или в хронологически более раннем хрисовуле Константина X 1060 г. [Actes de Lavra, 1970, p. 198; Бибиков, 2018, с. 153] имеется огромный временной разрыв; 2) франки присутствуют в одном ряду с фарганами при перечислении служилых иностранцев [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 749]; 3) форма «фаранги» (οἱ Φάραγγοι), на которую ссылается А. П. Каждан, единственный раз встречается в хрисовуле Никифора III 1079 г. [Actes de Lavra, 1970, p. 218; Бибиков, 2018, с. 155] и, соответственно, является либо одной из форм термина «варанги», либо банальной ошибкой.

Фарганы на византийской службе впервые встречаются в повествовании Симеона Магистра и Логофета. Он пишет о *«превосходившем многих мужеством и силой»* протоспафарии Феофане из Фарганов (Θεοφάνης ὁ ἐκ Φαργάνων), который перешел на сторону арабов, но затем возвратился в Византию в 844 г. или между 842–850 гг. [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 178–179; Vasiliev, 1935, p. 196] В 886 г. фарганские этериоты сопровождали Василия I во время охоты, где один из них спас императору жизнь [Две византийские хроники, 1959, с. 27].

Во второй половине IX – первой половине X вв. тюрки и хазары, согласно сообщению аль-Макдиси, составляли *«большинство гулямов [телохранителей] императора»* [Le Livre de la Creation et de l’Histoire, 1907, p. 64]. Ибн Руста определяет их численность в десять тысяч воинов, вооруженных копьями, щитами

и луками [Abû Alî Ahmed Omar ibn Rustah, 1892, p. 124], что кажется явным преувеличением. Оптимальной, на наш взгляд, может являться оценка в 1000 воинов, одна часть из которых служила в этерии, а другая относилась к негвардейским тагмам столицы. Хазарские лучники несли стражу у ворот дворцового комплекса Манганы [Abû Alî Ahmed Omar ibn Rustah, 1892, p. 120; Голден, 2005, с. 459–460].

Появление хазаро-фарганских контингентов на службе византийских императоров несомненно связано с организацией подобных подразделений в армии аббасидских халифов. Гвардейские части, такие как Фарагина, Ушрусанийя и Иштаханийя, были сформированы в правление халифов аль-Мамуна (813–833) и аль-Мутасима (833–842). Этнически они состояли из тюрок (хазар, уйгуров, огузов, карлуков и пр.) [Gordon, 2001, p. 15–22] и иранцев (согдийцев и хорезмийцев). Необходимо учитывать, что подразделения были смешанными и различия между ними лежали не столько в этнической, сколько в географической плоскости [Голден, 2005, с. 467–468]. Например, Фарагина включала солдат из Ферганской долины, Ушрусанийя – из региона Ушрусаны, Иштаханийя – из Иштихана. Людские ресурсы для этих отрядов поставлялись из Хазарского каганата [Gordon, 2001, p. 21–23] и эмирата Саманидов в виде рабов, военнопленных и завербованных групп профессиональных воинов из Хорезма и Маверранахра, составлявших военно-политическую элиту Саманидского государства [Голден, 2005, с. 458–459; The Cambridge History of Iran 4, 1975, p. 136–153]. Очевидно, в условиях постоянных арабо-византийских столкновений [Kennedy, Haldon, 1980, p. 79–116] и внутривосточного кризиса в Аббасидском халифате 861–870 гг. (т. н. «анархия в Самарре») с последующей опалой со стороны халифа аль-Мутамида (870–892) и его брата, военачальника аль-Муваффака [Kennedy, 2001, p. 149–153], большое число тюрко-иранских отрядов переходило на сторону империи. Представляется, что поток наемников из Центральной Азии и Понтийско-Каспийского региона прекратился синхронно с кризисом эмирата Саманидов и падением Хазарского каганата в 960-х гг.

Время преобладания хазаро-фарганских наемных контингентов в составе иноземных частей императорской гвардии может быть условно обозначено как *Хазаро-фарганский* или *Тюркский период* (середина IX – середина X вв.).

Третья этерия продолжает существовать как минимум до середины XI в., свидетельством чему является единственный известный моливдовул этериарха Третьей Феодора / Льва Алиата, датируемый этим временем [Jordanov, 2006, p. 49–50]. Мы не обладаем точной информацией о том, из кого комплектовалась данная этерия со второй половины X в., но можно предположить, что это были венгры, печенеги и болгары, а также иные группы наемников, близкие к ним этнически и географически и обладавшие схожей специализацией (конные стрелки).

Значительную часть Средней этерии, вероятно, составляли банды крещеных арабов. Скорее всего, либо в качестве одного из таких этериотов, либо как их архонт в сражении под Доростолом в июле 971 г. участвовал Аль-Нуман ибн Абд аль-Азиз [Лев Диакон, 1988, с. 78, 80; John Skylitzes, 2010, p. 289, 292]. Михаил Атталиат сообщает об отряде арабских стражников («*Ἀγαρηνῶν δὲ τις ζῶμιονία τῶν ἐπὶ τῆς φρουρᾶς*») императорской гвардии («*τῆ βασιλικῆς δορυφορίας* [телохранители]»), оборонявших столицу от мятежных войск Льва Торника в сентябре 1047 г. [Michael Attaleiates, 2012, p. 40–45]

С начала X в. начинает складываться тенденция к привлечению в вооруженные силы Византии отрядов росов. Впервые они появляются на византийской службе предположительно в 904–906 гг. [Щавелев, 2020а, с. 103–105] и точно фиксируются в 910–911 гг. [Haldon, 2000, p. 202–203] Уже во второй половине 930-х гг. была организована банда (тагма) крещеных росов (οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς) с собственными знаменами (μετὰ φλαμούλων) [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 579]. По мнению А. М. Филипчука, подразделение насчитывало 300 воинов и входило в состав Малой (Третьей) этерии [Филипчук, 2008, с. 169–171; 2008а, с. 20–23; 2010, с. 14–15]. Полностью соглашаясь с оценкой их численности, мы, однако, должны заметить, что включение банды росов в хазаро-фарганскую этерию едва ли было возможным. Скорее всего крещенные росы относились к числу

столичных тагм этников, по своему статусу близких к этериям. Помимо росов, выходцев с территорий Восточной Европы, в тагму входили и воины из Скандинавии. Именно среди крещеных росов мог нести службу исландец Торкель Светлая Прядь. В 937–944 гг. он «*ходил под рукой конунга Гарды [Константинополя]*» / «*er handgenginn Garðskonunginum*» [Hranfnkels saga Freysgoða. 9. kafli; Blöndal, 2007, p. 194; Мельникова, 2022, с. 56–57]. Выражение «*handgenginn*» («*приближенный [правителя]*») [Zoëga, 1910, p. 184] явно свидетельствует об отношении к элитной императорской части. Христианство Торкеля косвенно подтверждается эпизодом разграбления и сожжения языческого храма по его приказу в «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра» [Hranfnkels saga Freysgoða. 15. kafli].

В трактате «О церемониях» наряду с росами во второй половине 940-х гг. упоминается подразделение неких тулмацев (*οἱ Τουλμάτζοι*) со своими знаменами и вооружением в виде щитов, мечей и луков. В 946 г. они несли стражу у ворот Халки, а в 949 г. 368 тулмацев участвовали в Критской экспедиции [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 579, 664, 667–668]. В историографии эта группа воинов отождествлялась с печенегами из «фемы» (племени) Талмат (*τὸ θέμα Ταλμάτ*) [Константин Багрянородный, 1991, с. 154–155; Neumann, 1894, S. 374–385], тиверцами [Соболевский, 1894, с. 460–461] или далматинцами – жителями побережья Далмации [Haldon, 2000, p. 259]. Вполне резонным кажется предположение А. С. Щавелева о том, что отряд мог быть сформирован из «далматийцев», крещеных в правление Василия I [Щавелев, 2021, с. 102–103]. Вероятнее всего, это были представители славянского населения фемы Далмация [Константин Багрянородный, 1858, с. 30; 1991, с. 134–135], организованные в тагму численностью около 300–400 воинов.

Рост числа и значения контингентов росов на византийской службе, а также доверия к ним со стороны имперского правительства в течении X в. привели к формированию нового элитного подразделения – этерии пехотинцев. О ее существовании в первой половине 970-х гг. известно по данным «Эскуриальского

тактикаона», фиксирующего должность командующего четвертой этерии – этериарха пехотинцев (ἑταιρειάρχης τῶν πεζῶν) [Oikonomidès, 1972, p. 271]. Росы традиционно выступали в качестве пехоты в наемных частях императорского войска, что подтверждается сведениями источников и было убедительно показано еще В. Г. Васильевским [Васильевский, 1908, с. 201–202]. Предположение о том, что этерию пехотинцев составляли наемники-росы, было выдвинуто уже издателем тактикаона Н. Икономидисом [Oikonomidès, 1972, p. 327–328] и в дальнейшем поддержано другими исследователями [Бибииков, 2005, с. 14; 2018, с. 78]. А. М. Филипчук соотнес создание этого подразделения с летописным известием об отправке варягов в Византию в конце 970-х гг. [Филипчук, 2010, с. 12, 15], но позднее пришел к выводу, что этерия была сформирована в первой половине 970-х гг. из росов, поступивших на службу к императору Иоанну I Цимисхию после завершения русско-византийской войны, а также новых групп скандинавских наемников, прибывавших на протяжении 972–975 гг. [Филипчук, 2014а, с. 7–11] А. А. Роменский полагает, что отправка варягов около 978 г. могла быть вызвана деятельностью византийского посольства при князе Ярополке [Роменский, 2020, с. 92–94].

Однако первое свидетельство об этериотах-пехотинцах (οἱ πεζεῖταιροι) относится к апрелю 971 г. Лев Диакон сообщает, что в походе к Доростолу императора Иоанна I сопровождают его «*пешие этериоты*» / «τῶν δὲ πεζεῖταιρων», которые захватывают и казнят несколько «тавроскифских» воинов [Leonis Diaconi, 1828, p. 140; Лев Диакон, 1988, с. 73]. Византийский историк употребляет этот же термин в отношении отдельных частей войска князя Святослава: так, военачальник Икмор ведет сражение во главе «*отряда пеших дружинников*» / «πεζεῖταιρων φάλαγγος» [Leonis Diaconi, 1828, p. 149; Лев Диакон, 1988, с. 78]. Асохик упоминает о том, что при императоре в битве под Доростолом находился «*отряд пехоты, называемый “отрядом саларов”*» [избранных воинов; этерия?]» [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 127–128], но, исходя из контекста, может подразумеваться и армянская пехота.

Мы полагаем, что этерия пехотинцев была организована императором Иоанном I уже в 970 г. в качестве личного отряда наряду с тагмой бессмертных. С наибольшей вероятностью ее основу составила тагма крещеных росов с прибавлением к ним других групп северных наемников, а также пленных «тавроскифов», захваченных византийцами в победоносных сражениях при Аркадиополе (март 970 г.) и Преславе (апрель 971 г.). Известно, что в качестве разведчиков в ходе этой войны император использовал своих воинов, владевших «скифским» языком, а также давал пленникам из числа «тавроскифов» поручения дипломатического характера [Лев Диакон, 1988, с. 58, 72–73].

Варяги, направленные в империю в конце 970-х гг., согласно известию «Повести временных лет», едва ли могли быть включены в этерию пехотинцев. Об этом ясно говорит совет киевского князя не держать это буйное воинство в Константинополе, но «*расточи я разно*» [Лаврентьевская летопись, 1926, с. 78–79]. Сам факт складывания этой варяжской легенды, переданной летописцем, свидетельствует о недовольстве данной группы наемников приобретенным в империи положением [Оболенский, 1998, с. 249–250]. Вероятнее всего, контингент варангов был направлен на службу в азиатских фемах для противостояния восстанию Варды Склира 976–979 гг. и участия в войнах с арабами [Blöndal, 2007, p. 42; Роменский, 2020, с. 93].

На протяжении 970-х – 980-х гг. гвардейские части этников-пехотинцев являлись постоянным эскортом ромейских правителей при их личном присутствии в ходе военной кампании. Анонимный автор военного трактата «Об устройстве лагеря» писал: «*Пусть император имеет при себе собственных токсотов [лучников], если пожелает; пусть при нем будут также росы и малартии*» / «*Ὁ δὲ βασιλεὺς ἐχέτω μεθ' ἑαυτοῦ τοξότας ὅσους ἂν βούληται· ἐχέτω δὲ καὶ Ρῶς καὶ μαλαρτίους*» [Three Byzantine Military Treatises, 1985, p. 280–281; Два византийских военных трактата, 2002, с. 350]. И далее: «*пехотинцы, сопровождающие императора, то есть росы, малартии и токсоты*» / «*καὶ μετ' αὐτὰς οἱ μετὰ τοῦ βασιλέως περιπατοῦντες πεζοὶ οἱ τε Ρῶς καὶ μαλάρτιοι καὶ τοξόται*» [Three Byzantine

Military Treatises, 1985, p. 294–295; Два византийских военных трактата, 2002, с. 362]. По мнению В. В. Кучмы, относительно росов и малартиев речь в источнике идет о двух тагмах численностью около 150 воинов каждая [Два византийских военных трактата, 2002, с. 274–275, 350]. Значительную проблему составляет чрезвычайно редкий термин «малартии» (οἱ μαλάρτιοι), встречающийся, собственно, только в рассматриваемом трактате и императорских хрисовулах 1074 г. и 1079 г. Н. Икономидис определял малартиев как категорию солдат, вооруженных палицами или булавами (от лат. malleus – молот; malleator – молотобоец) и, в связи с этим, схожих с матзукатами [Oikonomidès, 1996, p. 115–116] и манглавитами [Мохов, 2016, с. 125]. Дж. Деннис, напротив, полагал, что на вооружении малартиев, составлявших тагму в 300–500 воинов, были копья, мечи и щиты, что роднило их с контаратами [Three Byzantine Military Treatises, 1985, p. 283; Makrypoulias, 2021, p. 264].

Из текстов саг известны имена двух скандинавов, которые могли служить в этерии пехотинцев. Это норвежец Берси Белый, который в первой половине 970-х гг. был дружинником (hirðmaðr) при «конунге Йоне» [Finnboga saga gamma. 18. kafli] (императоре Иоанне I Цимисхии), и исландец Грис Сэмингссон, побывавший в Византии около 970-х – 980-х гг. (до 986 г.) и получивший там «большие почести» / «miklar sæmdir», а также «меч, который ему подарил конунг Гарды» / «sverðið það er Garðskonungur hafði gefið honum» [Hallfreðar saga vandræðaskálds. 3. kafli; 10. kafli]. По тонкому замечанию С. Блэндаля, Грис горько скорбел о потере своего предводителя (höfðingja) [Hallfreðar saga vandræðaskálds. 10. kafli] – Иоанна Цимисхия [Blöndal, 2007, p. 195–196], что должно указывать на близость к этому византийскому правителю через службу в элитной императорской части.

Организационная структура этерии пехотинцев должна была быть сходна со структурой других императорских этерий, включая две тагмы (банды) северных наемников численностью в 200–400 воинов, т. е. 400–800 этериотов в целом, что полностью соответствует данным источников о численности скандинавских наемных дружин на имперской службе в X – первой половине XI вв. [Haldon, 2000,

р. 202–203, 212–213, 218–219; Кекавмен, 2003, с. 298–299; John Skylitzes, 2010, р. 347]

В 988–989 гг. на основе подготовленного Киевом шеститысячного наемного контингента император Василий II организовывает крупный «варяго-русский» корпус, к которому, исходя из данных о его численности, следовало бы условно применять обозначение «*варанго-росская мера*» [Луговий, 2008б, с. 14]. Этерия пехотинцев как отдельное подразделение была ликвидирована и влилась в состав этого корпуса. Вероятно, именно на этот намекал Михаил Пселл, когда писал, что к отряду «тавроскифов» была присоединена «*других наемников соединенная сила*» / «*ξενικὴν ἑτέραν ξυλλοχισάμενος δύναμιν*» [Michael Psellus I, 1967, р. 9; Михаил Пселл, 2003, с. 10]. В составе нового формирования служил исландец Кольскегг Хамундарсон, который стал «*предводителем войска вэрингов*» / «*var höfðingi fyrir væringjaliði*», женился и оставался в империи до самой смерти [Brennu-Njáls saga. 81. kafli; Blöndal, 2007, р. 196–197; Мельникова, 1998, с. 161; 2022, с. 59].

Элитные части традиционно сопровождали правителя ромеев в ходе военных кампаний. Так, в 986 г. Василий II отправился на войну против болгар «*с гвардейскими своими отрядами*» [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 175]. В дальнейшем варанго-росская мера находилась при императоре во время его походов в Сирию, Закавказье и Болгарию. В 999 г. росы из войска Василия II подожгли церковь Св. Константина в Хомсе вместе с укрывшимися в ней жителями [Розен, 1883, с. 40], в 1000 г. в ходе конфликта, разгоревшегося у крепости Хавтчич в области Тао, они перебили множество иверов [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 200–201; Повествование вардапета Аристаке́са Ластивертци, 1968, с. 56], а в 1016–1018 гг. участвовали в боевых действиях в Болгарии [John Skylitzes, 2010, р. 336–338].

Необходимо отметить, что, несмотря на указания источников относительно росов как исключительно пеших воинов и отделения по этому признаку этерии, в состав которой они входили, солдаты данного контингента по сути являлись конной пехотой, использовавшей верховых лошадей для удобства, скорости

перемещения и маневра и спешивавшейся для ведения боя [Карашайски, 2024б, с. 177–179]. Верховые росы (οἱ Ῥῶς ἰπλότας) упомянуты в трактате «Об устройстве лагеря» в главе о том, как надлежит атаковать неприятельский стан в ночное время. По рекомендации автора трактата, ромейская кавалерия и верховые росы должны были первыми осуществить внезапную атаку и разбить врага [Three Byzantine Military Treatises, 1985, p. 312–313; Два византийских военных трактата, 2002, с. 379]. Исходя из этих данных, Ю. А. Кулаковский считал, что росы составляли пешее войско и садились на лошадей в экстренных случаях, предполагавших необходимость быстрого нападения [Кулаковский, 1900, с. 658], а Г. Г. Литаврин полагал, что «конные росы в войске империи использовались для внезапной яростной атаки» [Литаврин, 2000, с. 93–94].

Передвижение варанго-росских солдат верхом подтверждается напрямую рассказом Асохика о войне «из пехотного отряда Рузов», который «нес сено для своей лошади» [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 200], и косвенно сообщением Аристахэса Ластивертци о «всадниках из языческих отрядов», отправленных императором Василием II для поимки и казни мятежников Перса и Андроника [Повествование вардапета Аристахэса Ластивертци, 1968, с. 65]. Хотя необходимо заметить, что под этим описанием могут скрываться и иные группы этников – например, печенеги или венгры. Исландец Болли Болласон и 11 его товарищей, около 1030 г. возвратившиеся на родину после длительного пребывания гвардейцами византийского императора [Blöndal, 2007, p. 205–209; Мельникова, 2022, с. 63–64], ехали верхом, сидя на «позолоченных седлах» / «*gylltum söðlum*» [Laxdæla saga. 73. kafli; 77. kafli], полученных несомненно в период службы.

На протяжении X–XI вв. подобные отряды, вероятнее всего, вели бой все же в пешем строю. Анна Комнина пишет, что в битве при Диррахии в октябре 1081 г. император Алексей I, задумав неожиданно атаковать норманнский лагерь под покровом ночи, с изменением обстоятельств приказал своим варангам «спешиться и рядами двигаться на небольшом расстоянии впереди строя, так как все воины

этого племени носят щиты» [Анна Комнина, 2017, с. 99–100]. Е. А. Серен характеризует данное построение как «классический англо-датский скьяльдборг» [Серен, 1999, с. 172].

В связи с отсутствием в источниках четкой информации относительно элитных императорских подразделений, комплектовавшихся иностранцами, в течении XI в., об их организации, структуре и численности мы можем говорить лишь предположительно, опираясь на краткие упоминания тех или иных этнических частей либо гвардейских отрядов в целом. Нам неизвестно в какой форме существовал «варяго-русский» корпус – была ли это отдельная этерия или близкие к ней по статусу подразделения центрального тагмного войска. В историографии сохраняется традиционное представление о разделении скандинавских контингентов на варангов «внутренних» или «дворцовых» (οἱ ἐν τῷ παλατίῳ Βάραγγοι) и «внешних» (οἱ ἐκτὸς Βάραγγοι), составлявших регулярные тагмы полевых армий и провинций [Васильевский, 1908, с. 217; Скабаланович, 2004, с. 41–48; Луговий, 2008б, с. 14–15; Мельникова, 2022, с. 59–61]. А. М. Филипчук пришел к выводу о том, что «корпус русов», сформированный в конце 980-х гг., включал Среднюю и Малую (Третью) этерии, а также этерию пехотинцев. На протяжении 1010-х – 1030-х гг. происходила его реорганизация, в результате которой от корпуса была отделена небольшая группа воинов, составивших «варяжскую гвардию» византийского императора, в то время как остальные силы были переформированы во «внешние» тагмы [Филипчук, 2010, с. 16].

Нами уже было указано, что Средняя и Третья этерии продолжали существовать в середине XI в. и комплектовались различными группами этников, но не скандинавами. Вероятно, после смерти Василия II действительно имели место преобразования, затронувшие структуру варанго-росской меры и приведшие к формированию отдельного гвардейского подразделения. Однако они не коснулись императорских этерий.

Крайне сложно однозначно говорить что-либо о численности варангских отрядов, несших службу во дворце и столичном регионе. Основываясь на

указаниях источников, мы склонны условно определять ее в 500–1000 солдат для дворцовой стражи и в 1000–1500 солдат для тагм Константинополя и его окрестностей.

Императорские этерии сопровождали Романа III Аргира (1028–1034) в его Сирийской кампании. В августе 1030 г. в столкновении с арабами при Азазе, обернувшимся беспорядочным отступлением византийских войск [Мохов, 2000, с. 182–183], этерии, согласно Иоанну Скилице, *«сражались рьяно, спасая таким образом и себя, и императора»* [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 381; John Skylitzes, 2010, p. 360]. Михаил Пселл, наоборот, пишет о том, что *«первыми поддались панике телохранители императора [οἱ βασιλέα φρουροί], которые бросили самодержца и понеслись без оглядки»* [Michael Psellus I, 1967, p. 38; Михаил Пселл, 2003, с. 28].

Иностранные наемники, «тавроскифы» и *«некоторые другие, которых императоры обычно держат при себе»*, присоединились к восстанию в Константинополе в апреле 1042 г. [Литаврин, 1972, с. 33–46] против императора Михаила V Калафата (1041–1042). Часть иноземных воинов дворцовой стражи колебалась, а другие открыто перешли на сторону восставших [Михаил Пселл, 2003, с. 64–65]. Незадолго до начала восстания, в ночь с 18 на 19 апреля император, стремясь обезглавить враждебную его власти политическую группировку, согласно сообщению Ибн аль-Асира, направил *«толпу русов и болгар»* в Пиперудский монастырь с приказом убить патриарха Алексея Студита. Тот, однако, подкупил этников за *«большие деньги»* и, по-видимому, убедил присоединиться к грядущему восстанию [Розен, 1883, с. 330; Васильевский, 1908, с. 282–283; Литаврин, 1972, с. 38]. Скорее всего под *«некоторыми другими»* Пселл подразумевал именно этих болгар, служивших, вероятно, в Третьей этерии. Последующее ослепление свергнутого Михаила Калафата скальдическая традиция и сага приписывают Харальду Сигурдарсону [Снорри Стурлусон, 1980, с. 409–410].

С началом русско-византийской войны в июне–июле 1043 г. [Литаврин, 1968, с. 105–107; 2000, с. 228–276; Shepard, 1978, S. 147–212; Blöndal, 2007, p. 104] находившиеся в столице *«согласно договору»* (κατὰ συνμαχίαν) отряды росов и

варангов были под стражей временно переведены в провинцию, чтобы предотвратить возможность их перехода на сторону неприятеля и удара в спину византийцам [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 430; John Skylitzes, 2010, p. 405; Филипчук, 2014, с. 199–201]. После того как росы потерпели поражение и отступали, император выделил две тагмы и отряды этерии под командованием паракимомена Николая и магистра Василия Феодорокана для патрулирования и охраны побережья от попыток повторного вторжения [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 432; John Skylitzes, 2010, p. 406]. Очевидно, что, если служилые скандинавы в это время были отосланы из столицы, эти этерии были составлены из ромеев и банд других этников, в отношении которых подозрений о предательстве не возникало.

В целом, в середине – второй половине XI в. варанго-росские элитные части сохраняют за собой функции императорского эскорта: щитоносцы (οἱ ἀσπίδοφόροι), секироносцы (οἱ πελεκυφόροι) и меченосцы (οἱ ξιφηφόροι) [Kolias, 1988, S. 165–167; Nicolle, 1999, p. 20–21; D’Amato, 2010, p. 24–39; Dawson, 2015, p. 285–286, 328; Луговой, 2005–2009, с. 472–477; 2008г, с. 117–120] участвуют в триумфальных шествиях [Михаил Пселл, 2003, с. 97–98], окружают трон ромейских владык на официальных церемониях [Михаил Пселл, 2003, с. 72, 189] и несут стражу во время богослужений. Скучающие на литургии скандинавские гвардейцы Ари, Хальвдан и Аринбард даже вырезали свои имена внутри собора Св. Софии в Константинополе [Мельникова, 2001, с. 258–259; 2011а, с. 521–529].

Уже отмечалось, что символическое присутствие отрядов этников-телохранителей при особе императора или лица, претендовавшего на эту роль, являлось одним из элементов легитимации их власти. В связи с апостасией Исаака Комнина летом 1057 г. император Михаил VI (1056–1057) укрепил находившееся при нем «чужеземное войско», а сам узурпатор составил свою стражу из ромеев и норманнов с росами, вооруженных щитами, копьями и секирами [Михаил Пселл, 2003, с. 144, 148–149]. В ноябре следующего года по приказу императора Исаака I варангами был арестован патриарх Михаил Керуларий. Тяжеловооруженные воины стащили патриарха с трона и, посадив на мула, сопроводили до берега

Золотого Рога, откуда тот был отправлен в ссылку на остров Имврос [Michael Attaleiates, 2012, p. 114–115; Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη, 1968, σ. 104–105; Васильевский, 1908, с. 331–332; Kaldellis, 2017, p. 221].

Части императорской гвардии сопровождали Романа IV в ходе его Первой Восточной кампании 1068 г., где совместно с армянскими отрядами захватили и разграбили крепость Иераполь на севере Сирии [Michael Attaleiates, 2012, p. 198–201]. В августе 1071 г. во время Третьей Восточной кампании в армии Романа IV присутствовал отряд росов, которые, согласно информации Ибн аль-Асира, были разбиты сельджуками близ крепости Хлат, а их предводитель был схвачен и по приказу султана Алп-Арслана лишился носа [The Annals of the Saljuq Turks, 2002, p. 170–171; Blöndal, 2007, p. 113–114]. Дж. Шепард полагает, что в данном случае речь идет о крупном росском контингенте полевого войска, но не об императорских телохранителях [Shepard, 1975, p. 219]. Однако на наш взгляд, необходимо вернуться к версии В. Г. Васильевского, обратившего внимание на специфическое описание, данное этому отряду Михаилом Атталиатом [Васильевский, 1908, с. 337–340]. Этот византийский автор сообщает, что Роман IV разделил свою армию на две части, отдав наиболее боеспособные подразделения под командование магистру Иосифу Тарханиоту, который был направлен к Хлату. Войско Тарханиота усилил «немалый отряд пехоты» / «στῖφος πεζῶν οὐκ εὐκαταφρόνητον», принадлежавший к «личной мире [императора], называемой аллагюн» / «τὴν αὐτοῦ μοῖραν, τὸ λεγόμενον συνήθως ἀλλάγιον» и не участвовавший обычно в сражениях, находясь рядом с императором [Michael Attaleiates, 2012, p. 272–273]. Термины «мира» и «аллагюн» дают нам численность в 1000–3000 воинов и в 320–400 [ODB, 1991, p. 67–68] воинов соответственно, что позволяет говорить о подразделении численностью в 500–1000 воинов. Пока Роман IV двигался к катастрофе под Манцикертом, Тарханиот предал императора и увел вверенную ему часть армии к Мелитене [Мохов, 2003, с. 293], оставив верных росов один на один с турками.

В правление Романа IV либо при его предшественнике, Константине X, формируется новое элитное подразделение этников – кавалерийская тагма немцев

(τὸ τάγμα τῶν Νεμίτζων), состоявшая из германских наемников [Скабаланович, 2004, с. 51–52; Shepard, 1993, р. 289–290; Ciggaar, 1996, р. 243; Cheynet, 2006а, р. 421–422; Луговий, 2010, с. 30–37, 47–52; 2016, с. 306–307], выходцев из Священной Римской империи. Впервые для рассматриваемого нами периода германцы на византийской службе фиксируются в 979 г., когда в империю прибыл некий Петр, *«родной племянник короля германцев»*, которого Василий II удостоил титулом спафария и назначил domestikом тагмы экскувитов [Кекавмен, 2003, с. 296–297, 547–550]. В качестве отдельной тагмы, имевшей статус отряда императорских телохранителей (ἡ σωματοφυλακία) и собственного архонта, немцы встречаются только с 1069 г. [Michael Attaleiates, 2012, р. 228–229] В 1071 г. некоторые немецкие солдаты были подвергнуты жесткому наказанию за то, что опустошали местность близ поселения Криа Пиги на пути между Кесарией и Севастией, где армия стояла лагерем. Это привело к восстанию тагмы, впрочем, быстро подавленному. Михаил Атталиат пишет: *«Он [Роман IV] подчинил их своей власти и поместил на последнее место, тогда как прежде они были наиболее приближенными его телохранителями. И это было единственным наказанием за их преступление»* [Michael Attaleiates, 2012, р. 266–269; Ioannis Zonarae, 1897, р. 696–697]. В марте–апреле 1081 г., наряду с тагмой бессмертных и варангами, тагма немцев охраняет стены Константинополя от подступившего к столице Алексея Комнина, неся стражу у Харисийских ворот. Их предводитель, некий Гилпракт (вероятно, Гилбрехт), пошел на измену и впустил комниновские войска в город [Анна Комнина, 2017, с. 58–60; Ioannis Zonarae, 1897, р. 727–728].

Восстание Никифора Вотаниата, начавшееся в октябре 1077 г., сопровождалось присоединением к нему иностранных контингентов, особенно сельджуков [Michael Attaleiates, 2012, р. 278–487; Мустафаев, 2017, с. 50; Weihammer, 2017, р. 215–221]. Отряд турецких наемников, отправленный императором Михаилом VII для противостояния узурпатору в Никею, в начале 1078 г. присягнул Вотаниату, который *«образовал из них новый отряд*

телохранителей» / «*δορυφόρων δὲ τάξιν ἀποπληροῦντες εἰσί*» [Michael Attaleiates, 2012, p. 482–483].

Однако столичные варанго-росские тагмы и отряды дворцовой стражи безоговорочно поддерживали Михаила VII. Следует отметить хорошие отношения между императором и этими частями на всем протяжении его правления. Секироносцы стали надежной опорой Михаила VII при установлении им единоличной власти в 1071 г. [Михаил Пселл, 2003, с. 189; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 41–42], а осенью–зимой 1077 г. через своего агента безуспешно пытались склонить на сторону императора тагмы провинциальных варангов, присоединившихся к восстанию Никифора Вриенния Старшего на западе [Michael Attaleiates, 2012, p. 442–443], а также убить его брата, магистра Иоанна Вриенния [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 99–100; Васильевский, 1908, с. 351–352; Blöndal, 2007, p. 115–116]. Михаил Атталиат утверждает, что под рукой императора в Константинополе находились «*силы наемной тяжелой пехоты, исчисляемые мириадами*» / «*ὀπλιτικὸν ἔχοντος ἐκ μισθοφορᾶς ἐν μυριάσι συναριθμούμενον*» [Michael Attaleiates, 2012, p. 492–493]. Несмотря на это, в марте 1078 г. передовые части Вотаниата под командованием его ближайшего сподвижника Борила заняли Большой дворец Константинополя и силой подчинили охранявшие его отряды наемников [Michael Attaleiates, 2012, p. 492–493; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 117–118]. Очевидно, с воцарением Никифора III имела место реформа столичных подразделений этников и их командования: «*было установлено новое начальство, которое должно было обеспечить порядок среди дворцовой стражи*» [Michael Attaleiates, 2012, p. 492–493]. Власть над ними была сконцентрирована в руках Борила, получившего должность этнарха [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 138–139], а позднее – великого примикирия этников [BZS.1951.31.5.1273; BZS.1955.1.2257; Шандровская, 1971, с. 32–34; Kühn, 1991, S. 269].

Растущее недовольство вылилось в бунт дворцовых варангов против нового императора в 1078/1079 г. Характерно, что восставшим этникам противостояли

стражники-ромеи (возможно, солдаты Великой этерии или иного дворцового подразделения). Бунт был подавлен, наиболее непримиримые его участники высланы в провинцию для несения гарнизонной службы [Michael Attaleiates, 2012, p. 537–541; Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη, 1968, σ. 179–181; Ioannis Zonarae, 1897, p. 722]. Представляется, что оставшиеся варанги также были лишены дворцового статуса и привилегий [Blöndal, 2007, p. 118–119]. Вероятно, «репрессии» Никифора III коснулись в первую очередь русского элемента, что, вместе с ослаблением русско-византийских связей с конца XI в., повлекло за собой удаление росов из числа гвардейских подразделений и постепенное их исчезновение из византийской армии в целом [Васильевский, 1908, с. 354–355; Литаврин, 2000, с. 278–280; Филипчук, 2010, с. 12]. Выходцы непосредственно из Скандинавии продолжали поступать на имперскую службу, которую теперь несли совместно с воинами-эмигрантами из Англии [Луговий, 2008б, с. 15; D’Amato, 2010, p. 13–14]. Быстрый рост численности и статуса последних даже позволил В. Г. Васильевскому и Ф. И. Успенскому говорить о некоем «повороте к Западу», «сближении с Западом», предпринятому Комнинами, «замене русских православных людей людьми Запада» [Васильевский, 1908, с. 376; Успенский, 1997, с. 126–127].

Время преобладания варанго-русских наемных контингентов в составе иноземных частей императорской гвардии может быть условно обозначено как *Варанго-русский* или *Росо-скандинавский период* (вторая половина X – последняя четверть XI вв.).

Толчком к эмиграции в Византию для англосаксов и проживавших в Англии данов стало нормандское завоевание и подчинение страны в 1066–1070 гг. Недовольство нормандским правлением и неудачные попытки сопротивления, окончательно обреченные на провал после отказа датского конунга Свена II Эстридсена (1047–1076) бороться за английский престол, привели многих англичан к добровольному изгнанию [Васильевский, 1908, с. 355–356; Vasiliev, 1937, p. 41; Blöndal, 2007, p. 141–142; Nicol, 1974, p. 184–185; Ciggaar, 1996, p. 140]:

«Некоторые из них, самый цвет английской молодежи, направили свой путь в далекие края и доблестно служили в войсках Алексея, императора Константинополя» [Orderic Vitalis, 1854, p. 9].

О крупной группе английских беженцев, прибывших в империю в правление Алексея I Комнина, повествуют Ланский Аноним и «Сага о Ятварде». Первый источник сообщает ряд имен лидеров эмиграции, в подавляющем большинстве англосаксов и данов, которые вместе с флотом из 235 кораблей под руководством некоего Станарда достигли Византии средиземноморским путем [Ciggaar, 1974, p. 320–321]. Сага говорит о 350 кораблях во главе с Сигурдом, ярлом (эрлом) Глостера [Saga Játvarðar, 1852, p. 36–37], который может быть идентичен Сиварду Барну, крупному английскому землевладельцу, владевшему, в числе прочего, поместьем в Глостершире, и активному участнику антинормандского сопротивления. С 1071 г. эрл Сивард пребывал в плену и был освобожден только в 1087 г. [Shepard, 1974, p. 18–19] Достигнув Константинополя, англичане спасают город от «язычников», осаждавших его с суши и моря [Ciggaar, 1974, p. 322; Saga Játvarðar, 1852, p. 38–41]. При этом в обоих текстах присутствует явный анахронизм: императором называется Алексей I Комнин, но события датируются 1075 г. и «спустя несколько зим после гибели короля Гарольда Годвинсона [1066]» соответственно.

Полностью обоснованным мы считаем предположение Дж. Шепарда, датировавшего эти события 1091 г. [Shepard, 1974, p. 19] Действительно, именно в начале 1090-х гг. печенежские войска находились во Фракии и Македонии, доходя до предместий Константинополя – *«такая напасть с Запада постигла Самодержца на суше, но и на море он не чувствовал себя спокойно»* – сельджукский эмир Чакан-бей [Brand, 1989, p. 2–3] со своим флотом пиратствовал и захватывал византийские владения на Мраморном и Эгейском морях [Анна, 2017, с. 182]. Печенеги были разбиты в 1091 г. при Левунионе, а византийское контрнаступление против Чакан-бея весной 1092 г. было отмечено победами великого дуки флота Иоанна Дуки при Митилене и талассократора Константина Далассина близ Смирнского залива с последовавшей затем кампанией по

отвоеванию захваченных сельджуками островов [Анна, 2017, с. 196–199]. Участие контингента эрла Сиварда представляется вполне вероятным. Согласно Ланскому Анониму, около 4000 англичан осталось в Константинополе непосредственно при особе императора [Ciggaar, 1974, p. 322].

В целом, можно выделить три масштабных волны английской миграции в Византию, последовательно происходивших в начале 1070-х гг., начале 1080-х гг. [Vasiliev, 1937, p. 53–55] и начале 1090-х гг.

Тагмы инглинов (οἱ Ἰγγλίνοι) упомянуты в императорских хрисовулах 1080 г., 1082 г. и 1086 г. [Actes de Vatopédi I, 2001, p. 113; Actes de Lavra, 1970, p. 243, 258; Бибииков, 2018, с. 156–157, 167] Очевидно, как и в иных случаях, одни английские контингенты использовались в качестве отрядов полевых войск и гарнизонов приморских крепостей, а другие составляли части корпуса дворцовой стражи и столичных тагм. Возвышение последних традиционно относится к 1085 г., когда английский отряд, предназначавшийся для гарнизонной службы в крепости Кивот на берегу Никомидийского залива, был отозван в Константинополь [Orderic Vitalis, 1854, p. 10; Васильевский, 1908, с. 363–364; Vasiliev, 1937, p. 57–58; Nicol, 1974, p. 189–190, 193; Godfrey, 1978, p. 70–71].

Источники действительно подчеркивают исключительные отношения Алексея I с англичанами и данами. Так, Уильям Мальмсберийский писал в своей «Истории английских королей» (1120-е гг. – около 1140 г.): *«Он уважал веру англичан, причисляя их к особым своим друзьям»* [William of Malmsbury, 1998, p. 412–413]. Ордрик Виталий указывал, что император *«передал под их охрану свои дворец и сокровищницу и сделал их стражами своими и своего дома»* [Orderic Vitalis, 1854, p. 10, 357]. В сообщении Саксона Грамматика о визите датского конунга Эйрика I Доброго (1095–1103) в Константинополь в 1103 г. [Vasiliev, 1937, p. 47; Blöndal, 2007, p. 131–134] отмечается, что *«войны-дань занимают первое место, и именно им тамошний государь чаще всего доверяет охранять свою жизнь в качестве своей личной стражи... и несмотря на то, что в этой стране они являются иноземцами, в их руках находится власть над теми, для кого эта*

страна является родной, так что здесь на чужбине они более счастливы, чем у себя на Родине» [Саксон Грамматик 2, 2021а, с. 49].

Дополнительно укажем, что Анна Комнина несколько раз использует в отношении варангов обозначение «из Фулы» (ἐκ τῆς Φούλης) [Annae Comnenae, 2001, р. 79, 84, 382; Анна Комнина, 2017, с. 58, 62, 290], имея в виду легендарный остров Туле / Фула на севере Европы, но подразумевает под ним не только Британию, а североевропейские страны в целом [Blöndal, 2007, р. 143–144; Nicol, 1974, р. 188; Head, 1977, р. 190–191; Ciggaar, 1996, р. 129]. Никифор Вриенний писал, что они прибыли «из варварской страны, находящейся близ океана» [Niséphore Bryennio, 1975, р. 122–123; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 41].

Мы полагаем, что перестройка гвардейских отрядов должно было начаться сразу после прихода Алексея Комнина к власти в 1081 г. – новый император традиционно вводил в состав стражи лояльные себе группы иностранных наемников. Кроме того, было необходимо и восстановление численности, так как в Константинополе на тот момент оставалось всего около 150–300 варангов [Анна Комнина, 2017, с. 82]. В октябре 1081 г. объединенный корпус столичных частей и провинциальных тагм варангов [Blöndal, 2007, р. 123] под предводительством Намбита участвовал в сражении при Диррахии, где понес огромные потери, часть воинов была сожжена заживо в церкви Арх. Михаила [Анна Комнина, 2017, с. 98–101]. Гоффредо Малатерра прямо называет их англами [Geoffrey Malaterra, 2005, р. 157–158].

Вероятно, уже к концу XI в. численность варангских подразделений дворцовой стражи и тагм столицы и столичного региона стабилизировалась, достигнув прежней отметки в 500–1000 и 1000–1500 солдат соответственно. Это число могло быть и большим, если мы примем в расчет данные Ланского Анонима о 4000 английских воинов. Известно, что около 1090 г. варанги-англы несли стражу у церкви Богородицы Фаросской, главного храма Большого императорского

дворца, места хранения множества ценнейших христианских реликвий [Vasiliev, 1937, p. 62–64; Ciggaar, 1996, p. 144].

Сохранились имена двух предводителей английских наемников в Константинополе этого времени. Англичанин знатного происхождения Коулман, добившись расположения императора Алексея I и императрицы Ирины Дукины, а также ряда византийских вельмож, в конце XI в. командовал большим отрядом соотечественников. В империи он женился на знатной и богатой женщине и выстроил в столице церковь, посвященную Св. Николаю Мирликийскому и Св. Августину Кентерберийскому [Vasiliev, 1937, p. 60–62; Ciggaar, 1974, p. 321; 1996, p. 141]. Другой англичанин, некто Хардигт, в конце XI – начале XII вв. стал начальником императорской стражи и командующим части флота [Ciggaar, 1974, p. 323, 337–339; Nicol, 1974, p. 187].

История англо-датских контингентов императорской гвардии завершается весной 1204 г. в связи с осадой и взятием Константинополя армией Четвертого Крестового похода. Согласно сведениям французского рыцаря Робера де Клари (около 1170 – около 1216), еще 12 апреля варанги с секирами и мечами обороняли от крестоносцев Галатскую башню, но уже утром следующего дня *«англы, даны и люди других наций»* пришли в лагерь французов *«и громкими голосами просили их о милосердии»* [Робер де Клари, 1986, с. 54, 57]. Дальнейшие сведения о существовании в Византии корпуса варангов весьма обрывочны и немногочисленны [Blöndal, 2007, p. 167–176; Godfrey, 1978, p. 73–74; D'Amato, 2010, p. 11–12].

Время преобладания англо-скандинавских наемных контингентов в составе иноземных частей императорской гвардии может быть условно обозначено как *Варанго-английский* или *Англо-скандинавский период* (конец XI – начало XIII вв.).

Итак, можно заключить, что иноэтничные подразделения элитных императорских войск играли весьма значимую роль во внутренней и внешней политике империи середины IX – XI вв., выполняя функции церемониальной стражи, императорской охраны и ударной силы византийских армий. Они

использовались как средство повышения имперского престижа, обеспечения порядка и стабильности, удержания власти правителем или ее захвата претендентом на императорский престол, осуществления карательно-репрессивных акций. Доминирование той или иной этнической группы было напрямую связано с уровнем и характером взаимоотношений империи со странами-донорами, внутри- и внешнеполитическими обстоятельствами. Проявление подобными частями лояльности или, наоборот, неповиновения соответственно вело к ответной реакции со стороны византийского правительства и изменению статуса этих контингентов.

3.4. Полевые войска

В этом разделе мы приводим комментированный перечень византийских военных кампаний и сражений, для которых фиксируется участие контингентов иноэтничных наемников, либо служивших в имперской армии на регулярной основе, либо привлекавшихся для участия в конкретной экспедиции. Там, где это возможно, нами указывается информация о командующих, этническом составе и численности подразделений, ходе боевых действий и пр.

Битва при Мавропотаме (844 г. / между 842–850 гг.). Армия логофета дрома Феоктиста была разгромлена арабскими силами вторжения во главе с военачальником Абу-Саидом Мухаммадом ибн Юсуфом и эмиром Мелитены Умаром аль-Актой. Либо в ходе, либо после сражения на сторону неприятеля «из-за тяжелого и невыносимого характера логофета» перешел отряд византийских фарганов под началом Феофана Фаргана [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 178–179; Васильев, 1900, с. 155–156; Vasiliev, 1935, p. 195–198; Treadgold, 1997, p. 447].

Болгаро-византийская война 894–896 гг. Армия стратилата Прокопия Кринита и Куртикия Армянина, разбитая войсками царя Симеона I в Македонии в 894 г., включала хазарскую этерию, солдаты которой попали в плен к болгарам

[Продолжатель Феофана, 1992, с. 149; Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 201].

Критская экспедиция 910–911 гг. В составе сил патрикия и логофета дрома Имерия, направленных против Критского эмирата, присутствует отряд из 700 росов. Предположительно, их транспортировка осуществлялась на 20 византийских памфилах [Pryor, Jeffreys, 2006, р. 260, 548–549; Zuckerman, 2015, р. 74–75, 78], на каждом из которых размещалось 35 солдат-росов совместно со 130 ромейскими моряками [Haldon, 2000, р. 202–203, 247; Constantine Porphyrogenetos, 2012, р. 651–652; Щавелев, 2021, с. 148–149].

Битва при Ахелое (20 августа 917 г.). Византийская армия под командованием магистра и доместика схол Льва Фоки, потерпевшая поражение от болгар, имела в своем составе армянский контингент во главе с Мелием, предводителем армян Ликанда [PmbZ.25041; Charanis, 1963, р. 29–30; Арутюнова-Фиданян, 1994, с. 16, 77, 185]. В помощь имперским силам также двигались печенежские войска, нанятые патрикием Иоанном Вогой, но конфликт последнего с патрикием и друнгарием флота Романом Лакапином помешал их переправе через Дунай и привел к уходу печенегов [Продолжатель Феофана, 1992, с. 162; Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 215–216; John Skylitzes, 2010, р. 198].

Взятие Мелитены (19 мая 934 г.). Византийские войска магистра и доместика схол Иоанна Куркуаса совместно с армянскими отрядами Мелия подчинили Мелитену – один из важнейших городов сирийско-месопотамского пограничья [Продолжатель Феофана, 1992, с. 172–173; Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 227–228; Honigmann, 1935, S. 73; Kaldellis, 2017, р. 22].

Экспедиция в Лонгивардию 935 г. Для противостояния лангобардскому вторжению в византийскую фему Лонгивардия, сопровождавшемуся восстанием внутри нее, были направлены силы протоспафария Епифания и патрикия Космы. Под руководством последнего находился отряд из 415 росов на 7 судах-каравиях (около 60 человек на судно) [Pryor, Jeffreys, 2006, р. XLII, 189; Щавелев, 2021, с. 151–152]. Очевидно, в качестве эскорта командиру были приданы также

небольшие подразделения императорских этерий: 31 солдат Великой этерии, 46 солдат Средней этерии, 45 фарганов и 47 хазар Третьей этерии. Кроме того, в состав экспедиции входили иностранцы из числа военнопленных (11 мосульцев, 18 панормитанцев и 84 венгра), а также 36 армянских манганариев (т. е. обслуга манган – метательных машин) [Haldon, 2000, p. 212–215; Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 660–661].

Критская экспедиция 949 г. Войска патрикия и командующего флотом [Продолжатель Феофана, 1992, с. 181; Pryor, Jeffreys, 2006, p. 71] Константина Гонгила [Лев Диакон, 1988, с. 8; John Skylitzes, 2010, p. 236–237], направленные против Критского эмирата, включали 629 росов – 584 мужа (οἱ ἄνδρες) и 45 слуг / юношей (αἱ παῖδιαι) [Haldon, 2000, p. 218–219; Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 664; Филипчук, 2008а, с. 17–19] на 9 каравиях [Haldon, 2000, p. 228–229; Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 673] (70 человек на судно), 368 тулмацев и 1000 армянских всадников, служивших наемниками в восточных тагмах [Haldon, 2000, p. 218–221; Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 664, 666].

Битва при Хадате (ноябрь/декабрь 954/955 г.). Армия domestika схол Варды Фоки, подошедшая к крепости Хадат, была усилена отрядами росов, сакалиба [Мишин, 2002, с. 123] (вероятнее всего, балканских славян), болгар и хазар (либо иверов). В качестве основных сил, разбитых эмиром Сайф ад-Даулой, аль-Мутанабби выделил ромеев и росов, вопрошая: «*Как же ар-Рум и ар-Рус надеются разрушить ее* [крепость Хадат]?» [Vasiliev, 1950, p. 331–334].

Битва при Рабане (октябрь/ноябрь 958 г.). После взятия Самосаты летом 958 г. силы патрикия и паракимомена Василия Лакапина и патрикия и стратига Иоанна Цимисхия осадили крепость Рабан, где одержали победу над войском Сайф ад-Даулы [Продолжатель Феофана, 1992, с. 191; OEMWMT, 2010, p. 151–152]. Под их командованием находился хазарский отряд во главе с Тузником, а также, предположительно, контингенты болгар, росов, тюрков (венгры либо представители северопричерноморских тюркских племен), франков и др. [Vasiliev, 1950, p. 368–369]

Критская экспедиция 960–961 гг. В победоносном походе магистра и доместика схол Востока Никифора Фоки против Критского эмирата, завершившемся осадой и взятием крепости Хандак, участвовали тагмы армян, росов и славян (сфлависиан – οἱ Σθλαβησιάνοι) [Theophanes Continuatus, 1838, p. 481; Продолжатель Феофана, 1992, с. 198].

Киликийская кампания 964–965 гг. Византийская армия императора Никифора II, осуществлявшая завоевание Киликии, включает армянские и иверские наемные контингенты [John Skylitzes, 2010, p. 257].

Сицилийская экспедиция 964–965 гг. Имперские силы под руководством патрикия и друнгария флота Никиты Аваланда и патрикия Мануила Фоки, направленные против Сицилийского эмирата, были разбиты в *битве при Рометте (октябрь 964 г.)* и *морском сражении в Мессинском проливе (начало 965 г.)* [Лев Диакон, 1988, с. 38–39, 185; John Skylitzes, 2010, p. 256; Хроники Италии, 2020, с. 559]. Среди пленных, захваченных арабами, согласно сведениям Ибн аль-Асира, находилось 200 отборных византийских наемников – армян либо росов [Blöndal, 2007, p. 39; D’Amato, 2010, p. 4].

Укрепление византийской власти в Южной Италии около 960-х гг. Опираясь на контингенты росов, данов и неких гваланов (Guálani), византийцы укрепили власть империи в Апулии и Калабрии [Die Chronik von Montecassino, 1980, p. 237; Лев Марсиканский, Петр Дьякон, 2015, с. 93]. Возможно, это было осуществлено силами Сицилийской экспедиции либо войсками магистра и катепана Италии Никифора Эксакионита, вступившего в Бари в 965/966 г. [Хроники Италии, 2020, с. 559; Боровков, 2016, с. 221–225] Под гваланами могут скрываться аланы либо албанцы (οἱ Ἀλβανοί) [Plasari, 2020, p. 7–52], однако, на наш взгляд, наиболее вероятно, что это был отряд полабских славян, пришедший на византийскую службу совместно с данами [Карашайски, 2024в, с. 198–199].

Сирийские кампании 966 г. и 968–969 гг. Подчинение имперскими войсками Кипра в 965 г., а также их активные действия в Сирии, завершившиеся взятием Антиохии в октябре 969 г. [John Skylitzes, 2010, p. 258–262], сопровождались

столкновениями с арабами на море. Очевидно, императорский флот был усилен кораблями амальфитанских и венецианских наемников [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 140]. Город Амальфи, формально являвшийся автономным субъектом империи, поддерживал высокий уровень отношений с Константинополем, направляя ему своих солдат и свои суда [Balard, 1976, p. 85–87]. Традиционным союзником, предоставлявшим военно-морские силы, в этот период выступала и Венеция [Nicol, 1992, p. 35–37].

Болгарская кампания 971 г. Значительное число армянской пехоты в армии императора Иоанна I Цимисхия, ведущего наступление против сил князя Святослава. Согласно Асохику, в сочинении которого вся кампания сводится к единственному сражению под Доростолом, армяне вместе с императором находились в центре войска, стойко сдерживая натиск росов [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 127–128].

Сирийская кампания 975 г. Войско императора Иоанна I включало конную тагму в 500 крещенных арабов или тюрок под руководством некоего Турка из Багдада, которые в качестве гарнизона были размещены в покоренном Дамаске [Кучук-Иоаннесов, 1903, с. 96–97; Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 27–28].

Апостасия Варды Склира (976–979 гг.). В 976 г. магистр и доместик схол Востока [Kühn, 1991, S. 148] Варда Склир поднял восстание, провозгласив себя императором. На стороне узурпатора выступили отряды арабских наемников [John Skylitzes, 2010, p. 302–303; Розен, 1883, с. 3–4], в частности, легкая кавалерия, посланная мосульским эмиром Абу Таглибом аль-Хамдани [Розен, 1883, с. 12], а также наемная армянская конница, войска под предводительством Григора и Баграта Таронитов и отряд от правителя Мокка Априаника [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 133–134; Степаненко, 1973, с. 221; 1999, с. 141–142; Holmes, 2005, p. 262]. Мятежу противостояла армия Василия II, состоявшая из «западных народов» (вероятно, в их число входил и росский контингент, попавший в Византию в конце 970-х гг.). Император также получил поддержку от правителя Тао-Кларджети Давида III Куропалата, направившего большое иверское войско

под руководством Джоджика и Торника [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 134–135; John Skylitzes, 2010, p. 309; Степаненко, 1999, с. 130–148]. По утверждению Матфея Эдесского, армянские отряды выступали и на стороне Василия II. Вполне допустимо, что часть наемных армянских тагм действительно сохранили верность императору, однако роль подавителей мятежа Склира, которую им отводит хронист [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 31], никак не соответствует действительности.

Битва у Траяновых Врат (17 августа 986 г.). Болгарский поход Василия II завершился разгромом ромейского войска силами царя Самуила в Ихтиманском ущелье [Лев Диакон, 1988, с. 36–37; Stephenson, 2004, p. 59]. Спасение императора и его вывод в Македонию, согласно Асохику, осуществили силы армянской пехоты [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 176–177].

Апостасии Варды Склира и Варды Фоки (986–989 гг.). Второй мятеж Варды Склира снова был поддержан армянскими контингентами, отрядами арабских племен Бану Окайль и Бану Нумейр и курдскими войсками под командованием Абу Али аль-Хасана ибн Марвана, которые предоставил марванидский эмир Абу Шуджа Бад ибн Дустак [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 177; Розен, 1883, с. 21–22; Степаненко, 1973, с. 222]. В мятеже доместика схол Востока Варды Фоки, в сентябре 987 г. провозглашенного императором [Kühn, 1991, S. 148–149], приняли участие иверские войска Давида III Куропалата – 1000 всадников под командованием магистра Чортванела, а также 1000 армянских всадников, руководимых братьями Григором и Багратом Таронитами [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 178; Розен, 1883, с. 24; Степаненко, 1999, с. 142–143]. Совместно с сыном узурпатора, Никифором Фокой Варитрахилом, они разбили войско лоялистов на востоке, но отказались от дальнейшего участия в восстании после получения вестей о разгроме части сил Фоки под Хрисополем [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 179; Розен, 1883, с. 24; Holmes, 2005, p. 460]. Победа императора Василия II над патрикием Калокиром Дельфином в битве под Хрисополем (23/24 марта 988/989 г.) [Роменский, 2020, с. 149, 230–

236] была обеспечена участием «*войск западных стран*» [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 178–179], в первую очередь корпуса из 6000 росов [Розен, 1883, с. 23–24; Михаил Пселл, 2003, с. 12; John Skylitzes, 2010, p. 318–319; Ioannis Zonarae, 1897, p. 552–553]. Окончательно мятеж был подавлен в *битве под Авидосом (13 апреля 989 г.)* [Розен, 1883, с. 25; John Skylitzes, 2010, p. 319–320]. Михаил Пселл утверждает, что в этом сражении Варду Фоку сопровождал пехотный отряд иверов [Михаил Пселл, 2003, с. 12] – очевидно, часть сил, предоставленных Давидом Куропалатом.

Сирийская кампания 995–996 гг. Близ Рафаней и Хомса византийские войска устроили засаду против беспокоивших их арабских конных отрядов. Болгары из армии Василия II взяли в плен 40 арабов и отрубили им руки [Розен, 1883, с. 32].

Сирийская кампания 999 г. Императора сопровождает корпус росов, отметившийся сожжением церкви Св. Константина в покоренном Хомсе [Розен, 1883, с. 40].

Закавказская кампания 1000–1001 гг. В ходе аннексии области Тао и подчинения Византии ряда местных правителей [Степаненко, 1975, с. 125–126; Юзбашян, 1988, с. 140–142; Арутюнова-Фиданян, 1994, с. 31–32], у крепости Хавтчич произошел кровопролитный конфликт между иверами и солдатами русского корпуса [Всеобщая история Степаноса Таронского, 1864, с. 200–201; Розен, 1883, с. 56].

Хазарская экспедиция 1016 г. Византийский флот под руководством патрикия [Мохов, 2014, с. 105–107] Варды Дуки Монга подавил восстание архонта Хазарии Георгия Цулы летом 1016 г. Решающую роль сыграл, должно быть, использовавшийся в качестве морского десанта варангский отряд во главе с неким Сфенгом, которого Иоанн Скилица называет «*братом*» (ὁ ἀδελφός) киевского князя Владимира [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 354–355; John Skylitzes, 2010, p. 336; Vasiliev, 1936, p. 134]. Пассаж о хазарской экспедиции, содержащийся в «Обзрении историй», породил ряд острых дискуссионных вопросов, связанных с локализацией

Скилицевой Хазарии¹, а также персонами архонта Георгия Цулы и Сфенга. Существует несколько версий идентификации последнего: 1) князь Мстислав Владимирович Тмутараканский либо какой-то из его воевод скандинавского происхождения [Мавродин, 1980, с. 178–179; Franklin, Shepard, 1996, p. 201]; 2) неизвестный по иным источникам родственник Владимира, единокровный брат [Пашуто, 1968, с. 77; Литаврин, 2000, с. 215–223] либо побратим [Роменский, 2020, с. 205], или военачальник, направленный из Киева в качестве союзника [Артамонов, 1962, с. 436–437]; 3) хладирский ярл Свейн Хаконарсон, один из соправителей Норвегии в 1000–1015 гг., бежавший из страны после поражения от Олава Харальдссона и служивший наемником у князя Ярослава Владимировича [Прицак, 1997, с. 449; Филипчук, 2009, с. 58–70; Цукерман, 2019, с. 475–479]. Последний вариант представляется наиболее вероятным. Норвежская дружина ярла Свейна, частично пополненная шведами [Снорри Стурлусон, 1980, с. 195], насчитывала около 400 воинов на 7–8 судах (из расчета экипажа в 50–60 человек) [Карашайски, 2023б, с. 149–154].

Болгарская кампания 1016–1018 гг. Росы присутствуют при осаде Василием II крепости Лонгос и участвуют в рейде стратигов Давида Арианита и Константина Диогена [Мохов, 1995, с. 32–37] на равнины Пелагонии [John Skylitzes, 2010, p. 336–338].

Подавление лангобардского восстания в Южной Италии 1016–1018 гг. Восставшие лангобарды Апулии под предводительством Мела из Бари и отряд завербованных им норманнских наемников числом в 250 воинов [Ystoire de li Normant par Aimé, 1892, p. 16–18; The Normans in Europe, 2000, p. 241–242], были разбиты катепаном Италии Василием Воиоанном в *битве при Каннах (октябрь 1018 г.)* [Хроники Италии, 2020, с. 553, 561, 576; Theotokis, 2014, p. 3, 109–110].

---

¹ Область Хазарии XI в. локализуется исследователями либо в Восточном Крыму (Н. А. Алексеенко, В. В. Майко), либо по обоим берегам Боспора (В. П. Степаненко, В. Н. Чхаидзе), либо на Азиатском Боспоре / в Северо-Восточном Причерноморье (В. Е. Науменко, Ю. М. Могаричев) [Чхаидзе, 2016]. Наиболее убедительной представляется версия В. П. Степаненко и В. Н. Чхаидзе, согласно которой Скилицева Хазария включала территории в пределах Керченского и Таманского полуостровов.

Армия последнего была усилена контингентом росов [Адемар Шабаннский, 2015, с. 220].

Прибытие в империю отряда Хрисохира около 1025 г. Согласно сообщению Иоанна Скилицы, незадолго до смерти императора Василия II в Константинополь с отрядом в 800 воинов прибыл некий Хрисохир, «родич» (ὁ συγγενῆς) киевского князя Владимира, попытавшийся поступить на имперскую службу в качестве наемника. Его отказ явиться к императору безоружным спровоцировал конфликт, в ходе которого отряд Хрисохира прошел через Пропонтиду, разгромил местные византийские войска у Авидоса, и, прорвавшись в Эгейское море, двинулся к острову Лемнос. Там он был обманут ложным предложением мира и разгромлен силами флота фемы Кивирреотов, стратига Самоса Давида из Охрида и дуки Фессалоники Никифора Кавасилы [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 367–368; John Skylitzes, 2010, p. 347]. Численность воинов Хрисохира позволяет предположить, что они передвигались на 14–16 судах (из расчета экипажа в 50–60 человек) [Карашайски, 2023, с. 174–178].

Сицилийская экспедиция 1025–1029 гг. Против Сицилийского эмирата были направлены значительные имперские силы под командованием протоспафария Ореста [John Skylitzes, 2010, p. 348, 362; Хроники Италии, 2020, с. 553–554, 562, 576] при поддержке катепана Италии Василия Воиоанна. Армейский корпус Ореста усилило большое число иноэтничных формирований – росов, гвандалов (Guandali), турок (Turci), болгар и влахов [Annales Baresnes, 1844, p. 53; Хроники Италии, 2020, с. 553]. Под турками в данном случае могут подразумеваться венгры либо представители северопричерноморских тюркских племен (например, печенеги). Гвандалами или вандалами (Wandali) западноевропейские авторы [Adam von Bremen, 1917, S. 75–76; Helmolds Slavenchronik, 1937, S. 7; Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский, 2011, с. 40, 155; Henrici Archidiaconi Huntendunensis, 1879, p. 187; Генрих Хантингдонский, 2015, с. 214, 269; Barthélemy l'Anglais, 2006, p. 41] иногда именовали западных, в первую очередь полабских, славян [Steinacher, 2004, S. 329–353; Плешчиньски, 2018, с. 45,

54]. Вполне естественной представляется ситуация, когда отряд полабских славян (вероятнее всего, ободритов) присоединился к одной из групп датских авантюристов. Лидером этой группы мог быть датский военачальник Эйлив Торгильссон, который около 1025–1026 гг. «отправился в Миклагард и стал там предводителем войска вэрингов, и в конце концов пал там» / «*ferr út í Miklagarð, ok gjörðist höfðingi fyrir Væringjaliði, ok féll þar um síðir*» [Jómsvíkingasaga, 1828, p. 158–162; Text of the supplement to Jómsvíkinga saga, 1949, p. 92–93]. Во второй половине 1020-х гг. датско-ободритская дружина Эйлива должно быть была включена в состав Сицилийской экспедиции, где под именем «гвандалов» была отмечена южноитальянским хронистом [Карашайски, 2024в, с. 196–206]. К 1029 г. армия Ореста потерпела от арабов ряд ощутимых поражений [Мохов, 1997, с. 25; 2000, с. 188] – в одной из битв, по всей видимости, погиб и сам Эйлив.

Сирийская кампания 1030 г. В походе императора Романа III Аргира на Алеппо приняло участие большое количество этнических тагм с собственными архонтами: росов, франков, болгар, печенегов, авасгов, иверов и армян [Розен, 1883, с. 317–318; Михаил Пселл, 2003, с. 27]. Его сопровождала также арабская тагма из 700 воинов под командованием бывшего эмира Алеппо Мансура ибн Лулу, поступившего на византийскую службу еще в 1016 г. [Розен, 1883, с. 54–56; EI III, 1993–2005, p. 130–131; Cheynet, 2003, p. 87] Имперская армия потерпела поражение от арабов в *битве при Азазе (8 августа 1030 г.)* и была вынуждена отступить [John Skylitzes, 2010, p. 359–360; OEMWMT, 2010, p. 102].

Оборона цитадели Эдессы 1031–1032 гг. Стратиг Самосаты [Honigmann, 1935, S. 134–135; Степаненко, 1995, с. 59–60] Георгий Маниак захватил цитадель Эдессы [John Skylitzes, 2010, p. 365; Kaldellis, 2017, p. 162–163] и удерживал ее вместе с отрядом в 400 бойцов. В ходе ведения переговоров один из этих воинов, именем Рузарн [Васильевский, 1908, с. 214] или Узар, посланный Маниаком под видом эмиссара, секирой нанес ранение харранскому эмиру Ибн Шиблю [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 41]. Вооружение и имя этого человека позволяют предположить его принадлежность к варангам, равно как и всего отряда.

Сирийские кампании 1031–1032 гг. и 1033–1034 гг. Ромейские и иностранные отряды под командованием протоспафария и великого этериарха Феоктиста, включая арабские отряды племен Бану Тайи и Бану Кальб во главе с Хасаном ибн аль-Муфарриджем и Рафи ибн Аби'л-Лаилом, захватили ряд крепостей на северо-западе Сирии [John Skylitzes, 2010, p. 361–362, 366; Мохов, 2000, с. 185–186].

Осада крепости Беркри 1033–1034 гг. Патрикий Никита Пигонит, назначенный катепаном Васпуракана, успешно осаждает крепость Беркри, захваченную силами местных эмиров во главе с ее бывшим владельцем, неким Алимом Сарацином. Войско Пигонита усилено контингентом росов [John Skylitzes, 2010, p. 366–367; Honigmann, 1935, S. 172].

Рейды против арабских пиратов в Восточном Средиземноморье 1034–1035 гг. Участие 500 [Кекавмен, 2003, с. 298–299] варангов под предводительством Харальда Сигурдарсона, прибывших в империю летом 1034 г., в кампаниях осени 1034 г. и весны–лета 1035 г., направленных против пиратских групп арабов в Эгейском и Средиземном морях [John Skylitzes, 2010, p. 374–375; Снорри Стурлусон, 1980, с. 403; Shepard, 1973, S. 149–150].

Сирийско-месопотамская кампания 1034–1035/1036 гг. Неудачные действия византийских войск против эмиратов региона привели к осаде арабами цитадели Эдессы [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 43], которая была снята армией под командованием проэдра и катепана Антиохии Константина Пафлагона [John Skylitzes, 2010, p. 377; Honigmann, 1935, S. 136–138]. В его распоряжении находились контингенты арабов-христиан и варангская тагма Харальда [Снорри Стурлусон, 1980, с. 408–409; Мохов, 2013, с. 102–111].

Сицилийская экспедиция 1038–1040 гг. Имперские силы под командованием патрикия и стратига-автократора Георгия Маниака при поддержке византийского флота во главе с патрикием и друнгарием флота Стефаном Калафатом были направлены против Сицилийского эмирата [John Skylitzes, 2010, p. 375–376; Kaldellis, 2017, p. 171–172]. Армию Маниака усилили тагмы варангов, в том числе отряд Харальда [Кекавмен, 2003, с. 298–299; Снорри Стурлусон, 1980, с. 404–408],

а также, по прибытии в Южную Италию, отряд лангобардов [Guillaume de Pouille, 1961, p. 110–111] и кавалерийский контингент норманнов в 300–500 [Ystoire de li Normant par Aimé, 1892, p. 59; Лев Марсиканский, Петр Дьякон, 2015, с. 119; D'Amato, 2005, p. 3; Theotokis, 2012, p. 126–127; John Skylitzes, 2010, p. 400; Geoffrey Malaterra, 2005, p. 57] воинов, полученных от союзного империи правителя Салерно Гвемара. Ими руководили Ардуин Ломбардец и братья де Отвили – Вильгельм Железная Рука, Дрого и Онфруа [Ystoire de li Normant par Aimé, 1892, p. 59; Geoffrey Malaterra, 2005, p. 53; Васильевский, 1908, с. 290; Shepard, 1993, p. 282]. Среди них находились также некоторые будущие предводители норманнских тагм на византийской службе – такие, как, например, Эрве Франгопул [John Skylitzes, 2010, p. 452; Серен, 2001, с. 165]. Арабы были разбиты в *битвах при Рометте (1038 г.)* и *Тройне (1040 г.)*, имперские силы установили контроль над Мессиной и Сиракузами [Ystoire de li Normant par Aimé, 1892, p. 58–60; Geoffrey Malaterra, 2005, p. 55–56; John Skylitzes, 2010, p. 380–382; Мохов, 2005, с. 156; Kaldellis, 2017, p. 172]. Однако из-за конфликта между Маниаком и лидерами норманнов и варангов часть их покинула византийскую армию [Guillaume de Pouille, 1961, p. 110–111; Geoffrey Malaterra, 2005, p. 56–57; Снорри Стурлусон, 1980, с. 403–405].

Мятеж Липарита Орбелиани в Грузии (1039–1042 гг.). В борьбе грузинского царя Баграта IV и эристава Клдекари Липарита IV Византия поддержала последнего, направив ему 3000 варангов вместе с претендентом на грузинский трон царевичем Деметре. Липариту, чье войско было усилено варангским отрядом в 700 воинов, удалось разбить Баграта в *Сасиретской битве (весна 1042 г.)* [Летопись Картли, 2008, с. 156; Васильевский, 1908, с. 313–314; Степаненко, 1975, с. 128; Мохов, 2006, с. 249].

Южноитальянская кампания 1041 г. Ардуин Ломбардец, исполнявший обязанности топотирита (начальника гарнизона) [Науменко, 2023, с. 55] Мельфи, при поддержке норманнов восстал и начал боевые действия против византийцев [Хроники Италии, 2020, с. 578; Ystoire de li Normant par Aimé, 1892, p. 64–69;

Guillaume de Pouille, 1961, p. 110–113; Geoffrey Malaterra, 2005, p. 57]. Войска протоспафария и катепана Италии Михаила Докиана потерпели поражения в *битвах при Оливенто (17 марта 1041 г.)* и *Офанто (4 мая 1041 г.)*. Сменивший его на посту катепана некий «*эксавгуст*» Воиоанн, прибывший с новыми отрядами из Константинополя, также был разбит в *битве при Монтепелозо (3 сентября 1041 г.)* [Ystoire de li Normant par Aimé, 1892, p. 69–79; Guillaume de Pouille, 1961, p. 112–121; Geoffrey Malaterra, 2005, p. 57–59; John Skylitzes, 2010, p. 400–401; Хроники Италии, 2020, с. 554–555, 563, 578; Мохов, 2005, с. 158–159]. Согласно данным южноитальянских хронистов, в трех сражениях участвовали и понесли серьезные потери варанго-росские тагмы [Лев Марсиканский, Петр Дьякон, 2015, с. 119; Хроники Италии, 2020, с. 554–555].

Подавление болгарского восстания Петра Деляна 1040–1041 гг. Наряду с ромейскими войсками и варангской тагмой Харальда [Снорри Стурлусон, 1980, с. 402; Кекавмен, 2003, с. 298–299; Бибииков, 1990, с. 164–165], в подавлении сопротивления [Литаврин, 1960, с. 376–396; Stephenson, 2004, p. 130–135] участвовал значительный контингент армянских наемников [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 51].

Южноитальянская кампания и апостасия Георгия Маниака (1042–1043 гг.). Войска под командованием магистра и катепана Италии Георгия Маниака вытеснили норманнов под предводительством Аргира из Бари в Капуя, Беневенто и Неаполь, усмирив регион [John Skylitzes, 2010, p. 402; Guillaume de Pouille, 1961, p. 122–125]. Провозгласив себя императором, Маниак завербовал в Италии контингент норманнских [Michael Attaleiates, 2012, p. 30–31; Quanrud, 2021, p. 149–165] наемников, с которыми, переправившись через Адриатику, двинулся на Константинополь. В свою очередь император Константин IX перетянул на свою сторону Аргира, также сформировавшего норманнские наемные подразделения под командованием Вильгельма Железной Руки и Радульфа Дринканокта. Вместе с новым катепаном Италии, магистром Василием Феодороканом, они начали боевые действия против узурпатора [Хроники Италии, 2020, с. 555–556, 563, 578;

Guillaume de Pouille, 1961, p. 122–131]. На Балканах мятежная армия столкнулась с имперскими силами под командованием севастофора и стратига-автократора Стефана Пергамина [Каждан, 1973, с. 187]. В последовавшей *битве при Острове (весна 1043 г.)* Маниак погиб [Михаил Пселл, 2003, с. 95–97; John Skylitzes, 2010, p. 402–403; Michael Attaleiates, 2012, p. 32–33]. С обеих сторон в войне участвовали также тагмы варангов [Михаил Пселл, 2003, с. 97–98]. В посвященной императору Константину IX речи, написанной в апреле–мае 1043 г., Михаил Пселл упоминает об участии в апостасии «росской мины» / «τῆς Ῥωσικῆς μοίρας» [Michaelis Pselli orationes panegyricae, 1994, p. 46], что позволяет оценить численность варангского контингента Маниака в 1000–3000 воинов. На стороне императора выступили также армянские тагмы [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 52]. После подавления восстания норманнские наемники Маниака были приняты на службу, где сформировали новое элитное подразделение – тагму маниакатов (τὸ τάγμα τῶν Μανιακάτων) [Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη, 1968, σ. 167; Annae Comnenaе, 2001, p. 227; Nicéphore Bryennio, 1975, p. 268–269; Shepard, 1993, p. 283–284; Серен, 2001, с. 164].

Южноитальянская кампания 1046/1047 г. Катепан Италии Иоанн Рафаил при опоре на варангские тагмы с сентября по декабрь укрепил византийский контроль в Бари, Пенне и Отранто, а также вернул под власть империи апулийские города Стиру, Лечче и крепость у гор Гаргано [Хроники Италии, 2020, с. 564, 579].

Апостасия Льва Торника (1047 г.). Константинополь, осажденный войсками узурпатора в конце сентября 1047 г., обороняют, в числе прочих, арабское подразделение императорской этерии [Michael Attaleiates, 2012, p. 40–43] и норманнские отряды магистра Аргира из Бари, которому удалось осуществить удачное ночное нападение на войска Торника [Хроники Италии, 2020, с. 579].

Печенежские войны 1046–1053 гг. В начале 1040-х гг. в результате внутреннего конфликта, разгоревшегося между печенежскими вождями Тирахом и Кегеном, последний с двадцатью тысячами соплеменников перешел на имперскую службу. Печенеги были крещены [Козлов, 2015] и расселены в катепанате

Паристрион под условие несения обороны дунайской границы [John Skylitzes, 2010, p. 426–428]. Отсюда патрикий/магистр и архонт Пачинакии [Jordanov, 1992, p. 79–82; Seibt, Zarnitz, 1997, S. 131–132] Иоанн Кеген с отрядами в 1000–2000 воинов начал регулярно осуществлять набеги на владения Тираха, чем спровоцировал его вторжение в византийские пределы зимой 1045–1046 гг. [John Skylitzes, 2010, p. 428–429; Spinei, 2009, p. 108–110, 259] Однако силы Тираха были разбиты. Попавшее в плен печенежское войско имперские власти насильно расселили в треугольнике Сердика–Ниш–Евцаполь (катепанат Болгария), предполагая использовать его на востоке против сельджуков [John Skylitzes, 2010, p. 430]. Уже летом 1048 г. Константинополь вооружил 15 000 печенегов во главе с Султуном, Селте, Караманом и Каталимом [Козлов, 2013, с. 115] и под руководством патрикия Константина Адровалана. Когда они переправились через Босфор, близ Даматриса Каталим поднял мятеж – войска вернулись на запад и спровоцировали восстание всех печенегов Болгарии и Паристриона. Позже к ним присоединились другие вожди во главе с Тирахом [John Skylitzes, 2010, p. 430–432, 434–437; Madgearu, 2013, p. 122–127]. Иностранцы наемные контингенты фиксируются в войне, начиная с неудачной для империи *битвы при Диакее (лето 1049 г.)*, где присутствовала тагма маниакатов во главе с «*архонтом соплеменников*» Эрве Франгопулом [John Skylitzes, 2010, p. 436–438; Серен, 2001, с. 164]. Новая армия, собранная против печенегов около 1050 г., включала тагмы варангов, норманнов, арабские контингенты, полученные от мирдасидского эмира Алеппо Му'изз ад-Даулы [Мохов, 2005а, с. 24], 20 000 конных лучников из Телуха, Черной Горы и Каркара. Руководство было поручено патрикию Вриеннию, получившему должность этнарха. Совместно с главнокомандующим византийских войск на данном театре военных действий, патрикием Михаилом Аколужом, в 1051 г. им удалось разбить печенегов под Хариополем [John Skylitzes, 2010, p. 439–441; Васильевский, 1908а, с. 22–24].

Битва при Баберде (1054 г.). Тагмы варангов и франков под руководством патрикия Михаила Аколужа разбили один из сельджукских отрядов войска Тогрул-

бека у крепости Баберд (катепанат Иверия) [Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци, 1968, с. 100; John Skylitzes, 2010, p. 442; Юзбашян, 1959, с. 15–18; 1988, с. 225].

Апостасия Исаака Комнина (1057 г.). Летом 1057 г. магистр Катакалон Кекавмен перетянул на сторону восставших две франкских и одну варангскую тагмы, расквартированные в фемах Халдия и Колоней [John Skylitzes, 2010, p. 456–457; Михаил Пселл, 2003, с. 149]. В *битве при Аиде (20 августа 1057)* на стороне лоялистов также выступили тагмы росов [Михаил Пселл, 2003, с. 145] и тагма маниакатов во главе с патрикием и «*ипостратигом*» Рандульфом Франком [John Skylitzes, 2010, p. 460–461].

Осада Амиды и битва при Феодосиополе (1062 г.). Участие франкских тагм под командованием магистра, веста и стратилата Востока [Schlumberger, 1884, p. 656–660; Серен, 2001, с. 165] Эрве Франгопула в осаде города Амиды, принадлежавшего эмирату Марванидов. Близ Феодосиополя норманнскому контингенту удалось разбить сельджукский отряд под предводительством некоего Юсуфа [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 69–70; Прудников, 2016, с. 133].

Южноитальянская кампания 1065/1066 г. Вестарх и катепан Диррахия Михаил Маврикий нарушил планы норманнского графа Таранто Гоффредо по вторжению в западнобалканские владения империи, прибыв в Бари с флотом и варангскими тагмами [Хроники Италии, 2020, с. 565, 581; Stephenson, 2004, p. 157].

Попытка апостасии Романа Диогена (1067 г.). Стремясь к захвату императорской власти, вестарх и дука Сердики Роман Диоген развернул деятельность по вербовке в свои войска отрядов венгерских наемников [Michael Attaleiates, 2012, p. 176–179; Moravcsik, 1970, p. 64; Madgearu, 2013, p. 66].

Восточные кампании 1068, 1069 и 1071 гг. Иностраный наемный элемент, привлеченный Романом IV для участия в восточных походах, поражает своей этнической пестротой. Императора сопровождали крупные контингенты печенегов и узов [Spinei, 2009, p. 115–119] общим числом около 15 000 воинов, отряды болгар, армян, иверов, авасгов, курдов, хузестанцев [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p.

83], сельджуков под предводительством Хрисосула (Эл-басана) [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 28–29], тагма немцев, тагмы франков под командованием Роберта Криспина и, после мятежа и ссылки того в 1069 г. [Kaldellis, 2017, p. 243], Руссея де Байоля [The Normans in Europe, 2000, p. 264, 267], тагмы росов [Michael Attaleiates, 2012, p. 198–199, 228–233, 266–273, 276–277; The Annals of the Saljuq Turks, 2002, p. 170–171; Cheynet, 2006a, p. 421–425; Watson, 2001, p. 423–438, n. 5]. За несколько дней до *битвы при Манцикерте (26 августа 1071 г.)* один из тюркских отрядов имперской армии, возглавляемый неким Тамином, переметнулся к сельджукам. Опасения перед возможностью измены со стороны печенегов и узов заставили императора повторно требовать от них клятв верности. Михаил Атталиат утверждает, что после этого никто не перешел на сторону неприятеля во время сражения [Michael Attaleiates, 2012, p. 284–289; Васильевский, 1908a, с. 31–32]. Аристокэс Ластивертци и Матфей Эдесский, напротив, сообщают о предательстве части узо-печенежского контингента [Повествование вардапета Аристокэса Ластивертци, 1968, с. 131; Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 85], что в целом укладывается в общую картину, когда в ходе заговора против императора несколько византийских командующих вывели свои войска из боя в критический момент битвы [Мохов, 2003, с. 293; Cheynet, 2006a, p. 426–428; OEMWMT, 2010, p. 568–569].

Гражданская война 1071–1072 гг. Попытка Романа Диогена вернуть императорскую власть была поддержана частью византийских войск под командованием проэдра Феодора Алиата, армянскими отрядами катепана/дуки Антиохии Хачатура, сельджуками [Михаил Пселл, 2003, с. 192; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 49] и частью франкских тагм [Michael Attaleiates, 2012, p. 304–309; Мохов, 2003, с. 294]. На стороне императора Михаила VII Дуки выступила армия под руководством проэдра и стратига-автократора Константина Дуки, усиленная маниакатами и другими тагмами франков под началом возвращенного из ссылки Роберта Криспина, которому удалось перетянуть на свою сторону часть соплеменников. Они разбили войска Алиата в

битве при Докее (осень 1071 г.) [Михаил Пселл, 2003, с. 190; Michael Attaleiates, 2012, р. 310–311; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 42–43]. В следующем году силы протопроэдра и доместика схол Востока Андроника Дуки и Криспина разгромили остатки верных Диогену войск, которыми командовал Хачатур, в *битве при Тарсе (лето 1072 г.)*. Роман, осажденный в крепости Адана, был вынужден сдаться [Михаил Пселл, 2003, с. 190–193; Michael Attaleiates, 2012, р. 310–319; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 47–51].

Подавление болгарского восстания Георгия Войтеха и Константина Бодина 1072 г. Наряду с ромейскими войсками под рукой магистра и дуки всего Запада [Мохов, 2008, с. 175–176] Михаила Саронита находились тагмы немцев и франков. В декабре 1072 г. они разрушили дворцы болгарских царей в Преспе и осквернили церковь Свт. Ахиллия Ларисского [H Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη, 1968, σ. 165–166; Литаврин, 1960, с. 402–409; Ciggaar, 1996, р. 243; Stephenson, 2004, р. 142–143; Луговий, 2010, с. 34–35].

Восточная кампания 1073 г. Войска доместика схол Востока и стратига-автократора Исаака Комнина, направленные против сельджуков, усилены отрядом из 400 франков Руссея де Байоля. Последний поднял восстание и утвердился в регионах Галатии и Ликаонии [Michael Attaleiates, 2012, р. 332–335; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 53–56, 68; Weihammer, 2017, р. 207–209].

Битва при Декте (1073 г.). В столкновении Алексея и Исаака Комнинов с сельджуками близ Никомидии участвуют аланские наемники из их личных этерий. Особо себя проявили аланы Арават и Хаскарис [Nicéphore Bryennio, 1975, р. 156–167; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 61–68].

Восточная кампания 1074 г. Византийская армия под руководством кесаря и стратига-автократора Иоанна Дуки была выдвинута для подавления мятежа Руссея де Байоля. Столкновение состоялось в *битве при Сангарии (март/апрель 1074 г.)*, где на сторону мятежника перешли франкские тагмы под командованием некоего Папаса. В сражении погибло большое число варангов дворцовой стражи, сопровождавших Иоанна [Michael Attaleiates, 2012, р. 334–339; Исторические

записки Никифора Вриенния, 1858, с. 68–72; Veihammer, 2017, р. 209–210]. За счет того, что к Русселю присоединились другие тагмы франков, его силы увеличились до 2700–3000 воинов. Находившийся у него в плену Иоанн Дука был насильно провозглашен императором. Однако Михаилу VII удалось договориться с сельджуками под предводительством Артуха / Тутаха (Абу Саид Тадж ад-Даула Тутуш) [Veihammer, 2017, р. 210], который выступил на стороне Константинополя и разбил войска мятежников в *битве при Трисее (1074 г.)*. Руссель с частью своих франков бежал либо, по другой версии, был выкуплен и утвердился в феме Армениак [Michael Attaleiates, 2012, р. 340–351; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 74–78; Vryonis, 1971, р. 111; The Normans in Europe, 2000, р. 268].

Восточная кампания 1074–1075 гг. Никифор Палеолог с контингентом в 6000 аланских наемников противостоит давлению норманнов Русселя де Байоля в регионе Понта. Большинство алан покинули службу после невыплаты жалования, а оставшиеся были рассеяны неприятелем [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 78].

Восточная кампания 1075 г. Стратопедарху и стратигу-автократору Алексею Комнину, к которому близ Амасии присоединилось 150 аланских наемников, наконец удалось подавить восстание Русселя, пленив последнего при помощи сельджукского эмира Тутуша [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 78–86; Анна Комнина, 2017, с. 6–9; Мустафаев, 2017, с. 50; Veihammer, 2017, р. 212–214].

Апостасии Никифора Вриенния и Никифора Вотаниата (1077–1078 гг.). В конце октября 1077 г. на западе империи началась апостасия проэдра и дуки всего Запада [Мохов, 2008, с. 176–177] Никифора Вриенния Старшего. К восстанию присоединились печенеги [Michael Attaleiates, 2012, р. 476–479; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 108–111; Malamut, 1995, р. 132–133; Spinei, 2009, р. 116], а также западные тагмы варангов и франков [Michael Attaleiates, 2012, р. 442–443]. В ноябре армия мятежников под руководством куропалата и доместика схол Запада (титул и должность были присвоены узурпатором) Иоанна Вриенния

осадила Константинополь, однако, не сумев взять город, отошла к Афиру. Протопрюдр и domestik схол Запада [Мохов, 2008, с. 179–180] Алексей Комнин также опираясь на контингент франков и варанго-росские тагмы, использованные в качестве морского десанта, разгромил Иоанна в *битве при Афире (зима 1077/1078 г.)* [Michael Attaleiates, 2012, p. 458–465]. В то же время на востоке императором был объявлен куропалат и «дука Востока» [Zacos, Veglery, 1972, plate 179, n. 2690 bis a] Никифор Вотаниат. К нему присоединились сельджукские наемные отряды Эл-басана, Сулеймана ибн Куталмыша и Мансура ибн Куталмыша [Michael Attaleiates, 2012, p. 482–487; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 113; Vryonis, 1971, p. 105–106; Weihammer, 2017, p. 216–221]. К узурпатору неудачно пытался бежать и Руссель со своими франками [Michael Attaleiates, 2012, p. 460–461]. В начале апреля 1078 г. Вотаниат занял Константинополь и был провозглашен императором. Для борьбы с продолжавшейся апостасией Вриенния новый император переправил на запад сельджукских наемников – 2000 конных лучников [Гусейн-заде, 2010, с. 177–203; Weihammer, 2017, p. 221] от Сулеймана и Мансура, которые готовили для отправки и дополнительный контингент [Michael Attaleiates, 2012, p. 524–525; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 123, 130, 133]. Они были приданы новелиссиму и доместику схол Запада Алексею Комнину вместе с тагмой франков [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 126–127]. На стороне Никифора сражались контингент печенегов, тагма франков и личная этерия (вероятнее всего, варангская) либо самого узурпатора, либо его брата Иоанна [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 128–129]. В результате *битвы при Калаврии (лето 1078 г.)* мятеж был подавлен [Michael Attaleiates, 2012, p. 524–531; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 130–137; Анна Комнина, 2017, с. 9–17; Birkenmeier, 2002, p. 57–59].

Апостасия Никифора Васибеки (1078 г.). Объявивший себя императором протопрюдр и дука Диррахия Никифор Васибеки опирается на местные иноэтничные отряды болгар и албанцев (арванитов – οἱ Ἀρβανῖτοι) [Michael Attaleiates, 2012, p. 542–543, 609; Cheynet, 1996, p. 86; Madgearu, 2013, p. 144; Plasari,

2020, p. 7–52], печенегов [Michael Attaleiates, 2012, p. 548–549; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 149; Malamut, 1995, p. 133–134; Madgearu, 2013, p. 83, 137], новый контингент франков, прибывших из Италии [Michael Attaleiates, 2012, p. 542–543, 546–547], и тагму варангов [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 139]. Войска Алексея Комнина, усиленные тагмой франков [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 145; Анна Комнина, 2017, с. 21], разгромили их в *битве при Вардаре (лето 1078 г.)* [Michael Attaleiates, 2012, p. 544–549; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 141–146; Анна Комнина, 2017, с. 17–21; Ioannis Zonarae, 1897, p. 723–724; Guillaume de Pouille, 1961, p. 208–211].

Апостасия Никифора Мелиссина (1080–1081 гг.). Узурпатор привлек на свою сторону сельджукские войска и их предводителей. Размещая турецких наемников в занимаемых им малоазийских городах, Мелиссин фактически передавал их в руки сельджукского лидера Сулеймана ибн Куталмышы [Анна Комнина, 2017, с. 86; Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 92; Vryonis, 1971, p. 106, 113; Степаненко, 1988, с. 30–31; Мустафаев, 2017, с. 50–51; Weihammer, 2017, p. 221–224]. Силы лоялистов во главе с протовестиарием евнухом Иоанном и севастом Георгием Палеологом осадили мятежников в Никее, но вынуждены были отступить под натиском турок [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 149–156].

Апостасия Алексея Комнина (1081 г.). Войска Алексея Комнина, в феврале 1081 г. провозглашенного императором, состоят из «различных чужеземных отрядов» [Анна Комнина, 2017, с. 57], в частности, контингента сельджукских наемников, приведенного кесарем Иоанном Дукой [Анна Комнина, 2017, с. 53]. Узурпация была поддержана также франками во главе с Константином Умбертопулом [Анна Комнина, 2017, с. 46–47]. Оборона столицы в марте–апреле 1081 г. осуществлялась тагмами варангов и немцев. Последние перешли на сторону Комнинов и впустили мятежников в город [Анна Комнина, 2017, с. 58–60]. Проэдр и великий примикирий этников Борил выдвинул против них варангов, но к тому

времени император Никифор III отрекся от престола [Анна Комнина, 2017, с. 64–65].

Норманнские войны 1081–1085 гг. Напряженная борьба Византии против норманнского герцога Роберта Гвискара сопровождается столкновениями последнего с союзными империи венецианцами [Анна Комнина, 2017, с. 92–94, 100, 105; Хроники Италии, 2020, с. 567–569, 582–583; Geoffrey Malaterra, 2005, p. 155–159; Guillaume de Pouille, 1961, p. 218–221, 228–231, 240–241; Nicol, 1992, p. 56–64; Stephenson, 2004, p. 168–173]. В неудачной для византийцев *битве при Диррахии (18 октября 1081 г.)* на стороне императора Алексея I выступает «огромная масса варваров»: 2000 сельджукских наемников [Guillaume de Pouille, 1961, p. 222–223, 226–227], контингент тюрок-вардариотов [Moravcsik I, 1983, S. 87, 322; Guiland I, 1967, p. 304; Шукуров, 2017а, с. 240] под командованием великого примикирия Татикия, тагмы англо-скандинавских варангов [Geoffrey Malaterra, 2005, p. 157–158], возглавляемые Намбитом, и франков под руководством протокуропалата [Серен, 2001, с. 167–168] Константина Умбертопула [Серен, 1999, с. 170], а также сербские войска правителя Дукли Константина Бодина, который, впрочем, так и не вступил в сражение [Анна Комнина, 2017, с. 95, 99–102]. В 1083 г. Алексей получил от Сулеймана ибн Куталмышы значительный сельджукский контингент в 7000 воинов во главе с Камиром [Анна Комнина, 2017, с. 115–116]. Совместно с ромейскими силами они разбили Боэмунда де Отвиля в *битве при Ларисе (июль 1083 г.)*. Судя по всему, в сражении участвовали также узо-печенежские отряды под началом Узы [Анна Комнина, 2017, с. 120; Spinei, 2009, p. 338–339]. Осенью 1083 г. на византийскую службу вступили норманны, составлявшие гарнизон взятой императором крепости Кастория [Анна Комнина, 2017, с. 127].

Печенежские войны 1086–1091 гг. Противостояние с печенегами, регулярно предпринимавшими набеги и вторжения в византийские владения во Фракии и Македонии, шло с переменным успехом. В 1086 г. Татикию совместно с отрядом в 200 франков новелиссима Умбертопула удалось разбить печенегов в *битве при*

Эвросе (осень 1086 г.) [Анна Комнина, 2017, с. 152–154; Birkenmeier, 2002, p. 71; Stephenson, 2004, p. 101–102]. В следующем году печенеги разгромили имперские силы в *битве при Дристре (август 1087 г.)*. В сражении участвовали тагмы франков под руководством протосеваста и великого доместика Запада [Мохов, 2008, с. 181–182] Адриана Комнина, варангов, предводительствуемых Намбитом, узо-печенежские отряды под командованием Узы и куропалата [PBW, Argvgos 20101] и великого этериарха Аргира Карацы, печенега по происхождению [Анна Комнина, 2017, с. 160; Malamut, 1995, p. 146–147]. В 1090 г. Татикий с франками совершили удачное нападение на один из печенежских отрядов в *битве при Апросе (весна 1090 г.)* [Анна Комнина, 2017, с. 167–168]. В дальнейших столкновениях 1090 – начала 1091 гг. участвуют тагма маниакатов [Анна Комнина, 2017, с. 172], узо-печенежские контингенты Узы и «*полуварвара*» (ὁ μιζοβάρβαρος) Монастры [Анна Комнина, 2017, с. 174–175, 187]. Кроме того, зимой 1091 г. к императору присоединился также отряд сельджукских наемников [Анна Комнина, 2017, с. 182]. Окончательно печенежская угроза была ликвидирована [Spinei, 2009, p. 119–121] в результате *битвы при Левунионе (29 апреля 1091 г.)*. Помимо уже упомянутых сил, на стороне византийцев выступили около 40 000 кыпчаков под предводительством Тогортака (Тугоркана) и Маниака (Боняка) [Анна Комнина, 2017, с. 183–184; Васильевский, 1908а, с. 98–99; Moravcsik II, 1983а, S. 181, 316], болгарские и армянские отряды [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 97] и 500 фламандских рыцарей-наемников [Анна Комнина, 2017, с. 183]. Накануне сражения на византийскую службу перешел сложно идентифицируемый контингент в 5000 воинов: «*перебежчики [οἱ αὐτόμολοι] ... храбрые и воинственные жители горных областей*» [Annae Comnenae, 2001, p. 246; Анна Комнина, 2017, с. 186, 503]. В. Г. Васильевский предположил, что это были выходцы из Карпатской Руси, возглавляемые князем Васильком Ростиславичем [Васильевский, 1908а, с. 101–102], однако мы склонны видеть в них венгров. Побежденные печенеги были расселены в области Моглена, сформировав новое подразделение – тагму

могленских печенегов (τὸ τάγμα τῶν Πατζινάκων Μογλενιτῶν) [Ioannis Zonarae, 1897, p. 740–741; Kühn, 1991, S. 251].

Сельджукские войны 1086–1092 гг. На западе Малой Азии империя вела борьбу с эмирами Никеи и Смирны, Абуль-Касимом и Чакан-беем [Шаландон, 2017, с. 86–87, 105–107, 111, 120; Vryonis, 1971, p. 115, 481; Степаненко, 1988, с. 36–37, 53]. В ряде столкновений участвовали франкские, фламандские и английские отряды. В 1086 г. Татикий, опираясь на ударную мощь тяжелой кавалерии тагмы франков, разбил войска Абуль-Касима в *битве при Пренете (конец лета/начало осени 1086 г.)* [Анна Комнина, 2017, с. 143; Veihammer, 2017, p. 266]. Летом–осенью 1090 г. в Никомидию для защиты от посягательств турок было направлено 500 фламандских рыцарей, полученных от графа Роберта I [Анна Комнина, 2017, с. 165, 168; Ciggaar, 1981, p. 44–45]. Очевидно, они же сражались против войск Чакан-бея в составе сил куропалата и дуки флота Константина Далассина в *битве при Хиосе (осень/зима 1090 г.)* [Анна Комнина, 2017, с. 170]. Присутствием английского контингента эрла Сиварда отмечена победоносная морская кампания весны 1092 г. в Эгейском море севаста и великого дуки флота Иоанна Дуки и талассократора Константина Далассина [Анна Комнина, 2017, с. 196–199; Ciggaar, 1974, p. 322; Saga Játvarðar, 1852, p. 38–41; Shepard, 1974, p. 19].

Апостасия Лже-Диогена (1095 г.). Мятежник, выдававший себя за Константина Диогена, сына императора Романа IV, привлек на свою сторону кыпчаков Тогортака, с которыми вторгся в Паристрион [Ioannis Zonarae, 1897, p. 513; Spinei, 2009, p. 121–123; Madgearu, 2013, p. 142–143]. В армии императора Алексея I фиксируются тагмы франков севаста Умбертопула, контингент сельджукских конных лучников во главе со Скалиарием и Илханом [Vryonis, 1971, p. 115, 179, 441] и узо-печенежские отряды Монастры, Узы и Аргира Карацы. Они разбили неприятеля в *битвах при Анхиале и Аврилево* [Анна Комнина, 2017, с. 217–219, 223–225, 516].

Таким образом, иностранные наемные контингенты в составе византийских полевых войск могли быть представлены как отрядами в несколько десятков

(условные кентархии) и сотен (банды и тагмы) человек, так и крупными корпусами в несколько тысяч (миры и меры) и десятков тысяч воинов, которые порой отыгрывали решающую роль в сражении или целой кампании, а также участвовали во внутриимперских конфликтах.

С конца IX в. силы этников стали регулярно привлекаться для участия в имперских кампаниях на всех театрах военных действий: Западном (Балканы и Италия), Южном (острова Восточного Средиземноморья), Восточном (Сирия, Месопотамия и Закавказье) и Северном (Крымский и Таманский полуострова). Для периода второй половины IX – первой половины X вв. иностранные наемные контингенты могут быть охарактеризованы как вспомогательные воинские подразделения. В середине X – первой половине XI вв. роль и численность этников значительно возросли. Отряды наемников стали неотъемлемым элементом византийских полевых армий, составляя их ударные и специальные (специализированные) части. С середины XI в., когда Византия была вынуждена перейти к оборонительной стратегии, на этнические подразделения была возложена существенная доля обязанностей по защите приграничных территорий как на западе, так и на востоке. Одновременно с этим продолжался процесс их количественного роста.

Во время военно-политического кризиса 1070-х гг. наемники остаются одним из наиболее боеспособных элементов византийских вооруженных сил. В отдельных случаях из них составляются также личные этерии военачальников. В последней трети XI в. ситуация, когда и императоры, и претенденты на верховную власть стремились заручиться поддержкой контингентов варангов, франков, узов, печенегов, кыпчаков, сельджуков и пр., проявилась особенно остро. В правление Алексея I ни одна кампания не обходилась без привлечения подобных сил. Этот период может быть охарактеризован в качестве пика использования империей иностранных наемников в рассматриваемых нами хронологических рамках.

3.5. Гарнизонная служба

Под гарнизонной службой в широком смысле понимается как выполнение подразделением функций обороны отдельной крепости, города или территории в целом, так и расквартирование воинского формирования в той или иной области для постоянного проживания, зимовки или решения каких-либо оперативных задач.

Этники могли размещаться в столице, ближайших к ней регионах, пограничных фемах, а также на вновь завоеванных землях, что было особенно актуально в период второй половины X – первой трети XI вв., когда агрессивное расширение византийских границ требовало наличия там регулярных воинских контингентов [Oikonomidès, 1996, p. 264–265; Haldon, 1999, p. 92–93, 117–118]. В середине – второй половине XI в. этот процесс приобрел обратный характер: имперское правительство помещало значительные наемные контингенты в приграничных областях уже для обеспечения обороны от иностранных вторжений. На местах несли службу отряды, формировавшиеся из иноэтничного населения самой империи [Литаврин, 1960, с. 254–255; 1977, с. 254–255; Γρηγορίου-Ιωαννίδου, 1985, σ. 124; Haldon, 1999, p. 267].

Военные трактаты последней трети X в. упоминают о пограничной службе армян в качестве стратиотов [McGeer, 1995, p. 12–13; Никифор II Фока, 2019, с. 5, 40–41], составлявших, помимо прочего, отряды тасинариев или трапезитов – небольшие, числом около десятка человек, разведывательно-диверсионные группы [Three Byzantine Military Treatises, 1985, p. 152–153; Два византийских военных трактата, 2002, с. 124–126]. В 960-е гг. армянские наемники являлись частью гарнизона Константинополя [Лев Диакон, 1988, с. 37, 184; John Skylitzes, 2010, p. 264–265]. Имперское правительство активно переселяло армян в области Сирии, Месопотамии, Фракии и Македонии, где из них комплектовались местные войска [Charanis, 1963, p. 48–54; Каждан, 1975, с. 156–162; Бартикян, 2002, с. 251–270; Takirtakoglou, 2021, p. 199–200, 204]. Так, около 979–986 гг. Василий II осуществил переселение армян в Македонию, чтобы противопоставить их болгарам [Всеобщая

история Степаноса Таронского, 1864, с. 142], а в 995 г., восстановив сирийскую крепость Антартус, «*наполнил [ее] воинами из армян*» [Розен, 1883, с. 32–33].

В свою очередь, на восток отправлялись болгары, как это случилось с моголенским войском, около 1015–1021 гг. расквартированном в Васпуракане для защиты региона от тюркских набегов [John Skylitzes, 2010, р. 334; Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци, 1968, с. 57; Бартикян, 2002а, с. 191–198; Агаджанов, Юзбашян, 1965, с. 144–159; Степаненко, 1977, с. 72–79; Арутюнова-Фиданян, 1994, с. 119, 121].

В 975 г. византийский гарнизон Дамаска был составлен из кавалерийской тагмы в 500 крещенных арабов либо тюрок во главе с Турком из Багдада [Кучук-Иоаннесов, 1903, с. 96–97; Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, р. 27–28]. В 1016 г. Мансур ибн Лулу со своей арабской тагмой в 700 соплеменников получил укрепленное имение Шейх-Лейлун (Лулон), располагавшееся между Антиохией и Алеппо [Розен, 1883, с. 54–56; EI III, 1993–2005, р. 130; Cheynet, 2003, р. 81].

Этническое разнообразие наемных контингентов, размещаемых на востоке, было отмечено уже в середине X в. арабским историком аль-Масуди, писавшим: «они [византийцы] *поместили их* [ар-Рус (росов), ал-Арман (армян), ал-Бургар (болгар) и ал-Баджанак (печенегов)] *гарнизонами во многих из своих крепостей, примыкающих к границе аш-Шамийа* [сирийской]» [Бейлис, 1961, с. 23].

Следует отметить, что гарнизонная служба, очевидно, была наименее престижной и далеко не такой выгодной, как нахождение в составе гвардейских корпусов с их близостью к императору и его щедротам и полевых войск с возможностью получать плату за боевые действия и участвовать в разделе трофеев. Так, в конце 970-х гг. в восточные гарнизоны был направлен прибывший из Киева буйный варяжский отряд [Лаврентьевская летопись, 1926, с. 78–79; Blöndal, 2007, р. 42; Роменский, 2020, с. 93], впоследствии проявлявший недовольство полученным в империи положением [Оболенский, 1998, с. 249–250]. В 1078/1079 г. часть дворцовых варангов, учинивших бунт против императора Никифора III,

была наказана понижением в статусе – бунтовщики отправились служить в отдаленные гарнизоны [Michael Attaleiates, 2012, p. 540–541].

Варанго-росские тагмы фиксируются в Трапезунде в 1025–1028 гг. [The Hagiographie Dossier of St Eugenios, 1996, p. 182–185, 376; Филипчук, 2010, с. 7] и феме Фракисий в 1034 г. [John Skylitzes, 2010, p. 372], совместно с франками в фемах Халдия и Иверия в 1054 г. [Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци, 1968, с. 100; John Skylitzes, 2010, p. 442; Юзбашян, 1959, с. 15–18; 1988, с. 225] и Халдия и Колонья в 1057 г. [John Skylitzes, 2010, p. 456–457] Ярким материальным свидетельством пребывания солдат-варангов в гарнизонах крепостей на юге Малой Азии в конце X – XI вв. служит находка скандинавского меча, обнаруженного при раскопках телля Юмуктепе (Мерсин, Турция) на территории Киликии (бывший дукат Антиохия) [Androschuk, Köroglu, 2016, p. 215–240].

Франки составляли гарнизон Манцикерта во время сельджукской осады 1054 г. Михаил Атталиат и Матфей Эдесский рассказывают о франкском наемнике-диверсанте, которому удалось уничтожить турецкую катапульту, терроризировавшую крепость, с помощью бутылок, наполненных горючей смесью [Michael Attaleiates, 2012, p. 82–83; Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 60–62]. В 1065 г. 200 франкских кавалеристов в качестве гарнизона находились в крепости Сиверек (катепанат Эдесса), где в столкновениях с сельджуками было убито 15 из них. Отряды франков располагались также в ряде других крепостей региона и в самой Эдессе [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 73–74; Прудников, 2016, с. 132–133; Veihammer, 2017, p. 115–116]. В 1068–1069 гг. на востоке, в «армянских» фемах, зимовала тагма франков Роберта Криспина. В числе прочего они составляли гарнизон крепости Маврокастро [Michael Attaleiates, 2012, p. 224–225, 228–229].

На западе, главным образом в Южной Италии, с середины XI в. основу имперских полевых войск и гарнизонов составляют варангские тагмы [Мохов, 2006, с. 249]. Кекавмен, например, сообщает, что в 1064 г. силы гарнизона Отранто, которым руководил топотирит Малапетци, состояли из *«росов и варангов,*

контаратов и моряков» [Жекавмен, 2003, с. 192–193, 425–428]. На Балканах тагма из 300 варангов фиксируется весной 1082 г. в качестве гарнизона крепости Кастория [Geoffrey Malaterra, 2005, p. 159–160].

Тагмы франков по понятным причинам редко использовались в качестве гарнизонных частей на западном направлении. Пребывание Ардуина Ломбардца на посту топотирита Мельфи в 1041 г. обернулось его восстанием [Хроники Италии, 2020, с. 578; Geoffrey Malaterra, 2005, p. 57]. Оставление же в Кастории воинов норманнского гарнизона, вступивших на византийскую службу осенью 1083 г. [Анна Комнина, 2017, с. 127], представляется нам маловероятным, учитывая продолжавшую существовать угрозу со стороны Роберта Гвискара. Известно, что в 1051–1052 гг. некий «латинянин» был назначен командиром крепостей, призванных отражать печенежские набеги на Македонию [Michael Attaleiates, 2012, p. 60–63; Мохов, 2005а, с. 24], однако его идентификация на данный момент не представляется возможной. В 1086 г. франки Умбертопула, составлявшие гарнизон Кизика, были переброшены на запад и оставлены гарнизоном в Адрианополе [Анна Комнина, 2017, с. 152–154].

Для обеспечения власти империи на побережье Никомидийского залива около 1085 г. в выстроенной по приказу императора крепости [Анна Комнина, 2017, с. 144–145] Кивот был размещен английский контингент, вскоре, впрочем, отозванный в столицу [Orderic Vitalis, 1854, p. 10; Vasiliev, 1937, p. 57–58]. В 1090 г. 500 фламандских всадников были отправлены защищать уже саму Никомидию [Анна Комнина, 2017, с. 168].

Исходя из данных императорских хрисовулов второй половины XI в., этнические подразделения могли располагаться на постой в отдельных районах и поселениях на западе Малой Азии, Эгейских островах, во Фракии и Македонии. В их числе указываются тагмы росов, варангов, кулпингов², франков, немцев, инглинов, болгар, арабов, алан, авасгов и др. [Acta et diplomata, 1887, p. 135–145;

² В империи эта группа наемников известна лишь по указанным документам. Византийский термин «кулпинги» (οἱ Κουλίγγοι) традиционно отождествляется с древнерусским «колбяги» и древнескандинавским «кюльвинги» (Kylfingar). Существует несколько версий их этнической идентификации: финно-скандинавская, печенежская и балто-славянская. Из них наиболее обоснованной представляется первая [Луговий, 2014, с. 55–69].

1890, p. 1–4, 44–49; Actes de Lavra, 1970, p. 195–199, 215–219, 241–244, 255–259; Actes de Vatopédi I, 2001, p. 109–118; Бибииков, 2018, с. 38–42, 45–47, 153–160, 167; Oikonomidès, 1976, p. 144; 1996, p. 264–272]

В кризисный период середины – второй половины XI в. размещение в регионах наемных сил, особенно крупных этнических контингентов, порождало проблему их участия в дезинтеграционных процессах [Литаврин, 1977, с. 254–255], что выражалось в поддержке ими местных властей или прямом сепаратизме, вплоть до создания собственных политий, которые либо подчинялись Константинополю лишь номинально, либо были полностью от него независимы. Так, успешное восстание печенегов 1048–1053 гг. фактически сделало их вождей независимыми владельцами территорий Паристриона. Будучи не в силах подчинить печенегов военным путем, византийское правительство было вынуждено пойти на соглашение, согласно которому те, формально в качестве подданных империи, сохраняли за собой завоеванные области, а также получали регулярные денежные выплаты и высокие титулы [John Skylitzes, 2010, p. 443; Michael Attaleiates, 2012, p. 74–77; Васильевский, 1908а, с. 24; Malamut, 1995, p. 127–128; Stephenson, 2004, p. 93; Мохов, 2005а, с. 18–19, 23–25; Spinei, 2009, p. 111–112; Madgearu, 2013, p. 125–126].

В течении 1050-х – 1070-х гг. на востоке империи, в феме Армениак, произошло три восстания норманнских лидеров, опиравшихся на расквартированные там тагмы своих соплеменников. Около 1056/1057 г. Эрве Франгопул, возмущенный оскорбительным отказом императора даровать ему высокий титул магистра, удалился в свое имение Дагарави, где при поддержке 300 франков и сельджукских союзников поднял мятеж [John Skylitzes, 2010, p. 452–453; Shepard, 1993, p. 296–297; Прудников, 2016, с. 113–115]. В 1068–1069 гг. мятеж учинил Роберт Криспин, недовольный обретенным в империи положением и невыплатой жалования. Франки Криспина грабили византийских сборщиков податей в регионе, но при этом *«не убили ни одного ромея»* [Michael Attaleiates, 2012, p. 224–229; Shepard, 1993, p. 297–298; Theotokis, 2012, p. 147–148; Прудников,

2016, с. 115; Kaldellis, 2017, р. 243]. Наконец, мятеж Русселя де Байоля 1073–1075 гг. фактически сопровождался созданием собственного владения на контролируемых им территориях Армениака с центрами в Амасии и Неокесарии. Норманнский лидер заручился поддержкой населения и местных элит, организовал сбор налогов и обеспечил эффективную защиту от сельджукских вторжений [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 78–86; Анна Комнина, 2017, с. 5–9; The Normans in Europe, 2000, р. 268; Shepard, 1993, р. 299–302; Theotokis, 2012, р. 149–150; Beihammer, 2017, р. 211; Kaldellis, 2017, р. 256–261]. В 1071–1073 гг. основу вооруженных сил армянского военачальника Филарета Врахамия, который, отделившись от империи, стал правителем независимого, а позже автономного государства на территориях Киликии, Северной Сирии и Северной Месопотамии [Степаненко, 1975а, с. 86–103; 1988, с. 29, 31–33], составил франкский контингент в 800 воинов под командованием Рембо [Armenia and the Crusades, 1993, р. 138; Серен, 2001, с. 172; Прудников, 2016, с. 133–134].

В период 1077–1081 гг. как император Михаил VII, так и узурпаторы Никифор Вотаниат и Никифор Мелиссин активно прибегали к военным услугам сельджуков, руководимых Сулейманом ибн Куталмышем, для ведения боевых действий на северо-западе Малой Азии, размещая турков в городах и крепостях Западной Вифинии. Вотаниат ввел сельджукские гарнизоны в Пилы, Пренет, Никомидию, Руфинианы, Кизик, Никею, Халкидон и Хрисополь. То же самое позже предпринял и Мелиссин: *«привлекши на свою сторону турецкие войска и турецких военачальников, обходил с ними азиатские города в красных туфлях, и горожане передавали ему, как императору, и себя, и свои города. Через это он невольно отдавал их туркам, отчего и произошло, что турки в краткий срок сделались обладателями всех городов Азии, Фригии и Галатии»* [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 149]. На территориях, оказавшихся в руках турок, формально являвшихся наемниками византийцев, был образован Никейский султанат во главе с Сулейманом ибн Куталмышем [Michael Attaleiates, 2012, р. 482–491; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 111–113, 123, 149–150;

Анна Комнина, 2017, с. 86; Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 92; Vryonis, 1971, p. 112–113; Степаненко, 1988, с. 30–31; Мустафаев, 2017, с. 50–51; Beihammer, 2017, p. 215–224]. Отметим, что в первой половине 1080-х гг. он продолжал поставлять империи наемные контингенты для ведения западных войн.

Детального рассмотрения требует проблема существования т. н. «Новой Англии», колонии, которая, согласно данным Ланского Анонима и «Саги о Ятварде», якобы была основана английскими эмигрантами на территории Византийской империи. Согласно текстам источников [Saga Játvarðar, 1852, p. 40–43; Ciggaar, 1974, p. 322–323], многие англичане, не пожелавшие остаться на службе в Константинополе, во главе со своим лидером, эрлом Сивардом, просили у императора Алексея I земельных пожалований для себя и своих наследников. Император указал им на территорию «Домании» (Domaria), лежавшую за морем, в 6 днях плавания на север или восток и северо-восток от Константинополя, «в начале Скифских пределов». Когда-то, «35 лет назад», эта земля принадлежала империи, но была отторгнута от нее неким языческим народом. Византийский правитель даровал ее англичанам с освобождением от уплаты налогов в том случае, если те сумеют ее отвоевать. Экспедиция завершилась успехом, англичане поселились в Домании, переименовав ее в «Новую Англию» (Nova Anglia), и дали тамошним поселениям имена крупных английских городов, таких как Лондон и Йорк. Не желая следовать восточной литургии, они пригласили к себе епископов и священников из Венгрии / отправили своих священников в Венгрию для рукоположения. Когда император направил к ним сборщика податей Никифора, тот был убит «восточными англами» (Anglos orientales). Обеспокоенный император попытался перебить всех английских наемников, находившихся у него на службе, но многие бежали в Новую Англию и занялись пиратством. Раскаявшись, византийский правитель через своих посланников пригласил их обратно.

В этой истории можно выделить несколько ключевых моментов, которые позволяют сопоставить ее с другими случаями мятежей иностранных наемников второй половины XI в.: 1) размещение крупного иноэтничного контингента на

территориях, которые формально принадлежат империи, но не контролируются ею в полной мере; 2) создание этнического квазигосударственного образования; 3) конфликт с налоговым чиновником; 4) набеги мятежников на византийские владения.

Учитывая принятую нами дату прибытия английских эмигрантов эрла Сиварда в Византию и их участия в боевых действиях в бассейне Эгейского моря, события могут быть датированы серединой 1090-х – началом 1100-х гг. Что касается локализации «Домании» / «Новой Англии», то под описание источников подходят две области: 1) северо-восток Паристриона, территория Добруджи; 2) Северо-Восточное Причерноморье, территории Крыма и Юго-Восточного Приазовья / Северо-Западного Предкавказья.

К добруджской версии склоняется, в частности, К. Сиггаар, которая связывает упоминания о языческом завоевании с вторжениями печенегов в 1046–1053 гг. и узов в 1064–1065 гг. [Ciggaar, 1974, p. 334–337] Последнее хорошо согласуется с указанием Ланского Анонима на то, что страна была захвачена язычниками за 35 лет до прихода туда англичан, который, таким образом, произошел около 1100 г. Однако А. Маджару, автор крупнейшего современного исследования по истории византийской военной организации на Дунае в X–XII вв., категорически отвергает эту версию, справедливо отмечая, что, судя по данным источников, до Домании можно было добраться лишь морским путем. Он считает, что топоним «Домания» можно произвести от названия реки Дон, а областью, которую заселили англичане, была Зихия. Связи с Венгрией, с его точки зрения, не являются свидетельством в пользу дунайской локализации, так как та в принципе являлась ближайшей католической страной [Madgearu, 2013, p. 140–141].

Крымско-азовская версия была детально разработана Дж. Шепардом и основывается на трех основных аргументах:

1) Данные о восстановлении византийской власти на Таманском полуострове в период 1094–1105 гг. [Науменко, 2016, с. 72], содержащиеся в энкомии Мануила Страворомана в честь Алексея I, где тот восхваляет императора за

территориальные приобретения на Боспоре Киммерийском [Gautier, 1965, p. 190], и письме болгарского архиепископа Феофилакта Охридского (1103 г.), сообщающем о «греческих городах между Танаисом [Доном] и Меотидой [Азовским морем]» [Shepard, 1974, p. 20–26; Науменко, 2016, с. 72; Чхаидзе, 2018, с. 723–724];

2) Присутствие «варангских» и «английских» топонимов на итальянских и каталонских портоланах XIV–XVI вв. в Крыму и Северо-Западном Предкавказье. В их числе: *Varangolimen*, *Vagropoli*, *Varangido agaria*, *Londina*, *Susaco*. Впрочем, варанго-английская этимология этих названий далеко неочевидна и крайне предположительна, что признает и сам Дж. Шепард [Shepard, 1974, p. 26–32];

3) Отчеты францисканских монахов, участников папского посольства 1245–1247 гг. к монгольскому хану Бату, содержащие упоминания о «саксах» [Shepard, 1974, p. 32–39]. Бенедикт Поляк сообщает, что, следуя через «Команию» (Дешт-и-Кыпчак), братья «имели по правую руку земли саксов», расположенные вблизи алан и хазар, однако тут же добавляет: «которых мы считает готами, и они христиане» [Книга странствий, 2006, с. 74–75]. Ц. де Бридиа повествует об успешной обороне от татар города «в земле древних саксонцев» [Материалы францисканской миссии 1245 года, 2002, с. 124–125], а Иоанн де Плано Карпини, также включая рассказ об этой осаде, в числе непокорившихся монголам народов между аланами и китаями помещает «саксов» [Путешествия в восточные страны, 1957, с. 57–58]. Если в первом случае речь идет о крымских готах, то во втором братья-францисканцы говорят о саксинцах, жителях города и области Саксин в устье Волги [Материалы францисканской миссии 1245 года, 2002, с. 283, 331].

Сомнительность второго и несостоятельность третьего аргументов Дж. Шепарда оставляют лишь первый, к которому мы, в свою очередь, добавим еще один. В 2011 г. был обнаружен моливдовул Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии, который его издатели, Н. А. Алексеенко и Ю. А. Цепков, датировали периодом 1060-х – 1090-х гг. Исследователи отмечают, что, судя по всему, в какой-то момент своей карьеры катепану Никифору удалось присоединить

к Херсону лежащие на востоке от него области Хазарии [Алексеевко, Цепков, 2012, с. 8–9]. Однако более обоснованной представляется точка зрения В. П. Степаненко и В. Е. Науменко, предложивших датировать данный моливдовул временем после 1094 г., когда из Тмутаракани удалился союзный империи князь Олег-Михаил [Степаненко, 2014, с. 375] и Таманский полуостров был включен в состав византийского катепаната [Науменко, 2016, с. 72].

Позволим себе обратить внимание на тождественность имен вестарха и катепана Херсона и Хазарии Никифора Алана и имперского чиновника, «*протосимвола*» (*prothosimbolus*; протоновелиссим?) Никифора, убитого англами. К сожалению, у нас нет никаких доказательств того, что эти персоны являлись одним человеком, но само по себе совпадение имен, времени, территории и обстоятельств их службы выглядит не случайным и позволяет представить следующую реконструкцию событий. Около 1094 г. из Константинополя в византийские владения в Таврике было направлено несколько тагм английских наемников, призванных укрепить военные силы местного катепана и установить прочный контроль над нефтяными месторождениями на Азиатском Боспоре [Алексеевко, Цепков, 2012, с. 13; Науменко, 2019, с. 81–89]. Вполне вероятно, что вожди английских этников действительно получили здесь имения, подобно тому как норманнам жаловались поместья на востоке Малой Азии. В период середины 1090-х – начала 1100-х гг. имел место конфликт между англичанами и византийскими властями, приведший к убийству либо самого катепана Никифора Алана, либо другого имперского чиновника с таким же именем. О причинах этого конфликта мы можем только предполагать, но, вероятнее всего, он был связан с проблемами оплаты услуг наемников. На протяжении некоторого времени мятежники занимались грабежом, но в итоге разногласия были урегулированы посредством императорских эмиссаров. Позже рассказ об этих событиях попал на Запад, где прошел основательную литературную обработку.

Таким образом, этнические части размещались по всей территории империи и особенно в приграничных провинциях с целью усиления византийского военного присутствия и контроля над регионом, противостояния вражеским вторжениям.

Во второй половине X – первой трети XI вв. агрессивная внешняя политика византийского государства породила необходимость постоянной концентрации наемных сил в пограничье для его укрепления, поддержания порядка и ведения дальнейших наступательных действий. Иногда в роли таких сил выступали отряды во главе с бывшими правителями соседних политий, использовавшиеся для политико-дипломатического и военного давления на них.

Изменение внешнеполитической стратегии в середине – второй половине XI вв. сопровождалось ростом присутствия иностранных наемников в провинции, где они становились основой имперской обороны. Кроме того, в ходе апостасий конца 1070-х – начала 1080-х гг. наблюдается введение значительных контингентов этников в византийские крепости и города с дальнейшим установлением в них власти последних. Бунты и восстания наемников в отдельных случаях также вели к созданию ими собственных государственных образований.

Также важно подчеркнуть, что гарнизонная служба и служба в провинции очевидно являлась наименее престижной и выгодной. Перемещение на нее подразделения могло использоваться в качестве дисциплинарного наказания, свидетельствующего о снижении его статуса в общей иерархии воинских частей византийской армии.

ГЛАВА 4. КОМАНДНЫЙ СОСТАВ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВЕДОМСТВА

4.1. Этериархи и архонты этерии

Командующие императорскими этериями носили должность этериарха (ὁ ἑταιρειάρχης), которая относилась к разряду стратархов (οἱ στρατάρχες) [Oikonomidès, 1972, p. 106–107; Constantine Porphyrogennetos, 2012, p. 715], т. е. военачальников. Полный список этериархов в иерархическом порядке известен по «Эскуриальскому тактикону», в котором значатся: великий этериарх (ὁ μέγας ἑταιρειάρχης), этериарх Средней (ὁ ἑταιρειάρχης τῆς μέσης), этериарх Третьей (ὁ ἑταιρειάρχης τῆς τρίτης), этериарх пехотинцев (ὁ ἑταιρειάρχης τῶν πεζῶν) [Oikonomidès, 1972, p. 268–271].

Должность этериарха имела чрезвычайно высокое значение: он обеспечивал защиту императора от заговоров [Bury, 1911, p. 106–107], вместе со своими архонтами и солдатами-этериотами участвовал в дворцовых и церковных церемониях, сопровождал императора в путешествиях и военных кампаниях, осуществлял командование армиями [Constantine Porphyrogennetos, 2012, p. 116, 119, 122, 518–519, 551, 560, 576; Karlin-Hayter, 1974, S. 101–102, 106, 120–121; Oikonomidès, 1976, p. 130]. П. Карлин-Хейтер отмечала, что первоочередной задачей великого этериарха была охрана императорского дворца, а не самой императорской особы [Karlin-Hayter, 1974, S. 106]. Н. Икономидис, соглашаясь с этим, предположил, что функция непосредственных телохранителей лежала на воинах Третьей этерии [Oikonomides, 2001, p. 20].

Важность поста этериарха, обладавшего контролем над дворцом и близостью к императору, вела к стремлению получить его со стороны претендентов на власть и влияние. Именно этериархи чаще всего сменялись при вступлении на трон нового правителя ромеев [Karlin-Hayter, 1974, S. 107–108]. Так, в 919 г. Иоанн Гариде требовал назначения этериархами своего сына Симеона и шурина Феодора Зуфинезера [Продолжатель Феофана, 1992, с. 163; Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 217]. Осуществивший государственный переворот Роман

Лакапин взял себе должность великого этериарха, а после своего возведения в василеопаторы передал ее сыну, Христофору [Продолжатель Феофана, 1992, с. 164; Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 218].

В подчинении этериарха находились архонты этерии (οἱ ἄρχοντες τῆς ἐταιρείας), командовавшие отдельными бандами, входившими в ее состав [Schlumberger, 1884, p. 347; Seibt, 1978, S. 212]. Они носили должность «ὁ ἐπὶ τῆς ἐταιρείας» ≈ «[лицо], отвечающее за этерию / состоящий в членах этерии» [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 481–482, 484, 487–488, 491, 518–519, 545–546, 548, 551, 553, 556, 560, 562, 567, 660–661]. П. Карлин-Хейтер полагала, что «οἱ ἐπὶ τῆς ἐταιρείας / οἱ ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας» являлись заместителями великих этериархов в деле охраны дворца [Karlin-Hayter, 1974, S. 138].

Необходимо отметить, что термином «ὁ ἐπὶ τῆς ἐταιρείας» в IX–XI вв. обозначались не только архонты и солдаты этерии, но и богатые византийцы, держатели государственного аннуитета, обеспеченного их финансовыми вложениями в одну из императорских этерий. Известно достаточно большое количество моливдовулов, принадлежавших этим номинальным членам элитного корпуса [Oikonomides, 2001, p. 9–19]. В то же время, как справедливо заметил Н. А. Алексеенко, по крайней мере часть таких печатей действительно могла принадлежать командирам отдельных военных отрядов [Алексеенко, 2018, с. 115].

Среди прочих функционеров известны протомандаторы этерии (οἱ πρωτομανδάτωρες τῆς ἐταιρείας) [Oikonomides, 1972, p. 62–63] – курьеры [Мохов, 2016, с. 132], глашатаи [Лев VI Мудрый, 2012, с. 118, 153, 155–156, 183, 224; Кучма, 1975, с. 82] и переводчики [Лев VI Мудрый, 2012, с. 124]. При каждой этерии находились также эвдомарии (οἱ ἐβδομάριοι τῆς ἐταιρείας) и парэвдомарии (οἱ παρεβδομάριοι τῆς ἐταιρείας) [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 518–519, 599], должно быть, исполнявшие обязанности слуг [Bury, 1911, p. 108].

Для середины IX – конца XI вв. мы можем выделить следующих этериархов и архонтов этерии, которые были связаны с командованием иностранными подразделениями:

1. *Феофан Фарган / из Фарганов* – протоспафарий и, предположительно, этериарх либо архонт Третьей, хазаро-фарганской этерии в 840-х – 850-х гг. [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 179, 182–183; Genesios, 1998, р. 79–80; John Skylitzes, 2010, р. 96; Vasiliev, 1935, р. 196; PmbZ.8150/corr.]

2. *Артавазд* – этериарх в 867 г. Впустил во дворец Василия Македонянина и его сообщников после убийства ими императора Михаила III. Учитывая имя и знание персидского языка [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 192; PmbZ.20627], можно предположить иранское происхождение Артавазда, который, таким образом, мог возглавлять Третью этерию в 860-х – 870-х гг.

3. *Стилиан Зауца* – протоспафарий и малый этериарх (ὁ μικρὸς ἑταρειάρχης) около 881–886 гг. [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 197; Две византийские хроники, 1959, с. 88; Продолжатель Феофана, 1992, с. 311; PmbZ.27406] Судя по всему, возглавлял Третью (Малую) этерию.

4. *Тузник* – «командир хазар» (раис аль-Хазарийя) в 958 г. [Vasiliev, 1950, р. 368–369; Голден, 2005, с. 460] Вероятно, хазарский этериарх либо архонт Третьей этерии в 950-е гг.

5. *Анемас (Аль-Нуман ибн Абд аль-Азиз)* – «один из императорских телохранителей» / «ὁ τῶν βασιλικῶν σωματοφυλάκων εἶς» [Leonis Diaconi, 1828, р. 149; Лев Диякон, 1988, с. 78; Ioannis Scylitzae, 1973, р. 304; John Skylitzes, 2010, р. 289; PmbZ.20421] в 961–971 гг. Этериот либо архонт арабской банды Средней этерии.

6. *Неизвестный по имени этериарх* узурпатора Варды Склира. Летом 976 г. был убит арабскими наемниками из-за подозрений в измене [John Skylitzes, 2010, р. 302].

7. *Феоктист* – протоспафарий и великий этериарх, «один из самых верных слуг» Романа III. Возглавлял войска ромеев и этников в Сирийских кампаниях 1031–1032 гг. и 1033–1034 гг. [John Skylitzes, 2010, р. 361–362, 366]

8. *Роман Воила* – фаворит императора Константина IX, этериот либо архонт этерии. В 1051 г. составил заговор [John Skylitzes, 2010, р. 441–442], который

поддержал некий «начальник наемных отрядов» / «τὰ πρῶτα τῶν μισθοφόρων» [Michael Psellus II, 1967a, p. 42; Михаил Пселл, 2003, с. 118].

9. *Феодор / Лев Алиат* – патрикий и этериарх Третьей середины XI в. Известен по единственному моливдовулу [Jordanov, 2006, p. 49–50]. Может ли владелец данной печати быть идентичен проэдру Феодору Алиату, военачальнику Романа Диогена, разбитому осенью 1071 г. при Докее и впоследствии ослепленному [Michael Attaleiates, 2012, p. 308–311], неясно.

10. *Аргир Караца* – приближенный императора Алексея I, печенег по происхождению [Анна Комнина, 2017, с. 160; Malamut, 1995, p. 146–147]. Куропалат [Jordanov, 2006, p. 188] и великий этериарх периода около 1087–1092 гг. Был одним из командиров узо-печенежских подразделений византийской армии [Анна Комнина, 2017, с. 160, 191, 224–225].

Нам неизвестно какую должность носил командующий бандами дворцовых варангов после учреждения «варяго-русского» корпуса в конце X в. В историографии распространена точка зрения, что эта функция возлагалась на аколупа (ὁ ἀκόλουθος) [Schlumberger, 1884, p. 323; Васильевский, 1908, с. 320–321; Скабаланович, 2004, с. 39–40; Blöndal, 2007, p. 22, 184; Guiland, 1960, p. 79–83; Oikonomidès, 1972, p. 331; Бибииков, 1990, с. 169]. Однако она базируется исключительно на данных трактата «О должностях» Псевдо-Кодина (середина XIV в.) [Pseudo-Kodinos, 1966, p. 184], источнике позднем, отражающем систему титулов и чинов совершенного иного времени, чтобы использовать его для реалий X–XI вв. [Karlin-Nayter, 1974, S. 112; Луговой, 2007а, с. 78–80; 2008б, с. 13]

Для интересующего нас периода известны следующие военные аколупы или персоны, помещаемые на эту должность исследователями:

1. *Неизвестный по имени аколуп* около 1040–1041 гг. вступивший в Севастию во главе пятнадцатитысячного войска для задержания сыновей Сенекерима Арцруни [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 48–49; Cheynet, 1996, p. 53].

2. *Михаил Аколүф* / *аколүф Михаил* – патрикий, главнокомандующий византийских войск в войне против печенегов в 1050–1053 гг. и командир тагм варангов и франков в Иверии в 1054 г. [John Skylitzes, 2010, p. 439–442; Кекавмен, 2003, с. 180–181] Но в первом случае руководство наемниками осуществлял этнарх Вриенний, а во втором этнические тагмы очевидно не принадлежали к числу гвардейских. Кроме того, термин «аколүф» в данном случае может являться как должностью, так и фамилией военачальника.

3. *Никифор* – патрикий, анфипат, вестарх, ипат и аколүф. Известен по единственному моливдовулу, датируемому в широких пределах начала X в. – 1204 г. Печать содержит на аверсе изображение Св. Димитрия в воинском облачении [Zacos, Vegler, 1984, p. 312].

4. *Намбит* – предводитель тагм варангов в 1080-х гг. Несмотря на то, что иногда в специальной литературе его называют аколүфом [Бибииков, 1986, с. 97–105; Йотов, 2011, с. 217], фактически у нас нет оснований помещать Намбита на эту должность [Blöndal, 2007, p. 184–185]. У Анны Комнины он именуется «игемоном варангов» / «ὁ τῶν Βαράγγων ἡγεμὼν», «архонтом варангов» / «ὁ ἄρχων Βαραγγίας», «архигом» / «ὁ ἀρχηγὸς» [Annae Comnenae, 2001, p. 130, 132, 134, 211; Анна Комнина, 2017, с. 98, 100, 101, 160], но не аколүфом.

Таким образом, определение должности аколүфа как системного командующего каких-либо подразделений корпуса варангов для X–XI вв. представляется крайне сомнительным.

4.2. Этнархи и великие примикирии этников

Согласно трактату «О церемониях», титул «этнарх» являлся одним из официальных обращений, которые император должен был использовать в отношении иностранных правителей и знатных иноземцев [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 679]. Как должностное лицо этнарх (ὁ ἐθνάρχης) вместе с топотиритом этнарха (ὁ τοποτηρητής τοῦ ἐθνάρχου) впервые упоминается в «Эскуриальском тактиконе». Первому сопутствуют этериархи, а второму

топотириты элитных тагм стратилатов, экскувитов, арифмов, бессмертных, иканатов, сатрапов и флота, а также таксиархи и манглавиты [Oikonomidès, 1972, p. 271, 273]. Это ясно указывает на этнарха и его топотирита как на командиров определенных воинских формирований, очевидно комплектовавшихся солдатами-этниками.

Н. А. Скабаланович рассматривал этнархов как формальных руководителей союзных сил «из иностранцев» (ἐξ ἔθνῶν), которым лишь в отдельных случаях вверялось непосредственное командование войсками [Скабаланович, 2004, с. 55]. А. П. Каждан и С. Б. Боумен определяли этнарха как высокопоставленного командира иноземных наемников в XI в. [ODB, 1991, p. 734] Н. Икономидис полагал, что рост численности наемников на протяжении X в. привел к организации отдельной, возглавляемой этнархом, тагмы этников (τὸ τάγμα τῶν ἔθνικῶν) [Oikonomidès, 1972, p. 333]. Однако позднее он охарактеризовал этнарха как командующего оперативным соединением, укомплектованным иноэтничными наемными отрядами [Oikonomidès, 1976, p. 143]. Подобного взгляда на содержание должности этнарха придерживался и Р. Гийан [Guilland I, 1967, p. 394]. Х.-И. Кюн справедливо заметил, что, исходя из размеров войск, находившихся под руководством известных нам этнархов, те не могли быть обычными командирами тагм. Кроме того, предполагаемая тагма этников не могла существовать в принципе, учитывая византийскую практику формирования подразделений из солдат, имевших общее либо близкое этническое и этногеографическое происхождение. Исследователь склонен видеть в этнархе временного командующего оперативно-тактическим соединением, включавшим контингенты иностранных наемников, а в его топотирите скорее «представителя / заместителя» («*Stellvertreter*»), нежели военного архонта. Х.-И. Кюном было сделано также чрезвычайно важное наблюдение: должность этнарха давалась исключительно командирам-ромеям, но не естественным лидерам этников [Kühn, 1991, S. 267–269]. В. С. Шандровская, разбирая моливдовул проэдра и великого примикирия этников (ὁ μέγας πριμικήριος τῶν ἔθνικῶν) Борила, указывала, что

соотношение чинов и функций этнарха и великого примикирия этников не совсем ясно, но считала вполне очевидным нахождение под их руководством этнических отрядов [Шандровская, 1971, с. 29–34].

Для последней трети X – начала XII вв. нам известны следующие этнархи, великие примикирии этников и носители похожих должностей:

1. *Неизвестный по имени этнарх*, возглавлявший болгар либо росов и осуществивший нападение на Фессалонику между 970–974 гг. Известен по «Житию Фантина Младшего» [La Vita di San Fantino, 1993, p. 456–457; PmbZ.31538].

2. *Антиох* – предводитель этников (славян-милинов) гор Тайгет (юг Пелопоннеса) около 1000–1042 гг. Возглавлял отряд воинов. Известен по «Житию Никона Метаноите» [The Life of Saint Nikon, 1987, p. 190–192; PmbZ.20474].

Говоря о двух житийных этнархах, следует понимать, что в первом случае речь явно идет об иностранном правителе, а во втором – о вожде местной этнической группы населения.

3. *Стефан* – предположительно, этнарх первой половины XI в. Известен по единственному моливдовулу, в легенде которого с наибольшей вероятностью читается «[ἐθν]ἀρχ(η)» [BZS.1951.31.5.2059].

4. *Вриенний* (имя в источниках не упоминается, вероятно – Никифор) – патрикий и этнарх. В качестве этнарха в 1050–1051 гг. возглавлял армию, составленную из «союзных сил» (τὰ συμμαχικά) варангских и франкских тагм, арабских отрядов и двадцати тысяч конных лучников из Телуха, Черной Горы и Каркара, в войне против печенегов [John Skylitzes, 2010, p. 439–441; Kühn, 1991, S. 269; Мохов, 2005а, с. 24]. Обратим особое внимание на характеристику, данную Иоанном Скилицей в отношении командного состава этой армии и статуса самого Вриенния: «... и над каждым из народов [этого войска] он [император Константин IX] поставил из их числа мужей выдающихся, а предводителем сделал патрикия Вриенния, назначив того этнархом...» / «... καὶ ἀνδράσιν ἐπίσημοις τῶν γενῶν

ἕκαστον ἀναθείς, καὶ ἐπὶ πᾶσιν ἡγεμόνα καταστήσας τὸν πατρίκιον Βρυέννιον καὶ ἐθνάρχην τοῦτον κατονομάσας...» [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 471].

5. *Борил* – приближенный императора Никифора III, болгарин по происхождению [PBW, Boril 61]. В 1078 г. он был назначен протопроедром и этнархом [Nicéphore Bryennio, 1975, p. 282–283; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 138–139]. Известно несколько моливдовулов Борила, именующих его проэдром и великим примикирием этников [Шандровская, 1971, с. 29, табл. I.1; BZS.1951.31.5.1273; BZS.1955.1.2257]. Представляется, что вначале Борил получил чин этнарха, а затем специально созданную под него должность [Michael Attaleiates, 2012, p. 492–493] великого примикирия этников [Шандровская, 1971, с. 32; Kühn, 1991, S. 269], сконцентрировав в своих руках руководство этническими тагмами дворца, столицы и столичного региона. Он занимал этот пост до 1081 г.

6. *Татикий* – приближенный императора Алексея I, турок по происхождению [Анна Комнина, 2017, с. 95, 453; Moravcsik II, 1983a, S. 302]. Протопроедр и великий примикирий в конце XI в. [PBW, Taticios 61] В период 1081–1095 гг. Татикию регулярно вверялись контингенты иностранных наемников [Анна Комнина, 2017, с. 95, 142–144, 152–154, 167–168, 218], что позволяет предположить, что он являлся именно великим примикирием этников. Впрочем, согласно списку лиц, присутствовавших на Влахернском соборе 1094 г., в это время Татикий занимал пост великого примикирия внутренних вестияритов (ὁ μέγας πριγκήριος τῶν ἔσω βεστιαριτῶν) [Gautier, 1971, p. 218, 252–254; Каждан, 1974а, с. 163].

7. *Евстафий Киминиан* – евнух, каниклий, великий друнгарий флота [Каждан, 1973, с. 191] и этнарх в конце XI – начале XII вв. В качестве этнарха известен по единственному моливдовулу с обозначением «ἄρχοντος ἐθνῶν» [BZS.1955.1.4060], которое Н. Икономидис трактовал в качестве поэтического эквивалента рассматриваемой должности [Oikonomides, 1986, p. 102–103]. В 1095

г. при Евстафии находился отряд турецких наемников под началом Камира [Анна Комнина, 2017, с. 223].

8. *Феодор* – патрикий, анфипат и великий примикирий этников. Известен по единственному моливдовулу, датируемому в широких пределах начала X в. – 1204 г. Печать содержит на аверсе изображение Св. Феодора в воинском облачении [Zacos, Veglery, 1984, p. 345–346].

9. *Феофилакт Эргодот* – ипат и этнарх около XI–XII вв. Известен по единственному моливдовулу [Roma Numismatics, 2015, p. 246].

10. *Иоанн* – патрикий, судья Вила и экзарх этников (ὁ ἑξάρχος τῶν ἐθνικῶν) XI в. Известен по единственному моливдовулу [BZS.1951.31.5.2342].

Таким образом, должность этнарха была создана в начале 970-х гг. в рамках военных преобразований императора Иоанна I Цимисхия, выразившихся в формировании новых подразделений и должностей их командующих. К таковым относятся, например, тагма бессмертных, возглавляемая доместиком и топотиригом, и этерия пехотинцев под началом этериарха [Oikonomidès, 1972, p. 271, 273; Карашайски, 2023а, с. 303–309]. Представляется, что этнарх руководил тагмами иностранных наемников, которые не вошли в состав дворцовой гвардии, но были размещены в Константинополе и его окрестностях. Приблизительно с середины XI в. эту должность стали получать военачальники, в руках которых концентрировались крупные этнические силы – от нескольких тагм до полноценной полевой армии. В конце 1070-х гг. была создана более высокая должность великого примикирия этников, что, по всей видимости, было связано как с ростом численности и значения контингентов иностранных наемников, так и со стремлением центрального правительства к консолидации контроля над ними [Карашайски, 2024, с. 131–136].

Соотношение двух этих должностей все еще не вполне понятно, но нельзя исключать того варианта, что должность великого примикирия этников могла просто заменить должность этнарха. Строго говоря, наиболее поздний из известных нам функционеров, Евстафий Киминиан, был не этнархом, но

«архонтом народов». Дополнительную сложность представляет интерпретация должности экзарха этников, которая, на наш взгляд, могла являться как промежуточной, так и отражать статус подчиненного или самостоятельного командира каких-либо этнических подразделений.

4.3. Переводчики

Поэтический комментарий аль-Мутанабби [аль-Мутанабби; Vasiliev, 1950, p. 333; McGeer, 1995, p. 201], сделанный им в отношении византийской армии середины 950-х гг., очевидно имел под собой реальные основания. Если некоторая часть воинов-наемников владела греческим, то большинству этников требовалось, чтобы приказы дублировались на понятном им языке.

Обязанности переводчиков в воинских формированиях исполняли мандаторы (οἱ μανδάτωρες) [Dagron, 1994, p. 230; Дагрон, 1999, с. 177–178]. Согласно «Тактике» Льва VI, в каждой банде (тагме) византийской армии рубежа IX–X вв. должно было иметься два мандатора – *«бдительных, благоразумных, внушительных видом, громкоголосых, а если это возможно, то и умеющих говорить на разных языках»* [Лев VI Мудрый, 2012, с. 118, 122, 124, 147–148, 153–156, 183, 205–206, 224, 226]. Как минимум несколько сотен человек исполняли в империи функции военных переводчиков [Щавелев, 2021, с. 170–173].

В качестве официальных переводчиков (οἱ ἑρμηνευταί, οἱ διερμηνευτές) использовались как иностранные наемники, по крайней мере часть из которых владела греческим языком к моменту прибытия в империю или же выучила его на месте, потомки от смешанных браков, т. н. «полуварвары» (οἱ μιξοβάρβαροι) [Шукуров, 2017, с. 29], жители и знать пограничных регионов [Dagron, 1994, p. 232–234; Дагрон, 1999, с. 180–183], так и сами ромеи [Щавелев, 2021, с. 160–161]. Считается, что большой штат византийских переводчиков входил в состав специального ведомства, занимавшегося делами, связанными с иностранцами. Данная служба, скриния варваров (τὸ σκρίνιον τῶν βαρβάρων) [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 400], во главе с чиновником «ὁ βάρβαρος» [Constantine

Porphrogennetos, 2012, p. 461, 725] входила в состав ведомства логофета дрома [Constantine Porphrogennetos, 2012, p. 568; Bury, 1911, p. 92–93; Dagrón, 1994, p. 222; Дагрон, 1999, с. 165; Шандровская, 2005, с. 109–110]. Однако переводчики, как справедливо заметил А. С. Щавелев, основываясь на данных «Клиторология» Филофея, не составляли отдельной профессиональной группы чиновников в рамках единого ведомства, но работали в разных военных и гражданских службах [Oikonomidès, 1972, p. 63, 91, 111, 113, 115, 117, 119, 121, 155, 157, 159, 161, 171, 173, 175, 179, 183, 207, 227, 229, 233, 292, 298, 331; Щавелев, 2020] – там, где в них имелась необходимость.

Число известных переводчиков для интересующего нас периода невелико. Еще меньше тех, в отношении кого известен этнос, с языка которого персона выполняла перевод:

1. *Феодор* – переводчик армян (ὁ τῶν Ἀρμενίων ἐρμηνευτής) около 898–900 гг. [Константин Багрянородный, 1991, с. 178–179, 408; PmbZ.27644]

2. *Мануил* – переводчик арабов (ὁ τῶν Ἀγαρηνῶν ἐρμηνεύς) в 913 г. Служил под началом патрикия и логофета дрома Фомы [Продолжатель Феофана, 1992, с. 160; PmbZ.24876].

3. *Христофор* – спафарокандидат, ὁ ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας и переводчик болгар (ὁ ἐρμηνευτής τῶν Βουλγάρων) около X–XI вв. Известен по единственному моливдовулу [Laurent II, 1963–1981, p. 231; Шандровская, 2005, с. 112]. Представляется вероятным, что Христофор был одним из командиров императорской этерии и переводчиком ее болгарских банд.

4. *Ардуин Ломбардец* – переводчик норманнских наемников в Сицилийской экспедиции 1038–1040 гг. [Geoffrey Malaterra, 2005, p. 56]

5. *Иоанн* – протоспафарий и переводчик ромеев / римлян (ὁ διερμηνευτής τῶν Ῥωμαίων) XI в. Известен по единственному моливдовулу. Предполагается, что он являлся переводчиком либо с латыни, либо с одного из романских языков – французского или итальянского [Laurent II, 1963–1981, p. 232; Шандровская, 2005,

с. 112]. Если это действительно так, то можно представить, что услуги Иоанна использовались и в отношении норманнов, в том числе наемников.

6. *Туркел / Торкель / Тюркель* (*Τουρκέλης / Τζουρκέλης*) – переводчик (ὁ ἐρμηνευτής [*sic*]) второй половины XI в. Известен по нескольким моливдовулам [Виноградов, Каштанов, Чхаидзе, 2020, с. 151–154; BZS.1958.106.4803], найденным на территории бывшей Древней Руси. По предположению издателей одной из печатей, имя Туркел имеет тюркскую этимологию, а его носитель исполнял профессиональные обязанности на русском направлении имперской политики [Виноградов, Каштанов, Чхаидзе, 2020, с. 153]. Но, учитывая места находок печатей, а также выдвинутую по этой причине гипотезу о работе и связях их владельца на Руси, более реалистичной представляется скандинавская версия его происхождения. В таком случае некий Торкель (*Forkell*) либо Тюркель (*Týrkell*), не обязательно, но вероятнее всего наемник-варанг, мог исполнять обязанности имперского переводчика с древнескандинавского и древневосточнославянского языков.

7. *Сфен / Свейн* (*Σφένι*) – патрикий и переводчик англичан (ὁ διερμηνευτής τῶν Ἐνκλίνων) последней четверти XI – начала XII вв. Известен по единственному моливдовулу. Печать содержит на аверсе изображение Св. Георгия в воинском облачении [Zacos, Veglery, 1984, p. 337]. Имя Свейн выдает скандинавское происхождение владельца, который, судя по всему, был уроженцем Англии и владел древнеанглийским языком [Щавелев, 2012, с. 482–488; 2021, с. 161, 360–361].

8. *Константин Куртикий* – севаст и переводчик преданнейших англичан (ὁ διερμηνευτής τῶν πιστοτάτων Ἰγγλίνων). Известен по единственному моливдовулу, датируемому второй половиной XII в. [PBW, Konstantinos 20381; Шандровская, 2005, с. 112–113] Р. М. Шукуров полагает, что Константин был англосаксом либо потомком англосаксов [Шукуров, 2017, с. 29–30]. В то же время фамилия Куртикий должна подразумевать армянское происхождение [Каждан, 1975, с. 14–17; Шандровская, 2005, с. 112] персоны. Быть может, Константин был потомком от

брака англичанина и византийки из рода Куртикиев? На подобную возможность указывает сообщение «Чудес Св. Августина» о женитьбе английского командира варанго-английского подразделения (возможно, имеется в виду Коулман [Ciggaar, 1974, p. 315, 320–321, 326–328]) на «знатной и богатой женщине» [Vasiliev, 1937, p. 60–61]. Обращает на себя внимание также формулировка «преданнейшие англичане» (οἱ πιστότατοι Ἰγγλίνοι) – очевидное указание на гвардейские части.

9. *Μιχαὴλ* – пансеваст, севаст / пансеваст севаст и великий переводчик варангов (ὁ μέγας διερμηνευτής τῶν Βαράγγων). Известен по единственному моливдовулу, датируемому серединой XIII в. Печать содержит на реверсе стилизованное изображение варяжской секиры [Laurent II, 1963–1981, p. 232–233]. Судя по титулам, Михаил занимал чрезвычайно высокое положение. Считается, что великий переводчик был официальным представителем византийского правительства в отношениях с варангами, вел переговоры и регулировал заключения соглашений, ведал вопросами жалования и содержания наемников, разрешал конфликты и споры [Schlumberger, 1884, p. 349–351; Шандровская, 2005, с. 113–115; Shandrovskaia, 2016, p. 305–313].

Таким образом, переводчики использовались в этнических тагмах гвардии, полевых войск, гарнизонов. Они исполняли функции, связанные с организацией, дипломатией, ведением боевых действий, разведкой, шпионажем [Лев Диакон, 1988, с. 58; Два византийских военных трактата, 2002, с. 360–361] и пр. Часто переводчиками становились сами наемники или их потомки, выходцы из смешанных семей. С последней четверти XI в. фиксируется практика их наделения высокими имперскими титулами [Карашайски, 2024а, с. 80–85].

4.4. Чиновники «ἐπὶ τῶν βαρβάρων»

Группа функционеров «οἱ ἐπὶ τῶν βαρβάρων» (≈ «[лица], отвечающие за варваров / главы [ведомства / отрядов] варваров / состоящие в членах [ведомства / отрядов] варваров / при варварах / из варваров») известна исключительно по легендам нескольких десятков моливдовулов, датируемых IX–X–XI вв. [Laurent II,

1963–1981, p. 244–262; Шандровская, 2000, с. 107; Seibt, Wassiliou, 2004, S. 50–57] либо, более узко, IX – первой половиной X вв. [Oikonomides, 2001, p. 24–25] Все печати происходят из Константинополя [Oikonomides, 2001, p. 25–26]. Ярким отличительным признаком данных моливдовулов является их «варварская» иконография [Шандровская, 2000, с. 108]. Помимо традиционной христианской символики (кресты, крестообразные инвокативные монограммы, евангельские сцены, фигуры Богоматери, Христа, архангелов, святых, святых воинов) на печатях встречаются изображения реальных и фантастических существ (львы, слоны, кабаны, птицы (орлы, пеликаны, павлины), крылатые грифоны, сцены их борьбы с драконами), владельцев печатей, варваров, фигур с дубинками (возможно, изображения Геракла), растительные орнаменты.

В историографии существует три версии относительно функций должностных лиц, носивших чин «ὁ ἐπὶ τῶν βαρβάρων»:

1) Главы скринии варваров, входившей в состав ведомства логофета дрома (А. Сорлен-Дориньи [Sorlin-Dorigny, 1884, p. 272–277], Г. Шлюмберже [Schlumberger, 1884, p. 447–448, 453–456], Дж. Бьюри [Bury, 1911, p. 93], Р. Гийан [Guilland, 1971, p. 36–37], Н. П. Лихачев [Лихачев, 1991, с. 285], В. Лоран [Laurent P, 1963–1981, p. 244], Дж. Хэлдон [Constantine Porphyrogenitus, 1990, p. 192–193], В. С. Шандровская [Шандровская, 2000, с. 105–116], В. Зайбт и А.-К. Вассиу [Seibt, Wassiliou, 2004, S. 50–51], Е. В. Степанова [Степанова, 2006, с. 160–161], Н. А. Алексеенко [Алексеенко, 2017, с. 8]). В таком случае «ὁ ἐπὶ τῶν βαρβάρων» был идентичен «ὁ βάρβαρος» [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 461, 725] и занимался кругом вопросов, связанных с пребыванием и обеспечением иностранных послов и купцов, включая надзор и слежку за ними [Rambaud, 1870, p. 304–305];

2) Предводители подразделений этников (Г. Шлюмберже [Schlumberger, 1881, p. 692–696], Б. А. Панченко [Панченко, 1908, с. 150], Н. Икономидис [Oikonomidès, 1972, p. 328], А. М. Филипчук [Филипчук, 2010, с. 16]) либо лица,

отвечавшие за интендантство, т. е. финансирование и обеспечение иностранных наемных отрядов (А. Мордтман [Mordtmann, 1881, p. 697–703]);

3) Держатели государственного аннуитета, вложившие деньги в «варварские» этерии (Н. Икономидис [Oikonomides, 2001, p. 18–22]). Н. Икономидис отмечал, что само по себе наличие печатей «οἱ ἐπὶ τῶν βαρβάρων» не является свидетельством существования скринии варваров в IX–X вв. [Oikonomides, 2001, p. 23] Исследователь также указывал на греческие имена владельцев моливдовулов, которые, таким образом, не могли быть естественными лидерами иноземцев, и соответствие титулов «οἱ ἐπὶ τῶν βαρβάρων» титулам «οἱ ἐπὶ τῆς ἐταιρείας / οἱ ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας». Вариативность и пестрота иконографии печатей, с точки зрения Н. Икономидиса, противоречила общепринятому курсу на максимальную унификацию моливдовулов официального лица, что обеспечивало узнавание получателем его письма или документа. В то же время богатые византийцы могли избирать «варварские» изображения из «юмористических» мотивов, как бы подражая этникам, в этериях которых они числились благодаря своим финансовым инвестициям [Oikonomides, 2001, p. 25–27]. В этой связи необходимо отметить, что и представители иностранной знати получали от империи титулы и регулярные выплаты, но последние сопутствовали, а не закреплялись за тем или иным титулом [Lemerle, 1967, p. 83–84].

Прежде всего заметим, что все чины, присутствующие на моливдовулах «οἱ ἐπὶ τῶν βαρβάρων» сугубо гражданские, связанные с императорским двором: судья Вила, хартуларий, силентиарий, управляющий частным императорским имуществом (ὁ ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν), хрисотриклит, гироком [Laurent II, 1963–1981, p. 245–262; Шандровская, 2000, с. 109]. Это явно невоенные люди.

Значительный интерес для атрибуции функций чиновников «οἱ ἐπὶ τῶν βαρβάρων» представляет один из моливдовулов ὁ ἐπὶ τῶν βαρβάρων Ставракия [Степанова, 2006, с. 155–163]. Печать содержит на аверсе изображение самого Ставракия, сжимающего в руке свиток (ὁ τόμος), скрепленный подвесной печатью, а также надпись: «*Δαι, Господи, аннону*» / «*Δός, Κύριε, ἀνώνη*» [Schlumberger, 1881,

р. 451; Laurent II, 1963–1981, р. 261; Лихачев, 1991, с. 280–281; Шандровская, 2000, с. 115]. Термин «аннона» (ἡ ἀννώνα) обозначал натуральное или денежное довольствие, выдаваемое чиновникам и солдатам [ODB, 1991, р. 105–106]. В данном случае речь может идти о любых средствах, получаемых от государства – продовольствии для иностранных посольств [Schlumberger, 1881, р. 456], плате и обеспечении иноземных солдат [Mordtmann, 1881, р. 701], аннуитетном доходе [Oikonomides, 2001, р. 26–27].

Некоторые изображения, представленные на печатях, будучи, на первый взгляд, светскими, достаточно аллегоричны и проникнуты религиозными мотивами. Например, орел может символизировать Христа, а схватка орла с драконами – борьбу Добра со Злом [Шандровская, 2000, с. 111–113; Seibt, Wassiliou, 2004, S. 53]. Вполне резонным кажется предположение В. С. Шандровской о том, что в этих сценах находила отражение реальная действительность, в которой богохраняемая империя ромеев непрестанно вела борьбу с многочисленными врагами [Шандровская, 2000, с. 113]. И именно с их представителями приходилось иметь дело чиновникам ведомства варваров. Однако появление на моливдовулах грифонов и фигур Геракла может свидетельствовать также о проявлении интереса к античному прошлому в период Македонского возрождения – не столько в культурно-религиозном, сколько в эстетическом плане [Степанова, 2021, с. 467]. Так, грифон вместе с неким водным божеством (вероятнее всего, Посейдоном), вооруженным трезубцем и верхом на морском существе, присутствуют на моливдовуле комита вод, датированном XI–XII вв. [BZS.1958.106.1860] Представляется, что подобная иконография была мотивирована не юмором и иронией, но стремлением удивить и впечатлить. Кроме того, зооморфные изображения (птицы, драконы-симурги) фиксируются на моливдовулах, происходящих из Херсона и принадлежавших должностным и частным лицам варварского происхождения [Aleksejenko, 2015, S. 104; Алексеенко, 2017, с. 9–10].

Безусловно, у исследователя, занимающегося проблемами иностранного наемничества, чрезвычайно велик соблазн видеть в «ὁ ἐπὶ τῶν βαρβάρων» некую переходную должность, носители которой отвечали за управление иностранными отрядами императорских этерий. Аргументу, основываемому на их греческих именах, вполне может быть противопоставлен довод о крестильном имени, как, например, у Феофана Фаргана, или о возможности руководства иноземными воинами командиров-ромеев. Внимание, однако, следует обратить и на сам термин «варвары», отражавший статус чужаков, непричастных ромейскому государству, в то время как своих иностранных наемников византийцы обозначали посредством термина «этники». Это, впрочем, может быть объяснено тем, что последний еще не вполне устоялся в IX – первой половине X вв.

Возможно, в обязанности οἱ ἐπὶ τῶν βαρβάρων действительно входило ведение переговоров с группами варваров, желавшими поступить на имперскую службу, их размещение, обеспечение и выплаты денежного довольствия. Возможно, рассматриваемый чин мог жаловаться предводителям подобных групп, что подчеркивало их особый статус в качестве этнических лидеров. В конце концов, нельзя не отметить определенную синхронность появления моливдовулов данной группы чиновников и процессов складывания института иностранного наемничества. Возможно, οἱ ἐπὶ τῶν βαρβάρων или какая-то их часть были номинальными членами этнических этерий, получавшими прибыль от своих финансовых инвестиций. Но наиболее реалистичной и обоснованной нам все же представляется версия отнесения данной группы функционеров к скринии варваров, занимавшейся делами, связанными с пребыванием в империи иностранцев, в первую очередь послов.

4.5. Архонты соплеменников

Отряды иностранных наемников, поступавшие на имперскую службу, прибывали и действовали во главе с собственными лидерами. Эти естественные предводители, обладавшие качествами и характеристиками, которые обеспечивали

их авторитет в рамках своих этнических групп, могут быть условно названы архонтами соплеменников (οἱ ἄρχοντες τῶν ὁμοεθνῶν). Именно такие вожди осуществляли непосредственное руководство этническими контингентами, порой распространяя свою власть и влияние и на другие группы соотечественников. Они могли не занимать никаких постов в византийском военно-административном аппарате и не иметь высоких титулов, но при этом оказывать значительное влияние на военно-политическую ситуацию. Должно быть, именно таких архонтов имеет в виду, например, Яхья Антиохийский, когда пишет о «царях» болгар, росов, авасгов, иверов, армян, печенегов и франков, сопровождавших императора Романа III в Сирийской кампании 1030 г. [Розен, 1883, с. 317–318] или Ибн аль-Асир, сообщающий о предводителе росов, отправленном императором Романом IV под Хлат в ходе Третьей Восточной кампании 1071 г. [The Annals of the Saljuq Turks, 2002, p. 219] Судьбы этих архонтов были различны: одни погибали в сражении, в плену либо в ходе внутренних перипетий, другие, приобретши богатства и славу, возвращались в свои страны, а третьи, обзаводясь связями и влиятельными друзьями, получая земельные владения, высокие чины и звания, укоренялись в Византии, вступали в браки и оставляли потомков-полуварваров [Kaldellis, 2019, p. 125–126], тем самым образовывая новые знатные роды [Каждан, 1974а, с. 216].

Опираясь на сфрагистический материал из Херсона, Н. А. Алексеенко выделил три этапа инкорпорации иностранцев в византийское общество [Алексеенко, 2017, с. 10]: 1) иноземец, поселившийся в империи, не имеет ни титулов, ни должностей, а его печать носит сугубо личный характер; 2) за конкретные заслуги иноземцу может быть пожалован титул без каких-либо должностных обязанностей; 3) иноземец получает должность в центральном аппарате либо в провинции, таким образом, становясь ромеем.

Необходимо, однако, учитывать важный принцип, который был четко сформулирован Кекавменом в одном из советов василевсу: иноплеменники делились им на две категории – те, кто «из простонародья» (ἐξ ἀγέλης ἔθνικὸν) и те, кто «из правящего [знатного] рода своей страны» (ἀπὸ βασιλικῶ γένους τῆς χώρας

αὐτῶν) [Кекавмен, 2003, с. 294–295]. Знатное происхождение, таким образом, являлось обязательным критерием для наиболее выгодных условий службы и возвышения. В то же время отношения между конкретным этническим предводителем и византийским правительством не были стереотипными и всегда носили индивидуальный характер [Филипчук, 2015, с. 65–66].

Кратко рассмотрим деятельность и *cursus honorum* некоторых архонтов различных групп этников середины IX – конца XI вв.

Фарганские, хазарские, армянские и арабские архонты

Феофан Фарган / из Фарганов. Судя по имени и прозвищу, был принявшим христианство архонтом фарганского контингента, который как минимум дважды менял стороны в ходе арабо-византийских столкновений 840-х гг. Так, Феофан перешел к арабам либо в ходе, либо после битвы при Мавропотаме из-за конфликта с византийским командующим, логофетом дрома Феоктистом, но затем вернулся под гарантии безопасности [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 178–179; Vasiliev, 1935, р. 196]. В 855 г. он носит высокий титул протоспафария и участвует в заговоре против Феоктиста, осуществляя его убийство [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 182–183].

Артавазд. Судя по имени, фарганский архонт, занимавший высокую должность этериарха. В 867 г. поддержал государственный переворот Василия Македонянина [Хроника Симеона Магистра и Логофета, 2014, с. 192], чем, по-видимому, обеспечил благосклонность нового императора – в дальнейшем мы видим фарганов в качестве телохранителей Василия I [Две византийские хроники, 1959, с. 27].

Мелий. Армянский архонт, прибывший ко двору императора Льва VI между 886–896 гг. вместе с архонтом Ашотом Длинноруким, получившим должность экзарха экскувитов. Предполагается участие Мелия в неудачной апостасии доместика схол Андроника Дуки (906 г.) и его бегство в Мелитенский эмират. Однако уже около 907–908 гг. Мелий стал турмархом Евфратии, Трипии и «пустоши» / «ничейной земли», а в последующие годы укрепил крепости Ликанд,

Цаманд и Симпосий, сделавшись первым стратигом фемы Ликанд с титулом патрикия, а позже магистра [Константин Багрянородный, 1991, с. 226–229, 443; PmbZ.25041].

Тузник. Хазарский архонт (раис аль-Хазарийя), командовавший отрядом соотечественников в битве при Рабанае (958 г.). Абу Фирас сообщает, что в сражении с этим хазарином сломал два копья и терпел от него насмешки [Vasiliev, 1950, p. 368–369; Голден, 2005, с. 460]. Насмешка, направленная на врага с целью его деморализации и установления собственного превосходства, в данном случае представляется типичным примером поведения военного лидера.

Анемас. Арабский архонт, принявший христианство. Сын критского эмира, попавший в византийский плен и ставший императорским телохранителем в 961–971 гг. [Лев Диакон, 1988, с. 78, 80, 209; John Skylitzes, 2010, p. 289, 292] По одной из версий, Анемас стал основателем знатного рода Анемадов [PmbZ.20421; Chalandon, 1900, p. 240; Каждан, 1974а, с. 186].

Турк из Багдада. Тюркский либо арабский архонт, принявший христианство и во главе своей тагмы поставленный начальником гарнизона Дамаска в 975 г. [Кучук-Иоаннесов, 1903, с. 96–97; Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 27–28]

Мансур ибн Лулу. Арабский архонт, бывший эмир Алеппо, возглавлявший тагму соплеменников в 1016–1030 гг. Владел укрепленным имением Шейх-Лейлун (Лулон), получал регулярные выплаты и ежемесячное содержание из императорской казны [Розен, 1883, с. 54–56; EI III, 1993–2005, p. 130–131; Cheynet, 2003, p. 81, 87].

Скандинавские и английские архонты

Кольскегг Хамундарсон. Скандинавский архонт, исландец, прибывший в Византию в конце X в. Кольскегг стал «предводителем войска вэрингов» / «*höfðingi fyrir væringjaliði*», женился и оставался в империи до конца жизни [Brennu-Njáls saga. 81. kafli; Blöndal, 2007, p. 196–197].

Свейн Хаконарсон. Скандинавский архонт, норвежский ярл, участвовавший в Хазарской экспедиции 1016 г. во главе собственной дружины [John Skylitzes, 2010, p. 336; Карашайски, 2023б, с. 149–154].

Эйлив Торгильссон. Скандинавский архонт, датский ярл, служивший в Византии во второй половине 1020-х гг. Будучи «*предводителем войска вэрингов*» / «*höfðingi fyrir Væringjaliði*», погиб [Jómsvíkingasaga, 1828, p. 158–162; Text of the supplement to Jómsvíkinga saga, 1949, p. 92–93], предположительно, в Южной Италии около 1029 г. [Карашайски, 2024в, с. 196–206]

Мар Хунрёдарсон. Скандинавский архонт, исландец, возглавлявший контингент византийских варангов в первой трети XI в. Вернулся в Исландию вскоре после прибытия Харальда Сигурдарсона [Morkinskinna, 1932, p. 60; Blöndal, 2007, p. 215; Луговой, 2007а, с. 81].

Харальд Сигурдарсон. Скандинавский архонт, знатный норвежец, предводитель (höfðingi) собственной дружины на византийской службе в 1034–1043 гг. [Snorri Sturluson, 1911, p. 448; Снорри Стурлусон, 1980, с. 403] В империи Харальд не получил ни должностей, ни высоких титулов: за Сицилийскую экспедицию 1038–1040 гг. он был удостоен незначительного чина манглавита, а за участие в подавлении болгарского восстания Петра Деяна был возведен в спафарокандидаты [Кекавмен, 2003, с. 298–301]. Сага описывает максимально независимое положение Харальда как военачальника, позволявшего себе вступать в конфликт с ромейским командующим, участвовать в столичном восстании и самолично осуществить ослепление императора [Снорри Стурлусон, 1980, с. 403–410]. В Византии норвежец добыл огромные богатства [Джаксон, 2001, с. 106–113; Луговой, 2008а, с. 326–332] и по возвращении на родину сделался соправителем страны [Снорри Стурлусон, 1980, с. 411, 413].

Рёгнвальд. Скандинавский архонт, упландский хёвдинг, который во второй половине XI в. был «*предводителем войска*» / «*lis forunki / liðs forungi*» в Византии [Мельникова, 2001, с. 352–353]. К концу XI в. Рёгнвальд вернулся в Швецию [Мельникова, 2022, с. 47–48].

Намбит. Скандинавский либо английский архонт (архиг, игемон) [Annae Comnenaе, 2001, p. 130, 132, 134, 211; Анна Комнина, 2017, с. 98, 100, 101, 160] 1080-х гг. Ни должность, ни титул неизвестны. Предполагается древнескандинавское происхождение имени или прозвища Намбит («nábítr» – кусатель / терзатель трупов, убийца) [Blöndal, 2007, p. 123].

Сивард Барн. Английский архонт, эрл, возглавлявший английских эмигрантов, поступивших на византийскую службу в конце XI в. Предположительно, получил имение и осел на Азиатском Боспоре [Saga Játvarðar, 1852, p. 37–43; Ciggaar, 1974, p. 320–323; Shepard, 1974, p. 18–20].

Коулман. Английский архонт, командовавший гвардейским отрядом соотечественников в конце XI в. В империи Коулман добился расположения правительства и византийской элиты, женился на представительнице знатного рода и разбогател до такой степени, что за собственные средства выстроил в Константинополе церковь [Vasiliev, 1937, p. 60–62; Ciggaar, 1974, p. 321; 1996, p. 141].

Свейн. Английский архонт скандинавского происхождения, в последней четверти XI – начале XII вв. переводчик с высоким титулом патрикия [Zacos, Veglerу, 1984, p. 337; Щавелев, 2012, с. 482–488; 2021, с. 161, 360–361].

Хардигт. Английский архонт, «который считался сильнейшим из англов», начальник императорской стражи и командующий части флота в конце XI – начале XII вв. Лидерство и сила Хардигта подчеркиваются беллетризованным рассказом о его победе над львом и двумя «сильнейшими пешими греками» [Ciggaar, 1974, p. 323, 337–339].

Франкские и немецкие архонты

Ардуин Ломбардец. Франкский архонт, один из руководителей тагм норманнов и их переводчик [Geoffrey Malaterra, 2005, p. 56] в Сицилийской экспедиции 1038–1040 гг. Из-за конфликта с командующим спровоцировал дезертирство части наемников [Geoffrey Malaterra, 2005, p. 55–57; Guillaume de Pouille, 1961, p. 110–111; John Skylitzes, 2010, p. 400–401]. В 1041 г. исполнял

обязанности топотирита Мельфи с незначительным титулом кандидата [Лев Марсиканский, Петр Дьякон, 2015, с. 118], где при поддержке норманнов поднял антивизантийское восстание [Хроники Италии, 2020, с. 578; *Ystoire de li Normant par Aimé*, 1892, p. 64–69; Guillaume de Pouille, 1961, p. 110–113; Geoffrey Malaterra, 2005, p. 57].

Аргир из Бари. Франкский архонт лангобардского происхождения, сын мятежника Мела из Бари, герцог Апулии с 1042 г. [Хроники Италии, 2020, с. 554–555, 563, 578] В начале 1040-х гг., опираясь на норманнские отряды, вел войну против византийцев в Южной Италии, однако затем перешел на сторону императора Константина IX [Хроники Италии, 2020, с. 555–556, 563, 578–579; Guillaume de Pouille, 1961, p. 122–131]. В ходе своей службы империи Аргир сделал значительную карьеру: патрикий (около 1046 г.), магистр (около 1048 г.), вестарх и катепан/дука Италии (около 1051–1058 гг.) [John Skylitzes, 2010, p. 414; Хроники Италии, 2020, с. 563–564, 579–580].

Эрве Франгопул. Франкский архонт на византийской службе в 1038–1062 гг. Имел титул патрикия (1056/1057 г.), но, стремясь к более высокому званию магистра и получив оскорбительный отказ в своем прошении, поднял мятеж [John Skylitzes, 2010, p. 452–453]. Судя по моливдовулу Эрве, датируемому временем после 1057 г., норманнский лидер добился желаемого, сделавшись магистром, вестом и стратилатом Востока [Schlumberger, 1884, p. 659–660; Cheynet, 1997, p. 120; Серен, 2001, с. 165]. Владел имением Дагарави в Армениаке [John Skylitzes, 2010, p. 452].

Умберт де Отвиль. Франкский архонт, служивший комендантом одной из тюрем Константинополя [Серен, 2001, с. 167] в должности доместика нумера [Мохов, 2004, с. 19] в третьей четверти XI в. Также носил звания патрикия, веста и стратига [Серен, 2001, с. 169; Jordanov, 2006, p. 314–315]. Кроме того, известна печать протопродра Умберта Грисина [Бутырский, 2011, с. 226–233], который может быть идентичен рассматриваемой персоне. Предполагаемый отец Константина Умбертопула.

Рандульф Франк. Франкский архонт, патрикий и ипостратиг в 1057 г. [John Skylitzes, 2010, p. 460–461]

Роберт Криспин. Франкский архонт на византийской службе в 1068–1072 гг. Ни должность, ни титул неизвестны. В 1068–1069 гг. поднял мятеж, но затем сдался императору Роману IV. Впрочем, вскоре Криспин был оговорен неизвестным по имени немецким архонтом и сослан в Авидос. В гражданской войне 1071–1072 гг. франкский лидер выступил на стороне императора Михаила VII и сумел перетянуть на свою сторону часть соплеменников из армии Диогена [Michael Attaleiates, 2012, p. 224–229, 310–311]. Криспин характеризовался как «человек мужественный, воинственный и способный к командованию» [Michael Attaleiates, 2012, p. 226–227], «увлекавший за собой своих людей» [Михаил Пселл, 2003, с. 191–192]. Предположительно, владел крепостью Маврокастро в Армениаке [Michael Attaleiates, 2012, p. 228–229].

Рембо. Франкский архонт, возглавлявший контингент соплеменников на службе у Филарета Врахамия в начале 1070-х гг. [Armenia and the Crusades, 1993, p. 138]

Руссель де Байоль. Франкский архонт на византийской службе в 1069–1078 гг. Носил титул веста [Schlumberger, 1884, p. 660]. В 1073–1075 гг. поднял восстание, фактически создав собственное владение в Армениаке и пытаясь посадить на византийский престол плененного им Иоанна Дуку. Отверг предлагаемый императором Михаилом VII высокий титул куропалата [Michael Attaleiates, 2012, p. 340–341; Ioannis Zonarae, 1897, p. 710]. В 1077 г. пытался присоединиться к апостасии Никифора Вотаниата [Michael Attaleiates, 2012, p. 460–461]. Предположительно, был отравлен в 1078 г. [Ioannis Zonarae, 1897, p. 725] Руссель описывается как «сильный воин» [Michael Attaleiates, 2012, p. 270–271], «муж воинственный» [Ioannis Zonarae, 1897, p. 697], «обладавший душой тирана» [Анна Комнина, 2017, с. 5].

Панас. Франкский архонт, вместе со своими тагмами перешедший на сторону Русселя де Байоля в битве при Сангарии (1074 г.) [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 69–70].

Константин Умбертопул. Франкский архонт 1080-х – 1090-х гг., приближенный императора Алексея I. Карьера Умбертопула детально прослеживается по данным сфрагистики: протопроедр (до 1081 г.), протокуропалат и дука (около 1081 г.), новелиссим и дука (середина 1080-х гг.), протоновелиссим и дука (начало 1090-х гг.), севаст и дука (около 1094 г.) [Gautier, 1971, p. 217; Jordanov, 2006, p. 312–314; Серен, 2001, с. 165]. В 1091 г. Умбертопул ненадолго попал в опалу из-за заговора, составленного им вместе с армянином Ариевом [Анна Комнина, 2017, с. 190; Ioannis Zonarae, 1897, p. 741].

Гилпракт / Гилбрехт. Немецкий архонт, игемон (ὁ ἡγεμὼν τῶν Νεμίτζων), возглавлявший тагму немцев в Константинополе в 1081 г. Впустил в город войска узурпатора Алексея Комнина [Annae Comnenae, 2001, p. 79–81; Анна Комнина, 2017, с. 58–60].

Узо-печенежские архонты

Иоанн Кеген. Печенежский архонт 1040-х – начала 1050-х гг., принявший христианство. Носил звания патрикия, магистра и архонта Пачинакии (ὁ ἄρχων τῆς Πατζινακίας) [Jordanov, 1992, p. 79–82; 2006, p. 201–206; Seibt, Zarnitz, 1997, S. 131–132], получив от императора Константина IX земельные владения и три крепости на Дунае [John Skylitzes, 2010, p. 428]. В конце 1040-х гг. по обвинению в заговоре Кеген и его сыновья, *Валцар* и *Гулин / Кулин*, подверглись заключению [John Skylitzes, 2010, p. 435, 438]. В 1050–1051 гг. Кеген был направлен к своим восставшим соплеменникам, дабы привести их к миру и вернуть под власть императора, но печенеги убили его [John Skylitzes, 2010, p. 439–440].

Тирах. Печенежский архонт 1040-х – начала 1050-х гг. В 1047 г. Тирах со 140 своими мужами (οἱ ἄνδρες; вероятно, младшие вожди и ближняя дружина) прибыл в Константинополь, где они были благосклонно приняты, крещены и награждены титулами [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 459; John Skylitzes, 2010, p. 430]. В 1049 г. он и

другие архонты печенегов (οἱ ἄρχοντες τῶν Πατζινάκων), находившиеся в византийской столице, были направлены к соплеменникам для их усмирения, но перешли на сторону восставших [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 467–468; John Skylitzes, 2010, p. 436–437].

Каталим. Печенежский архонт, один из четырех игемонов (οἱ ἡγεμόνες), наряду с *Султуном*, *Селте* и *Караманом*, возглавлявших пятнадцатитысячный корпус соплеменников, который в 1048 г. был отправлен на восток для ведения боевых действий против сельджуков. Именно Каталим спровоцировал мятеж печенегов у Даматриса и повел войско обратно на запад [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 460–461; John Skylitzes, 2010, p. 430–432].

Тамин. Печенежский либо узский архонт, вместе со своим отрядом перешедший на сторону сельджуков накануне битвы при Манцикерте (1071 г.) [Michael Attaleiates, 2012, p. 286–287].

Уза. Узский архонт 1080-х – начала 1100-х гг. Альберт Аахенский в своей «Иерусалимской истории» (вторая четверть XII в.) именует его «*дукой болгар*» (duce Bulgarorum) [Albert of Aachen, 2007, p. 626–627].

Аргир Караца. Печенежский либо узский архонт 1080-х – 1090-х гг., куропалат и великий этериарх (около 1087–1092 гг.), протокуропалат и дука Филиппополя (1092–1095 гг.) [Jordanov, 2003, p. 163–164; 2006, p. 188–190]. Анна Комнина писала о Караце, что «*этот человек отличался большим благоразумием и был слугой добродетели и истины*» [Анна Комнина, 2017, с. 191].

Монастра. Печенежский, узский либо турецкий архонт 1090-х – начала 1110-х гг., «полуварвар». Ни должность, ни титул неизвестны. Владел турецким языком [Анна Комнина, 2017, с. 249]. Он и Уза характеризовались как «*мужи любезные Арею и весьма воинственные*» [Анна Комнина, 2017, с. 174].

Турецкие архонты

Амертикий. Турецкий архонт на византийской службе в 1056/1057–1063 гг. Около 1059–1061 гг. был отправлен в ссылку императором Константином X по обвинению в попытке покушения на его жизнь. В 1063 г. Амертикий был

возвращен на службу и во главе контингента соплеменников направлен противостоять сельджукскому вторжению в Киликию, однако из-за проблем с выплатами жалования перешел на сторону мирдасидского эмира Алеппо. В дальнейшем осуществлял набеги на византийские владения в Сирии [Michael Attaleiates, 2012, p. 172–175; PBW, Amertikes 101; Moravcsik II, 1983a, S. 66; Brand, 1989, p. 2; Beihammer, 2017, p. 118–119].

Хрисоскул / Эл-басан. Сельджукский архонт, игемон (ὁ τῶν Τοῦρκων ἡγούμενος), военачальник (ὁ στρατάρχης τῶν Οὐννων, ὁ τῶν Τοῦρκων στρατηγός) [Michael Attaleiates, 2012, p. 258–259; Nicéphore Bryennio, 1975, p. 101] на византийской службе в 1070-е гг. Император Роман IV даровал ему титул проэдра и часто советовался с ним относительно подготовки похода против сельджуков [Michael Attaleiates, 2012, p. 258–261]. В 1078 г. Хрисоскул успешно выступил в роли посредника между Никифором Вотаниатом и сельджукскими лидерами Сулейманом и Мансуром, чем открыл узурпатору возможность занять Никею [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 112–113].

Сулейман ибн Куталмыш. Сельджукский архонт (ὁ τῶν Τοῦρκων ἄρχων), экзархонт (ὁ τῶν Τοῦρκων ἐξάρχων) [Nicéphore Bryennio, 1975, p. 241, 259] в 1077–1086 гг. Совместно со своим братом *Мансуром* выступал в качестве союзника Михаила VII, Никифора Вотаниата и Никифора Мелиссина, пользуясь византийскими конфликтами для установления собственной власти на северо-западе Малой Азии. С 1081 г., когда Сулейман и император Алексей I заключили договор об установлении византино-сельджукской границы по реке Дракон [Анна Комнина, 2017, с. 87], поставлял Комнину наемные отряды [Анна Комнина, 2017, с. 115–116].

Камир. Сельджукский архонт, один из игемонов (οἱ ἡγεμόνες), «превосходивший остальных возрастом и опытом», семитысячного турецкого корпуса на византийской службе в 1083–1095 гг. [Annae Comnenae, 2001, p. 154; Анна Комнина, 2017, с. 115–116] В 1095 г. Камир осуществил ослепление Лже-Диогена [Анна Комнина, 2017, с. 223].

Илхан. Сельджукский архонт, принявший христианство и возглавлявший тагмы соплеменников на византийской службе в 1086/1087–1095 гг. [Анна Комнина, 2017, с. 150–151, 218]

Скаларий. Сельджукский архонт, «один из наиболее славных восточных игемонов», принявший христианство и возглавлявший тагмы соплеменников на византийской службе в 1086/1087–1107/1108 гг. [Annae Comnenae, 2001, p. 398; Анна Комнина, 2017, с. 151, 218, 303]

Предпринятый нами просопографический анализ группы из 45 этнических предводителей позволяет сделать следующие общие выводы:

1) Командование контингентами иностранных наемников осуществлялось их собственными этническими лидерами, опиравшимися на свой авторитет внутри объединений соплеменников. Византийцами они именовались архонтами, экзархонтами, экзархами, архигами и игемонами. Эти вожди могли получать имперские титулы и должности разного уровня, в зависимости от статуса, происхождения, достижений, личных связей, симпатий со стороны правительства. Важнейшим и, судя по всему, обязательным фактором являлось принятие христианства;

2) Архонты соплеменников оказывали существенное влияние на ход военных действий и политическую ситуацию в империи: они вели войска в бой и повышали их боевой дух, дезертировали из армии военачальника, с которым произошел конфликт, организовывали заговоры, устраивали бунты, поднимали мятежи, выступали на стороне императора или претендента на верховную власть в случае апостасии, перетягивали на свою сторону тагмы единоплеменников, переходили к неприятелю, создавали собственные политии и т. п.;

3) Часть архонтов успешно инкорпорировались в ромейское общество, порой достигая чрезвычайно высокого положения. Часть, получив желаемые деньги, материальные ценности и престиж, после службы отправлялись обратно на родину. Те, кому повезло меньше, теряли свои жизни в результате интриг, заговоров и военных столкновений.

ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННОГО НАЕМНИКА

5.1. Правовой статус

Юридическое положение иностранного наемника, т. е. обязанности, права и свободы данной категории солдат, системно не оговаривается в каком-либо византийском документе. Мы можем говорить об их правовом статусе лишь по отдельным пунктам сохранившихся договоров, тем или иным прецедентам, фиксируемым источниками, а также в связи с общими данными о положении имперских военнослужащих.

В первую очередь необходимо отметить, что этник мог как оставаться в статусе иностранца, ограничиваясь временным пребыванием на службе, так и принять ромейское гражданство. Это зависело от обстоятельств, сопровождавших его поступление на службу, ее характера (временная или постоянная с последующей натурализацией), условий заключенного с византийским правительством соглашения, отношений империи со страной-донором. Первая категория очевидно включалась в сферу действия «*ius gentium*» («права народов»), в то время как вторая попадала в поле «*ius civile*» («гражданского права») [Шукуров, 2022, с. 127–128; Kaldellis, 2019, р. 260–263]. Прямым подтверждением данного тезиса служит утверждение из сборника материалов судебной практики византийского юриста Евстафия Ромея (последняя треть X – середина XI вв.), так называемой «Пиры» [Бондач, 2008, с. 320–324], согласно которому иноземец, принявший византийские чины и жалование, должен был быть судим в соответствии с ромейскими законами, не имея права (в конкретном разбираемом случае) составить завещание по законам этническим [Jus Graeco-Romanum I, 1856, р. 39–40; Haldon, 1993, р. 62; Литаврин, 2000, с. 99].

Как простым солдатам-наемникам, так и их лидерам должна была быть обеспечена подобающая правовая защита, которая, впрочем, не ограничивала действий ромейских автократоров. Так, Скилица пишет, что император Константин

IX подверг печенежского архонта Кегена тюремному заключению из-за подозрений в заговоре, хотя «ему [императору] следовало бы проверить эти оговоры, чтобы узнать правду, но он не сделал этого, поверив в обвинения непоследовательные и противоречивые» [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 465–466; John Skylitzes, 2010, p. 435]. Атталиат утверждает, что император Роман IV осудил Роберта Криспина не вполне следуя закону и без надлежащей правовой процедуры [Michael Attaleiates, 2012, p. 228–229; Kyriakidis, 2021, p. 88]. В ином случае вызов франкского наемника на суд военачальника Исаака Комнина по обвинению в нанесении обиды местному жителю послужил предлогом для мятежа Руссея де Байоля [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 55].

Положение защитников империи наделяло солдат, как ромеев, так и этников, особым статусом, включавшим привилегии и налоговые льготы, соответствовавшие их званию и заслугам [Haldon, 1999, p. 269–270]. В связи с этим вероятным представляется предположение о том, что наемники должны были нести и ту же дисциплинарную ответственность, что и прочие военнослужащие, а именно подвергаться наказаниям, регламентированным «Воинским законом» и «Тактикой» Льва. Заговор, бунт, предательство, переход на сторону врага, сдача города, крепости или военного лагеря, самовольное оставление поста карались смертью. За неповиновение или неисполнение приказа, бегство из строя во время сражения, утрату бдительности при охране дворца полагалось телесное наказание, изгнание либо казнь. За причинение материального ущерба требовалось возмещение, за воровство, потерю знамени или оружия следовали наказание и ссылка. Беззаконие, совершенное в отношении воина, должно было разбираться архонтом тагмы либо вышестоящим архонтом [Лев VI Мудрый, 2012, с. 161–165; ΝΟΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ, 2017, с. 246–250].

Очевидно, в случае возникновения проблем и конфликтов с участием иностранных солдат имело место обращение к ромейскому и этническому архонтам наемных подразделений, а также к специальному чиновнику. Следует отметить, что этники стремились на правовых основаниях защищать собственную

идентичность [Ahrweiler, 1976, p. 122–123], сохранять свои армейские землячества с существовавшими внутри них порядками и обычаями. У ряда этнических контингентов фиксируется экстерриториальность. В частности, особым правовым статусом обладали подразделения росов и варангов [Miller, 1971, p. 69; Луговий, 2008б, с. 12].

Ряд положений, касающихся пребывания северных наемников в Византии, закреплён в текстах русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Ими предусматривались процедура разбора преступлений и надлежащие наказания *«по закону гречьскому [и] по уставу, и по закону рускому»*. Убийство каралось смертью, а в случае побега убийцы полагалась передача части его имущества родственникам убитого. За причинение увечья требовалась выплата возмещения *«по закону рускому»*. В кратном размере полагалось возмещение за кражу [Памятники права Киевского государства, 1952, с. 7–8, 11–12, 31–34, 37–39]. Функции расследования и исполнения правосудия возлагались на специального византийского чиновника [Памятники права Киевского государства, 1952, с. 31–32, 37]. Особым пунктом оговаривалась экстрадиция беглецов из Византии обратно на Русь [Памятники права Киевского государства, 1952, с. 9, 13–14].

Важнейшей проблемой являлся вопрос наследования. Тринадцатая статья русско-византийского договора 911 г. гласит: *«Если кто [из находящихся на службе росов] умрет, не завещав своего имущества, а своих [родственников] у него [в империи] не будет, то пусть возвратят его имущество ближайшим родственникам на Руси. Если же он составит завещание, то пусть тот, кому [он] написал [распоряжение] наследовать имущество, возьмет завещанное и наследует им»* [Памятники права Киевского государства, 1952, с. 9, 13]. Скандинавские сборники законов также включали пункты, регулировавшие имущественные отношения людей, находившихся в Византии. Норвежский «Закон Гулатинга» объявляет, что *«если человек отправляется в Грикланд, то его имущество переходит во владение прямого наследника»* [Пріцак, 1997, с. 495], а шведский

«Вестгёталаг» заявляет, что человек *«не имеет права на какое-либо наследство, пока проживает в Гиркланде [sic]»* [Прицак, 1997, с. 498; Blöndal, 2007, р. 223].

Ярким примером самостоятельного разрешения конфликта солдатами-этниками служит случай, произошедший в 1034 г. во Фракисии, где варанг, попытавшись изнасиловать местную женщину, был убит ею собственным же мечом. Сослуживцы погибшего передали женщине все имущество насильника, а его тело выбросили без погребения, согласно закону о самоубийцах [John Skylitzes, 2010, р. 372; Blöndal, 2007, р. 62–63]. Представляется, что данный акт, выполненный без какого-либо судебного разбирательства, был осуществлен по нормам византийского канонического права и государственного законодательства, не только запрещавших погребение самоубийц, но и предусматривавших конфискацию их имущества [Литаврин, 2000, с. 101–102].

В отдельных случаях Константинополь становился пространством для осуществления кровной мести. Около 1011 г. [Мельникова, 1998, с. 160] исландец Торстейн Стюрссон напал на своего кровника Геста Торхальссона и ранил того. Варанги готовы были *«по обычаю»* казнить Торстейна на месте, но за него вступились некоторые из них, включая самого Геста. Последний отдал половину своего имущества в качестве выкупа за жизнь Торстейна и конфликт был улажен [Исландские саги, 2000, с. 62]. Вполне вероятно, что наемники, как правило, старались *«замять»* дело в своей среде, без огласки и вмешательства имперских властей. Около 1034–1041 гг., совершая месть за брата, норвежец Торстейн Дромунд убивает исландца Торбьёрна Крючка. Убийца был схвачен, допрошен и судим уже местными чиновниками: *«казначей города»* (gjaldkerinn staðarins; должно быть, эпарх Константинополя) и *«советники города»* (ráðsmönnum staðarins) по *«их [т. е. ромейскому] закону»* приговорили Торстейна к пожизненному тюремному заключению с возможностью внесения выкупа [Grettis saga. 85. kafli; 86. kafli; Сага о Греттире, 1976, с. 136–139].

Интерес представляет также рассказ «Саги о Греттире» о неудачном браке знатной ромейской горожанки Спес и уступавшего ей в родовитости, однако

богатого Сигурда, варанга либо, что существенно вероятнее, купца. Дело об измене супруги, действительно имевшей место, было вынесено на епископский суд, где с помощью хитрости, поддержки родственников и подкупа Спес удалось добиться развода, получения большей части супружеского имущества и изгнания бывшего мужа из страны [Сага о Греттире, 1976, с. 138–144]. В целом, этот рассказ может быть рассмотрен в качестве реального прецедента, пусть и приукрашенного в духе распространенного литературного сюжета [Blöndal, 2007, p. 203–205].

Иностранные солдаты действительно имели право на вступление в брак с ромейскими женщинами, но едва ли подобные союзы являлись мезальянсами. Например, английский архонт Коулман, женившийся на «знатной и богатой женщине», и сам имел знатное происхождение, обладал богатством и влиянием [Vasiliev, 1937, p. 60–61; Ciggaar, 1974, p. 315, 320–321, 326–328].

Разумеется, как для заключения брака, так и для обеспечения себе наиболее оптимальных условий пребывания в империи в целом необходимым условием являлось христианское вероисповедание. Правовой статус христиан и выходцев из христианских стран был значительно выше, чем статус лиц, исповедовавших нехристианские вероучения [Литаврин, 2000, с. 99].

Расселение этников на имперских землях также очевидно сопровождалось их наделением по крайней мере частичными правами на недвижимое имущество. Этнические лидеры правомочно владели полученными за службу крепостями и поместьями [Литаврин, 1977, с. 103], в отдельных случаях освобождаясь от налогов, пошлин и повинностей. В конце IX – середине X вв. пленные арабы, принявшие христианство и расселяемые византийскими властями в пограничных фемах, получали там землю, денежные выплаты на обустройство и освобождение от налогов и повинностей в течении трех лет. Кроме того, на данный срок от налогов освобождалось и хозяйство, в котором такой араб был принят в семью в качестве зятя [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 694–695; Литаврин, 1977, с. 238–239; Филипчук, 2013, с. 230–231].

Непосредственно к военной сфере относилось право и одновременно обязанность наследственной службы, что было особенно актуально в отношении элитных императорских частей. Члены семей тех, кто находился на действительной службе, в частности, среди людей императора, в составе императорских этерий, освобождались от призыва в армию. При этом они могли рассчитывать занять место своего родственника, когда тот в силу обстоятельств его оставит [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 697–698]. Не случайно служба варангов характеризовалась как наследственная, *«переходящая от отца к сыну»* [Анна Комнина, 2017, с. 58].

Таким образом, можно заключить, что правовой статус иностранного наемника на византийской службе включал: гарантии защиты его прав и свобод, право собственности, право наследования (имущества и службы), право на вступление в брак, обязанности и ответственность военнотружущего, уголовную ответственность. На юридическое положение влияли его социальный статус, условия соглашения о службе, принятие ромейского гражданства и христианского вероисповедания. В ряде случаев этник одновременно оказывался под действием и ромейского, и этнического законодательства. Конфликты и проблемы с участием наемников решались либо ими самостоятельно внутри собственной среды посредством своих архонтов, либо специальными византийскими должностными лицами, либо, реже, самим императором.

5.2. Продолжительность службы, жалование, привилегии и организация быта

Служба этников по своей продолжительности фактически может быть разделена на две категории – временная и постоянная. В рамках первой она могла ограничиваться как участием в одном конкретном сражении или кампании, так и несколькими годами, пока наемник либо сам не решит выйти из состава византийских вооруженных сил, либо отпадет нужда в его услугах со стороны нанимателя. Вторая категория предусматривала оседание этнического контингента

в империи, принятие воинами и их лидерами ромейского гражданства. Необходимо, однако, подчеркнуть, что все сроки оговаривались индивидуально и так или иначе зависели от обстоятельств. Представляется, что временной период службы, равно как и возможность ее покинуть, должны были быть согласованы в рамках договора о найме.

Подробное содержание одного из таких договоров хорошо известно благодаря «Пряди об Эймунде Хрингссоне», в которой приводятся условия контракта, заключенного между князем Ярославом Владимировичем и отрядом норвежских наемников, предводительствуемым Эймундом. Контракт был заключен сроком на 12 месяцев с возможностью дальнейшего продления. В нем было оговорено предоставление варягам жилья, еды, одежды и снаряжения, а также предусматривался порядок оплаты. Каждому воину (*liðsmaðr*) из дружины Эймунда полагалось по 1 эйриру серебра (около 27 г), капитану корабля (*skipstjórnarmaðr*) – 1,5 эйрира (т. е. около 40,5 г). Часть платы выдавалась мехами и иными ценными предметами, а также военной добычей. При этом размер выплат напрямую зависел от военной активности – снижался в период отсутствия боевых действий и увеличивался пропорционально заслугам наемников в ходе войны [Мельникова, 1978, с. 289–295]. В то же время не вполне ясна регулярность условленных выплат. Текст саги, как кажется, позволяет предположить, что, учитывая их колеблющийся характер, они должны были осуществляться раз в месяц, а также в случае боестолкновений. Вполне вероятно, что подобные стандартные условия ложились и в основу соглашений, заключаемых византийским правительством.

Следует выделить пять основных форм оплаты и обеспечения этников в Византийской империи в середине IX – XI вв. Во-первых, рога (*η ρόγα*) – регулярные (раз в месяц, раз в год [Michael Attaleiates, 2012, p. 260–261] или раз в несколько лет [Ибн Хордадбех, 1986, с. 102]) выплаты деньгами и одеждой в пропорциональной зависимости от занимаемой должности и титула. Рога выплачивалась также за участие в экспедиции [Glykatzi-Ahrweiler, 1960, p. 7–8]. Во-

вторых, ситиресий (τὰ σιτηρέσια) или опсоний (τὸ ὀψώνιον) – ежемесячное и выдаваемое также перед началом кампании натуральное (продовольствие, фураж) и вещевое (одежда, снаряжение, оружие) довольствие. Ближе к середине XI в. ситиресий стал включать и денежные выплаты [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 487–488; John Skylitzes, 2010, p. 455; Кекавмен, 2003, с. 536–537]. В-третьих, митатон (τὸ μῖτᾱτον) – государственная повинность по приему на постой и обеспечению солдат и командиров византийской армии [ODB, 1991, p. 1385]. В-четвертых, награды за особые свершения, раздачи и подарки по особым случаям (в честь праздника, триумфа, восшествия на престол нового императора и пр.). В-пятых, участие в разделе военной добычи.

Средняя рога рядового византийского солдата в рассматриваемый период составляла, по разным оценкам, от 9–10 до 12–18 номисм³ в год [Treadgold, 1995, p. 126–127; Blöndal, 2007, p. 25; Литаврин, 2000, с. 89]. Такса, однако, различалась в зависимости от статуса подразделения и ожидаемой степени его участия в боевых действиях [Haldon, 2000, p. 302–305]. Учитывая, что этник, в отличие от солдата-ромея, как правило, не имел в Византии иного источника дохода, кроме выплат от государства, его рога должна была быть выше как минимум в 1,5 раза [Литаврин, 2000, с. 89].

Известно, что за участие в Критской экспедиции 910–911 гг. контингент из 700 наемников-росов получил 1 кентинарий золота (7200 номисм) [Haldon, 2000, p. 204–205], т. е. около 10 номисм на человека. Следуя условной эймундовой формуле, предводители росов должны были заработать около 15 номисм каждый. А. М. Филипчук, предпринявший детальные расчеты платы за услуги росов в Критской экспедиции 949 г., пришел к выводу, что для капитана корабля таковая составляла около 42–45 номисм, для воина – около 28 номисм, для слуги – около 22 номисм [Филипчук, 2008а, с. 14–20]. Очевидно, что такса оплаты этой группы этников имела тенденцию к возрастанию: если в первой половине – середине X в. они получали около 10–15 и 22–28 номисм соответственно, то во второй половине

³ Номисма – византийская золотая монета весом в 3,79–4,55 г [Сорочан, 2001, с. 468–469].

X – первой половине XI вв. данная сумма выросла до как минимум 27–30 номисм в год [Филипчук, 2008а, с. 24, 29].

Большее вознаграждение закономерно ожидало наемного иностранца в рядах элитных подразделений, таких как императорская этерия. Годовая рога членов этерии в последней четверти IX – середине X вв. составляла от 40 номисм для Великой этерии, от 20 номисм для Средней и от 12 номисм для Третьей [Constantine Porphyrogennetos, 2012, p. 692–693]. При этом важно отметить, что плату для формального вхождения в состав этерий и получения аннуитетного дохода, вероятнее всего, вносили лишь богатые византийцы [Oikonomides, 2001, p. 16–19; Алексеенко, 2018, с. 113–115], не исполнявшие собственно функций телохранителей, но никак не сами солдаты и их архонты [Blöndal, 2007, p. 26; Филипчук, 2008а, с. 23].

Архонты этерии получали часть от даров, преподносимых императору [Constantine Porphyrogennetos, 2012, p. 487–488]. На зимний праздник Врумалию денежные раздачи для этерий составляли: 500 милиарисиев⁴ для Великой, 200 милиарисиев для Средней и 200 милиарисиев для Третьей [Constantine Porphyrogennetos, 2012, p. 607]. По 1 номисме даровалось иноземцам этерии в честь праздника Пасхи [Constantine Porphyrogennetos, 2012, p. 772]. Специальные выплаты за обязанности по охране императорского дворца также могли приносить этникам дополнительный доход в виде 2–10 номисм в год [Филипчук, 2008а, с. 22–23].

Раздача роги традиционно осуществлялась в неделю перед Вербным воскресеньем императором и паракимоменом в зависимости от ранга получателя [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 109–110]. На местах рога раздавалась военачальником вместе с направленным императором чиновником [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 487–488; John Skylitzes, 2010, p. 455].

---

⁴ Милиарисий – византийская серебряная монета весом около 3 г, 1/12 номисмы [ODB, 1991, p. 1373; Сорочан, 2001, с. 468].

Дополнительные выплаты предусматривались в период пребывания армии в походе вместе с императором: один раз в 1–2 недели архонтам этерии и этериотам жаловались деньги и дорогие одежды [Constantine Porphyrogenitus, 1990, p. 111; Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 471, 473]. Когда император с армией пребывал в пустынных землях Сирии его телохранители и архонты в зависимости от своего ранга получали по 1–4 милиарисия [Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 488]. Для 100 иноземных воинов-этериотов на кампанию выделялось 50 вьючных животных и 100 вьючных лошадей [Constantine Porphyrogenitus, 1990, p. 119; Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 478]. Каждое воскресенье этериоты-ромеи должны были получать по 1 животному на убой для 10 человек, но этериотам из числа этников выделялась 1 корова на 30 человек [Constantine Porphyrogenitus, 1990, p. 133; Constantine Porphyrogenetos, 2012, p. 490–491].

В отношении этнических телохранителей императора Кекавмен указывал, что они должны сполна получать *«ситиресий в свой срок, каждый месяц, – и фураж и свою рогу в целости»* [Кекавмен, 2003, с. 292–294]. Однако же, иноземным солдатам в целом он предлагает платить в основном лишь пищей и одеждой [Кекавмен, 2003, с. 294–295]. *«Деньги нужны нам, и не желают мои люди сражаться за одну только еду»* [Мельникова, 1978, с. 293] – мог бы ответить на это Эймунд Хрингссон. Возможно, именно подобное стремление отмечал Константин Багрянородный, говоря о *«прирожденной жадности к деньгам и ненасытности, никогда не удовлетворяемой»* у северных народов [Константин Багрянородный, 1991, с. 54–55]. В действительности в идее отказа от денежной платы этникам может быть угадан чисто экономический расчет, ведь получение ими денежных средств означало отток этого золота и серебра за пределы границ империи, их выход из кругооборота византийской экономики [Prigent, 2014, p. 224].

Раздачи и подарки осуществлялись из императорских арсеналов и складов, где хранились шелковые и шерстяные ткани, одежды, плащи, доспехи, оружие и боеприпасы [Сорочан, 2001, с. 293–294]. Для нужд экспедиций закупалось и

предоставлялось все необходимое, вплоть до тканей для парусов кораблей [Haldon, 2000, p. 228–229; Щавелев, 2021, с. 152–153].

Одежда, даруемая служилым этникам, включала как обычное повседневное платье, так и парадные облачения. Последние выдавались в основном солдатам гвардейских подразделений, исполнявшим церемониальные функции. Воины получали плащи и скарамангии – шелковые рубахи или кафтаны с длинными рукавами, имевшие различные цвета и украшенные золотой вышивкой [Dawson, 2015, p. 36, 153]. Гвардейцы облачались в скарамангии и плащи золота и пурпура – императорских цветов [Филипчук, 2008а, с. 25–28]. Разноцветные, вероятнее всего шелковые [Литаврин, 2000, с. 102], одежды наемников-варангов представлены на одной из миниатюр «Мадридского Скилицы» [History of Byzantium by John Skylitzes, image 425]. Другим характерным элементом являлись полученные в Византии оружие, щиты и доспехи – в ряде случаев позолоченные. Именно в позолоченных доспехах и шлемах императорские телохранители изображены на другой миниатюре [History of Byzantium by John Skylitzes, image 62]. И если исландец Грис Сэммингссон привез с византийской службы *«меч, который ему подарил конунг Гарды»* [Hallfreðar saga vandræðaskálds. 10. kafli], то его соотечественник Болли Болласон со своими спутниками разжились в империи значительно большим добром [Сага о людях из Лаксдаля, 1956, с. 436–437; Laxdæla saga. 77. kafli].

Дополнительные подарки и плата могли быть выданы за участие в особо опасном предприятии. Так, в сентябре 1047 г. арабский отряд императорской стражи, вступивший в сражение с превосходящими силами узурпатора Льва Торника у стен Константинополя, получил дары непосредственно перед выступлением [Michael Attaleiates, 2012, p. 42–43]. Франкский наемник, самолично уничтоживший сельджукскую метательную машину в ходе осады Манцикерта 1054 г., был вознагражден дарами от жителей города и присвоением должности и титула от императора [Matthew of Edessa's Chronicle, 2017, p. 61].

Серьезным материальным стимулом для исправной службы и стремления проявить себя в сражении являлось последующее распределение трофеев – денег, продовольствия, скота, фуража, оружия и доспехов, а также пленных [Лев VI Мудрый, 2012, с. 38–39]. Согласно византийским нормам раздела военной добычи, как правило, 1/6 либо 1/5 часть отводилась в пользу императорской казны, а остальное предназначалось для солдат и архонтов. Особо проявившие себя воины и подразделения должны были быть вознаграждены в первую очередь, в том числе, в зависимости от решения военачальника, трофеями из императорской доли [Лев VI Мудрый, 2012, с. 334]. Им предоставлялась привилегия *«участвовать в разграблении добычи, если имеется захваченное имущество, или обоз, или город, или кастрон, или что-либо другое»*. Кроме того, такие военнослужащие приглашались на устраиваемые в честь победы торжественные застолья – архонты пировали вместе со стратигом, а солдаты со своими архонтами [Лев VI Мудрый, 2012, с. 247–248]. В качестве примера получения этниками значительной части добычи следует привести эпизод из Болгарской кампании 1016–1018 гг., когда из трофеев, приобретенных в ходе взятия крепости Лонгос и рейда на равнины Пелагонии, император Василий II взял 1/3 часть себе, 1/3 выделил ромейским войскам и 1/3 отдал контингенту русских наемников [John Skylitzes, 2010, p. 337].

Не должно вызывать сомнений предположение о том, что, когда этнический архонт действовал в качестве автономного командующего, имели место злоупотребления в распределении трофеев. В частности, известно, что Харальд Сигурдарсон обвинялся в том, что *«присвоил имущество греческого конунга [т. е. императорскую часть добычи], которое захватил во время военных походов»* и, будучи предводителем варангов, брал из трофеев долю большую, чем полагалось по закону [Снорри Стурлусон, 1980, с. 409; Джаксон, 2001, с. 110]. Происхождение огромных богатств, приобретенных Харальдом в Византии, Снорри Стурлусон среди прочего объясняет правом *«обхода палат [императорского дворца]»* (*«pólútasvarf»*): *«Харальд трижды ходил в обход палат, пока находился в Миклагарде. Там было в обычае, что всякий раз, когда умирал конунг греков,*

веринги имели право обходить все палаты конунга, где находились его сокровища, и каждый был волен присвоить себе то, на что сумеет наложить руку» [Снорри Стурлусон, 1980, с. 411]. Едва ли такая привилегия существовала в действительности. С большей вероятностью таким образом сага маскирует и оправдывает участие варангов Харальда в разграблении императорского дворца в ходе свержения Михаила V в апреле 1042 г. [Джаксон, 2001, с. 106–113]

Проблемы с выплатами вознаграждений и обеспечением закономерно вызывали недовольство этников, приводя к конфликтам, их уходу со службы и открытым мятежам. Скилица сообщает, что разногласия между франками Ардуина и византийским командованием Сицилийской экспедиции в 1040 г. были вызваны тем, что наемники не получили своего месячного ситиресия [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 426; John Skylitzes, 2010, p. 401]. Гоффредо Малатерра и Вильгельм Апулийский уточняют: при дележе добычи, взятой в битве при Тройне, Георгий Маниак не выделил норманнам никакой доли, несмотря на их решающую роль в сражении [Geoffrey Malaterra, 2005, p. 56–57; Guillaume de Pouille, 1961, p. 110–111]. Контингент турок под предводительством Амертикия в 1063 г. переходит на сторону мирдасидского эмира Алеппо из-за того, что правительство Константина X удержало положенный им ситиресий [Michael Attaleiates, 2012, p. 172–175; Vryonis, 1971, p. 91]. В конце 1060-х гг. мятеж Роберта Криспина был спровоцирован недовольством норманнского лидера обретенным на имперской службе положением и недостаточными выплатами [Michael Attaleiates, 2012, p. 224–225; Shepard, 1993, p. 297–298; Kaldellis, 2017, p. 243]. В 1074–1075 гг. большая часть воинов шеститысячного аланского корпуса, требуя от Никифора Палеолога платы прежде, чем вступить в сражение с Русселем де Байолем, покидает византийскую армию, не добившись требуемого [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 78].

Естественно, что внешние и внутренние проблемы, обрушившиеся на империю с середины XI в. и приведшие к росту опоры на наемные подразделения, повышали и их расценки. На увеличение денежной платы этников также влиял

усилившийся во второй половине XI в. процесс обесценивания номисмы [Hendy, 1985, p. 508–510; Laiou, Morrisson, 2007, p. 148–150].

Организация проживания иностранных контингентов заключалась в их постоянном размещении в провинции либо временной расквартировке на зиму в хозяйствах, несущих обязанности митатона. В иных случаях этнические лидеры со своими людьми обосновывались в предоставленных императором поместьях и крепостях: армяне и франки на востоке Анатолии, северопричерноморские тюрки на Балканах, англичане на Азиатском Боспоре и т. д. Столичные и гвардейские части имели собственные казармы в Константинополе и внутри императорских дворцовых комплексов. Именно в верхних помещениях дворца, предоставленных для их проживания, забаррикадировались мятежные варанги в ходе своего бунта против Никифора III [Michael Attaleiates, 2012, p. 538–539].

Поскольку бездеятельность справедливо считалась вредной для армии, византийские войска должны были регулярно находиться в состоянии тренировок и военных учений [Лев VI Мудрый, 2012, с. 42–43]. Коллективные и индивидуальные тренировки включали занятия по боевому слаживанию подразделений, нахождение и движение в боевых построениях, разучивание команд и сигналов, тренировочные сражения, ходьбу и бег по ровной и пересеченной местности, метание и стрельбу, верховую езду, упражнения для укрепления тела – для *«каждого стратиота в отдельности в соответствии с его специализацией»* [Лев VI Мудрый, 2012, с. 143–161; Лев Диакон, 1988, с. 23]. Тяжеловооруженных пехотинцев полагалось, в частности, *«тренировать в единоборствах друг с другом с использованием щитов и палок»* [Лев VI Мудрый, 2012, с. 144]. Подобные тренировки, проводимые среди этников в начале XI в., упоминаются в «Саге о битве на Вересковой Пустоши», сообщающей, что *«у варягов и норманнов был обычай днем устраивать игры [leikum] и соревноваться в борьбе [fangbrögðum]»* [Heiðarvíga saga. 12. kafli; Исландские саги, 2000, с. 62]. Кроме того, перед походом в обязательном порядке проводился смотр оружия солдат [Сага о Греттире, 1976, с. 137].

Империя бесспорно была в состоянии обеспечить своим наемникам хорошее питание. Однако серьезной проблемой являлась чрезмерная, варварская страсть тех к употреблению вина. В византийской армии вино использовалось для празднования и психологической разрядки, в качестве лекарственного и антисептического средства [Капсалькова, 2015, с. 114–116]. И если пристрастие к алкоголю с вызываемыми им последствиями не было широко распространено среди солдат и архонтов ромейского происхождения [Мохов, Капсалькова, 2019, с. 214–215], то в отношении иностранцев имеется ряд примеров, когда их неумеренное винопитие приводило к печальным результатам. Так, в 1077 г. варангский агент, отправленный для того, чтобы перетянуть на сторону императора варангские тагмы, присоединившиеся к апостасии Никифора Вриенния Старшего, и убить его брата Иоанна, остановился в одной из таверн Адрианополя и, «*выпив там много вина*», разболтал о своей миссии, был схвачен, подвергнут пыткам и лишен носа [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 99–100]. События варангского мятежа 1078/1079 г. Атталиат объясняет тем, что эти солдаты были «*совершенно пьяны, так как был поздний вечер, когда они теряют способность мыслить из-за чрезмерного употребления неразбавленного вина, ибо не могут напиться им вдоволь*» [Michael Attaleiates, 2012, p. 538–539]. На вреде пьянства настаивал датский конунг Эйрик I в своей речи, обращенной к служилым соотечественникам [Саксон Грамматик 2, 2021а, с. 49–50]. Наконец, в 1095 г. мятежник Лже-Диоген был хитростью схвачен в крепости Пуца вместе с отрядом сопровождавших его кыпчаков благодаря тому, что они предались непомерному винопитию [Анна Комнина, 2017, с. 222–223].

В целом, можно констатировать, что иностранные наемники могли выходить из-под контроля и создавать проблемные ситуации не только в случае недовольства собственным положением и оплатой, но и из-за достаточно распространенной в среде отдельных этнических групп склонности к потреблению алкоголя.

5.3. Имперская пропаганда

Одной из задач византийской администрации в отношении иностранцев являлось оказание на них мощного пропагандистского воздействия. Стремление обеспечить престиж империи, утвердить идею о ее военно-политическом и экономическом превосходстве вели к необходимости впечатлить иноземцев и распространить на них культурно-религиозное влияния Византии. Демонстрация богатства и военной силы проводилась как для иностранных дипломатов, так и для пойманных шпионов, чтобы по возвращении *«они внушили своим соплеменникам страх»* [Лев VI Мудрый, 2012, с. 267].

Специальные методы пропагандистского воздействия использовались также при взаимодействии с наемниками. Образцовое описание таковых содержится в тексте «Обращения императора Константина к восточным стратигам», предназначенного византийскому командованию войск, действовавших в сирийско-месопотамском регионе в 958 г. [Δημηγορία Κωνσταντίνου βασιλέως, σ. 3; Мохов, Капсалыкова, 2019, с. 150–151]. Из текста источника ясно видно, что Константинополь ставил перед своим армейским командованием следующие задачи: 1) демонстрация военной мощи и силы византийской армии, ее доминирования на поле боя, мужества и мастерства ее солдат; 2) превращение этников в агентов влияния, распространяющих имперскую пропаганду по возвращении на родину; 3) предоставление этникам богатых, производящих впечатление трофеев, несущих функцию вещественных доказательств их слов.

В совокупности эти действия должны были привести к повышению престижа империи в глазах иноземцев и складыванию образа ее вооруженных сил как выгодного места службы с перспективой последующего увеличения притока наемных воинов. Эффект, производимый материальными ценностями этников, вернувшихся с византийской службы, красноречиво описан в эпизоде прибытия в Исландию Болли Болласона с его компаньонами: *«Везде, где они останавливались, женщины оставляли все свои дела и только смотрели на Болли, и на его великолепие, и на его сотоварищей»* [Сага о людях из Лаксдаля, 1956, с. 436–437;

Laxdæla saga. 77. kafli]. На рунических камнях, воздвигнутых в память о людях, побывавших в Византии и служивших там в качестве варангов, нередко можно встретить слова о том, что тот или иной человек «добыл [там] золото», «приобрел богатство» [Мельникова, 2001, с. 349–351]. Представляется, что наделение иностранных солдат богатыми подарками таким образом было нацелено не только на удовлетворение их собственных требований, но и на конструирование в их странах положительного общественного мнения относительно военного наемничества в Византии.

Поскольку престиж державы ромеев действительно чрезвычайно заботил византийскую аристократию, отдельные ее представители, такие как Кекавмен, выступали против возвышения иностранцев через дарование им высоких титулов и должностей, аргументируя это тем, что информация о подобном непременно распространится у них на родине и нанесет ущерб образу империи и ее народа. И лишь материальная выгода, по мнению Кекавмена, должна способствовать желаемому императором притоку наемников [Кекавмен, 2003, с. 294–295].

Другой путь имперского воздействия основывался на активном распространении среди этников христианского вероучения. Народы, принявшие христианство, характеризовались императором Львом VI как «умиротворенные, союзные, единоверные и подвластные». Он подчеркивал, что они «некогда пребывали в безверии, но ныне преданы истинной Христианской вере и сейчас либо дружественны нам, либо подвластны нашему Божественному царствованию» [Лев VI Мудрый, 2012, с. 278–279]. Более того, сама возможность принять крещение позиционировалась как величайший из императорских даров [Анна Комнина, 2017, с. 151]. Люди, побывавшие в Византии и либо принявшие, либо приблизившиеся к принятию христианства, закономерно становились помощниками в его распространении. Исландец Финнбоги говорит императору Иоанну Цимисхию: «Обещаюсь я вам, что если вы пошлете на север посольство, то немногие примут эту веру раньше меня, и буду я побуждать к этому всех, кто захочет слово мое слушать» [Finnboga saga gamma. 20. kafli].

Христианство связывалось с Византией, что, соответственно, определяло ориентацию части его адептов на Константинополь. Ярким примером здесь служит обозначение христианского Бога в поэзии скальдов: «*Покровитель Страны Греков*» / «*gætir Griklands*» у Торарина Славослова и «*Страж Греков и Гарды [Руси]*» / «*Grikkja vörðr ok Garða*» у Арнора Скальда Ярлов [Прицак, 1997, с. 303; Мельникова, 2011, с. 381–382].

Отказ от принятия христианства или перехода к исповеданию его византийского образца несомненно вызывал раздражение Константинополя, поскольку лишал империю действенного рычага контроля и влияния. Так, «*сильное недовольство императора и греков*» вызывает именно сохранение английскими переселенцами католицизма и церковной юрисдикции Римского папы, их нежелание подчиняться Константинопольскому патриарху [Siggaar, 1974, p. 323]. С военно-идеологической точки зрения крещение этников было необходимо для их интеграции в византийские вооруженные силы в рамках концепции «христолюбивого воинства», являлось важным условием для поступления на службу и поселения в имперских пределах. Вместе с тем инициированная византийским правительством христианизация той или иной этнической группы служила символом ее подчинения, свидетельством военно-политического превосходства империи. Хорошим примером тому представляются условия при которых происходит крещение печенежских вождей Кегена и Тираха вместе с их окружением [John Skylitzes, 2010, p. 427–430; Козлов, 2015].

Таким образом, можно сделать вывод, что византийские методы пропагандистского воздействия на контингенты иностранных наемников основывались, во-первых, на демонстрации военного, политического и экономического потенциала империи и, во-вторых, на утверждении культурно-религиозного и политического влияния посредством распространения христианства.

ГЛАВА 6. ОБРАЗ ИНОСТРАНЦА-НАЕМНИКА В СОЧИНЕНИЯХ ВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ

Иностранный наемник, вне зависимости от приобретенного в империи положения, неизбежно воспринимался византийцами в качестве Другого – чужака, отличающегося от ромеев этнически, в плане менталитета, мотивации, внутренних и внешних характеристик. Авторы византийских исторических сочинений, в целом следуя общевизантийской концепции изображения Другого, в зависимости от личных предпочтений и политических взглядов, по-разному описывали и характеризовали иностранного наемника, конструируя образы подчас весьма яркие и сложные. В связи с этим возникает ряд вопросов: как византийские авторы относились к проблеме наемничества, как представляли себе и как репрезентировали читателю иностранного воина? Какие свойства и качества, характеристики и характеры выделяли в тех или иных этнических группах и их представителях?

Михаил Пселл, будучи значимым политическим деятелем и активным участником политической жизни империи, в особенности придворных заговоров и интриг, концентрирует внимание в первую очередь на Константинополе, дворце и правителях, при которых пребывают отряды иноземной стражи, на участии наемников в событиях столичных переворотов и мятежей знати. В специальной литературе нередко отмечается глубокая проработанность и высокий стиль сочинения Пселла, *«не столько излагавшего события, сколько создававшего образы героев, раскрывая их характеры»* [Бибиков, 1998, с. 129–130]. Однако фигуры иноземных воинов Пселл использует в основном в качестве массовки, выходящей на историческую сцену подчас лишь для того, чтобы ударами оружия и громкими криками восславить императора или военачальника, принять участие в императорской церемонии или триумфе, перевороте или мятеже.

Вопреки мнению Г. Г. Литаврина [Кекавмен, 2003, с. 106], Пселл не являлся принципиальным противником привлечения в вооруженные силы этников.

Напротив, в ряде случаев ромейский император получает от него совет собирать и укреплять иноземные отряды: *«пригласить на помощь союзников из соседних варварских стран, укрепить находившееся на нашей службе чужеземное войско»* [Михаил Пселл, 2003, с. 144, 346].

Критика Пселла направлена не на корпус иностранных наемников в целом, а на конкретных персон иноземного происхождения при императорском дворе, выступавших его политическими противниками. Варвары-придворные, согласно Пселлу, участвуют в двух заговорах против Константина IX в начале 1050-х гг. Одного из них, бывшего начальником наемных отрядов, Пселл характеризует как льстеца из окружения императорского фаворита и командующего Великой этерии Романа Воилы [Михаил Пселл, 2003, с. 118]. Относительно другого (вероятно, болгарина или печенега), попытавшегося убить императора и захватить верховную власть, он не скупится на крепкие выражения: *«поднок [ублюдок, отброс] из варваров, спесью своей затмивший любого ромея»* / *«κάθαρμά τι βαρβαρικόν, πᾶσαν ὑπεραναβεβηκὸς ἀγερωχίαν Ῥωμαϊκὴν»*, *«спесивый варвар»* / *«τὸν μεγάλανχον ἐκεῖνον βάρβαρον»*, *«рода безвестного... самого низкого и подлого»* / *«τὸ γένος ἄσημος... ἀγενέστατος καὶ φαυλότατος»* [Михаил Пселл, 2003, с. 113; Michael Psellus II, 1967a, p. 35–36]. Человек этот, дерзкий и хвастливый, возвышенный до ранга синклитика, якобы даже избивал будущих императоров и хвалился этим после прихода последних к власти [Михаил Пселл, 2003, с. 113]. Иное отношение Пселл проявляет к евнухам из окружения Константина VIII и Михаила V [Михаил Пселл, 2003, с. 22; Michael Psellus I, 1967, p. 27]. *«Скифские юноши»* (τὰ Σκυθικὰ μεῖράκια; печенеги либо болгары), составлявшие охрану Михаила, описываются им как преданные, *«знавшие, чего ему от них надо, и пригодные к службе, которую он от них требовал»* [Михаил Пселл, 2003, с. 60; Michael Psellus I, 1967, p. 95].

Шеститысячный «варяго-русский» контингент, прибывший к Василию II в конце 980-х гг., Пселл называет *«отрядом отборных тавроскифских воинов»* / *«τῶν ἐν τῷ Ταύρω Σκυθῶν λογὰς ἀξιόμαχος»*, противопоставляя их порицаемым императором *«неблагодарным [недоброжелательным] ромеям»* / *«τῶν Ῥωμαίων*

ἀγυρωμοσὸννης» [Михаил Пселл, 2003, с. 12; Michael Psellus I, 1967, p. 9]. Иверийским войскам, сражавшимся на стороне узурпатора Варды Фоки, Пселл также не отказывает в положительных характеристиках, говоря о них так: *«воинственные ивиры, цветущие юноши с первым пушком на щеках, одинаково высокого, как по мерке, роста, с мечами в руках, неудержимые в натиске»* [Михаил Пселл, 2003, с. 12].

По-видимому, намеренно Пселл акцентирует внимание на присутствии при императорах и претендентах на верховную власть варангских и франкских отрядов [Михаил Пселл, 2003, с. 145, 148–149]. Первые, *«вскормленные во дворце наемники»*, *«тавроскифы и некоторые другие, которых императоры обычно держат при себе»*, *«племя тех, кто потрясает секирой на правом плече»*, участвуют в императорских процессиях и триумфах, находятся рядом с правителем и характеризуются как стража высшего ранга, самая верная и преданная [Михаил Пселл, 2003, с. 64–65, 72, 98, 104]. Внушающими ужас, лязгающими оружием, будто зубами, и завывающими, подобно волкам, Пселл изображает их в событиях утверждения власти Михаила VII Дуки [Михаил Пселл, 2003, с. 189]. Они яростны, бешены, свирепы и в иных случаях неспособны обуздать своего гнева, *«не жалеют своей крови и не обращают никакого внимания на раны»* [Михаил Пселл, 2003, с. 64, 149]. Ужас, согласно Пселлу, внушает сам вид и образ варангов и франков, их яростно сверкающие глаза. Франки порывисты, быстры, неудержимы, *«быстро переполняются гневом»*, их натиск неотразим [Михаил Пселл, 2003, с. 149].

Классическому представлению о франкском предводителе на византийской службе соответствует выстроенный Пселлом образ Роберта Криспина. Это профессиональный, мужественный и храбрый воин, лидер, увлекающий своих людей за собой. Вместе с тем отмечается и политическая переменчивость франкского лидера [Михаил Пселл, 2003, с. 191–192].

В пышущих дикостью и варварским духом описаниях Пселла угадываются своеобразные восторг и благорасположенность, которые, однако, относятся именно к тем иноземцам, что находятся на имперской службе, являются как бы

своими чужими. Их сородичей же, не подчинявшихся власти ромейских автократоров, он выставляет в крайне негативном свете [Михаил Пселл, 2003, с. 98]. Например, печенеги в сочинении Пселла безбожны, опасны и вероломны: *«Договоры о дружбе для них ничего не значат, и даже поклявшись над жертвами, они не держат своего слова»*. Кроме того, они *«не сильны телом и не отважны духом»*, хотя отличаются презрением к смерти. Напоминая некое стихийное бедствие, они обрушиваются на врага с громким боевым кличем, преследуя и безжалостно истребляя, если тот бежит, но беспорядочно отступают, если противник выдерживает их натиск [Михаил Пселл, 2003, с. 165–166]. Закономерно, что применение пейоратива «варвар» и его производных в «Хронографии» касается тех персон и этнополитических общностей, которые, с точки зрения Пселла, враждебны империи [Lauritzen, 2019, p. 328–329] или выступают лично его политическими оппонентами, в то время как при нейтральной либо положительной оценке используются обозначения «иностранец», «чужеземец», «союзник», «наемник» и их производные.

Михаил Атталиат, так же, как и Пселл, занимавшийся чиновничьей деятельностью в судейской должности и близкий к придворным кругам, будучи константинопольским бюрократам представлял интересы военной аристократии. Судя по всему, он лично сопровождал византийскую армию в ходе Восточных кампаний Романа IV и был очевидцем сражения при Манцикерте. Значительное внимание в своей «Истории» Атталиат уделяет выстраиванию образа идеального императора в лице Никифора Вотаниата [Бибииков, 1998, с. 136–138; Michael Attaleiates, 2012, p. VII–IX; Neville, 2018, p. 151–152]. Закономерно, что большая часть похвал и критических замечаний, встречающихся в сочинении, является отражением личных симпатий и антипатий самого Атталиата [Kyriakidis, 2021, p. 84]. Он не выступает принципиальным противником присутствия иностранных наемных отрядов в византийской армии, но указывает на опасность их использования в борьбе с соплеменным или этнически близким противником

[Michael Attaleiates, 2012, p. 172–173, 286–287], а также на приносимый ими в отдельных случаях вред [Michael Attaleiates, 2012, p. 266–269].

Говоря о норманнах, Атталиат заявляет, что те, будучи «союзниками [ромеев], входившими в состав нашего содружества [*τῆς ἰσπολιτείας*; т. е. бывшими равноправными] и даже исповедуя одну с нами религию, теперь совершенно неожиданно сделались нашими врагами», поводом для чего он считает оскорбление, нанесенное византийским командованием Ардуину [Michael Attaleiates, 2012, p. 12–13]. Франки для него такие же христиане и Бог защищает, вдохновляет и направляет их на подвиги [Michael Attaleiates, 2012, p. 82–83]. Несмотря на то, что франки по природе своей жестоки, неверны и вероломны [Michael Attaleiates, 2012, p. 228–229], они отличаются храбростью и являются профессионалами в военном деле, благодаря чему могут приносить пользу державе ромеев, находясь у нее на службе [Michael Attaleiates, 2012, p. 60–61].

Роберт Криспин в сочинении Атталиата предстает в качестве великолепного воина и предводителя, оратора и ревнителя христианской веры, человека доблестного, достойного и милосердного. Причиной его мятежа Атталиат называет обиду франкского лидера на то, что император, по его мнению, «не оказал ему должных почестей и не дал подобающих даров» из-за чего Криспин начал «грабить и обирать сборщиков податей и других людей, с которыми сталкивался». Не сдерживая себя более верностью своему господину, Криспин, однако, «не убил ни одного ромея», что особо подчеркивается Атталиатом [Michael Attaleiates, 2012, p. 224–225]. Франки Криспина, энергичные, стремительные и хорошо вооруженные, громят посланные против них силы [Michael Attaleiates, 2012, p. 224–227], после чего их вождь произносит речь «и уместную, и не лишенную достоинств, ибо он осудил нечестивость ромеев, что в такой прекрасный и чудесный день [12 апреля 1069 г., праздник Воскресения Христова], праздник праздников, взяли за оружие, чтобы пролить христианскую кровь, в день, когда правоверным не позволено нападать даже на иноплеменников, и тем самым выставили на посмешище благодать Воскресения». При этом Криспин

мягко обращается с пленниками и следит за оказанием помощи раненым [Michael Attaleiates, 2012, p. 226–227].

Гораздо более противоречивый образ в «Истории» складывается у Руссея де Байоля. С одной стороны, франкский предводитель это сильный воин, *«исполненный воинственного пыла и отваги»*, выдающийся командир, почитающий людей опытных и мудрых, победитель турок [Michael Attaleiates, 2012, p. 270–271, 332–333, 336–337, 340–341, 376–379, 460–461], а с другой – человек нетерпеливый, хитрый, стремящийся к власти, чрезмерно гордый и полный *«варварской наглости [τοῦ βαρβάρου θρασύτητα]»* [Michael Attaleiates, 2012, p. 336–347]. Атталиат прославляет Руссея как защитника восточных владений империи и обвиняет Михаила VII в излишнем гневе на того [Michael Attaleiates, 2012, p. 362–363, 376–379].

Характеризуя росов и варангов, сражавшихся на стороне Алексея Комнина в битве при Афире, Атталиат указывает, что те громят неприятеля, убивают и захватывают пленников, *«будто закинув сети»* [Michael Attaleiates, 2012, p. 262–265]. Варангов-мятежников, восставших против Вотаниата, он изображает в самых темных тонах, движимыми злым демоном, что *«подстегнул в яростных душах этников... злобный порыв и дерзость, переполнив их желанием к убийству и жестокости»*. Эти пьяные, *«бесчеловечные варвары»* (οἱ ἀπάνθρωποι βάρβαροι), как пишет Атталиат, были переполнены силой, пылали яростью и несправедливым гневом, утратили всякий стыд и *«состязались в том, кто из них совершит наибольшее богохульство»*. Но и они в конечном итоге склоняются перед Вотаниатом и лишь самые *«безрассудные»* из их числа подвергаются наказанию [Michael Attaleiates, 2012, p. 536–541].

Печенегов Атталиат описывает как народ отвратительный во всех аспектах своей жизни, непокорный по своей природе, с характером *«варварским и дерзким»*, подобный змеям, движущимся с энергией и неукротимой силой, живущий войной и набегами [Michael Attaleiates, 2012, p. 52–55, 76–77]. Хищническая натура служилых печенегов используется в походах, когда *«грабительские отряды*

скифских наемников» направляются для разорения вражеских территорий и захвата пленников [Michael Attaleiates, 2012, p. 198–199, 270–271]. Атталиат рисует печенегов ненадежными, презирующими слабость и пользующимися ею в своих интересах [Michael Attaleiates, 2012, p. 476–479, 528–529]. Но они подчиняются таким императорам как Исаак Комнин и Никифор Вотаниат, которых «История» показывает наводящими на них ужас и внушающими уважение [Michael Attaleiates, 2012, p. 120–121, 550–553]. Печенежского архонта Селте, дерзнувшего противостать императору Исааку и разгромленного, Атталиат называет высокомерным и злобным, сравнивая его с *«зайцем, что спрятался глубоко в густом лесу»* [Michael Attaleiates, 2012, p. 120–123].

Пожалуй, главная отрицательная роль в «Истории» отведена туркам – народу, который во всех отношениях напоминал Атталиату узов и печенегов [Michael Attaleiates, 2012, p. 284–285]; демонстрируя *«неодолимую силу [τὸ ἀκαταμάχητον σθένος]»* [Michael Attaleiates, 2012, p. 76–77], был злобным, коварным, непостоянным и жадным, *«предающим любую дружбу за деньги»* и имевшим в *«обычае обманывать, убивать и предавать ромеев, не страшась нарушать данные клятвы»* [Michael Attaleiates, 2012, p. 364–365]. Повествуя о Хрисоскуле, Атталиат акцентирует внимание на его высоком статусе и том факте, что *«он предпочел более прослыть слугой [ὁ οἰκέτης] императора, чем военачальником [ὁ στρατάρχης] гуннов [т. е. турков]»*. Приводимое далее описание внешности Хрисоскула, как кажется, было призвано подчеркнуть декларируемую Атталиатом злую природу тюрок в целом, проявлявшуюся и в уродливости их тел: *«человек, что предстал пред ними [синклитиками], был молод, но имел рост почти что пигмея, а лицо у него было скифское и безобразное, потому как народ этот [турки] происходит от скифов и унаследовал их злонравие и уродство»* [Michael Attaleiates, 2012, p. 258–259].

Переход наемных турок, направленных императором Михаилом VII противостать Никифору Вотаниату, на сторону последнего Атталиат изображает как чудо и Божественное провидение: *«дерзкие и наиболее воинственные турки*

стали покорны и послушны, согласившись принять обязанность службы ему» [Michael Attaleiates, 2012, p. 436–439, 482–483]. Особо он подчеркивает переход сельджукских лидеров Сулеймана и Мансура в связи с их благородным происхождением. Турки Никифора в представлении Атталиата *«сделались единомышленниками ромеев, что были с ним, их сотоварищами в поддержке его правления, в верности и искреннем расположении. И исполнились слова пророка, что будет волк пастись вместе с ягненком, а барс с козленком»* [Ис. 11:6; Michael Attaleiates, 2012, p. 484–487].

Хроника Иоанна Скилицы, византийского юриста и высокопоставленного чиновника, имеет компилятивный характер, что в значительной степени усложняет вычленение из нее взглядов самого хрониста и создаваемых непосредственно им образов иностранных воинов. Стремясь к объективности, устранению из текста личного присутствия, собственных суждений и эмоций, Скилица подчас приводит оценки и характеристики авторов, сочинения которых он использовал при написании «Обозрения историй» [Бибиков, 1998, с. 138–140; Neville, 2018, p. 155–157]. В целом, он признает за иноземными солдатами и их лидерами положительные качества и воинскую эффективность, не проявляя в себе противника их присутствия в вооруженных силах империи.

Противостоящих империи росов хроника рисует совершающими ужасные зверства, жадными разорителями, несоблюдающими договора, *«полными варварской заносчивости [βαρβαρικῆς πεπληρωμένας ἀλαζονείας]»*, презирающими слабость и страх, проводящими ночи *«в пьянстве»* [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 287–289; John Skylitzes, 2010, p. 221, 265–266, 275–276]. Вместе с тем это хорошие солдаты, присутствие которых в армии императора Василия II позволяет тому легко разбить неприятеля под Авидосом [John Skylitzes, 2010, p. 319]. Высокое значение для хрониста имеет знатность предводителя, изъявившего желание поступить на ромейскую службу, что явно демонстрируют указания на родство с князем Владимиром Святославичем Сфенга и Хрисохира [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 354, 367; John Skylitzes, 2010, p. 336, 347]. Два образа варангских воинов хроника

выделяет в рассказе о событиях 1034 г. во Фракисии, где с одной стороны перед нами предстает подлый и жестокий варанг-насильник, а с другой – его сослуживцы, справедливо рассудившие дело [John Skylitzes, 2010, p. 372].

Франки в повествовании Скилицы воинственны, яростны и горды. Их предводители рассудительны и требовательны в отношении достойного обращения и полагающихся им вознаграждений [John Skylitzes, 2010, p. 401, 414, 452–453]. Эрве Франгопула хронист описывает как воина, что *«одержал много великих побед, оставаясь с того времени [Сицилийской экспедиции 1038–1040 гг.] и до сих пор открытым сторонником ромеев»*. В то же время франкский архонт – *«истинно варвар [οἷα βάρβαρος]»*, что *«был вне себя от ярости, совершенно неспособный проглотить своей гордости»*, чьей *«единственной мыслью было отмщение тому, кто нанес ему оскорбление»*. Однако Эрве осторожен и, чувствуя опасность, как христианский лидер, настойчиво убеждает своих солдат не доверять мусульманам [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 484–486; John Skylitzes, 2010, p. 452–453]. Внимания заслуживает и яркий рыцарский образ Рандульфа Франка, что посреди проигранного сражения при Аиде, среди бегущих войск императора Михаила VI и преследующих их солдат Исаака Комнина ищет знатного соперника для поединка [John Skylitzes, 2010, p. 461].

Скилица отмечает особую верность императору франкских и русских тагм [John Skylitzes, 2010, p. 457]. Лояльными нанимателю показаны и арабские наемники, служившие в этерии Варды Склира [John Skylitzes, 2010, p. 302].

Печенегов Скилица называет многочисленным и наиболее сильным из «скифских» народов [John Skylitzes, 2010, p. 426]. Их вождям, Тираху и Кегену, византийский хронист дает детальные характеристики, выстраивая их образы в противоположности друг другу. Тирах – человек благородного происхождения, но ничем не выдающийся и миролюбивый. Кеген – *«рода незначительного и почти что безвестного»* / *«τὸ μὲν γένος ἄσημος καὶ σχεδὸν ἀνώνυμος»*, но смелый и воинственный. Тирах ревнует к славе и популярности соперника, злоумышляя против Кегена, для которого остается единственная возможность к спасению –

просить покровительства ромейского императора [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 455; John Skylitzes, 2010, p. 427–428]. Кеген проявляет желание варварской жестокости в отношении пленников [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 459; John Skylitzes, 2010, p. 430]. Тирах и верные ему вожди, направленные для умиротворения печенегов, предают императора Константина IX, несмотря на данные ими клятвы и обещания, в то время как Кеген расплачивается жизнью за попытку выполнить возложенную на него миссию [John Skylitzes, 2010, p. 436–437].

Описывая события начала печенежского восстания 1048 г. близ Даматриса, Скилица выделяет две фракции печенегов – тех, кто выступал за подчинение императору, и тех, что считали необходимым закрепиться в горах Вифинии, отражая любую агрессию в свою сторону. По словам хрониста, печенежский архонт Каталим убедил соплеменников вернуться на запад и самолично перевел их через воды Босфора. Повествование о переправе печенегов, как кажется, проникнуто мотивами ветхозаветного Исхода [John Skylitzes, 2010, p. 430–431].

Печенеги, восставшие в Болгарии, частично *«вооруженные простыми топорами, косами и другими железными орудиями, взятыми с полей»*, занимаются жестокими и разорительными набегами: *«они безнаказанно грабили и жгли Фракию и Македонию, безжалостно вырезая даже младенцев»*. Они дерзки и вероломны, презирают слабость ромеев и, опьяненные победами в прямом и переносном смысле, *«пляшут под флейты и кимвалы»*. Лишь успехи византийцев и демонстрация силы вызывают у печенегов страх и осторожность, вынуждая в конечном итоге просить о мире [John Skylitzes, 2010, p. 431, 434–436, 440–441, 443].

Византийский военный чиновник Кекавмен принадлежал к средней прослойке провинциальной военной аристократии [Литаврин, Каждан, 1961, с. 284]. Его жизнь и деятельность проходили на Балканах, где он также принимал участие в ряде имперских военных кампаний [Дробышев, 2021, с. 541]. Сочинение Кекавмена несет глубокий отпечаток личного жизненного опыта и мировоззрения автора, для которого были характерны глубокий пессимизм, тревожность и подозрительность, недоверие к друзьям и соратникам, представление о лживости и

враждебности внешнего мира. Отдельные исследователи даже склонны говорить о «параноидальности» Кекавмена [Ransohoff, 2018, p. 77–91].

Кекавмен обладал твердой ромейской идентичностью, заключавшейся, с его точки зрения, в сопричастности ромейской этнополитической общности, государству и цивилизации, языку и религии [Roueché, 2003, p. 23–37; Дробышев, 2023, с. 110–112]. Инаковость иностранца по Кекавмену лежала именно в этнополитической плоскости, в то время как религиозный фактор он расценивал в рамках общей дихотомии христиан и нехристиан [Дробышев, 2020, с. 115–121].

Будучи убежденным патриотом с сильно выраженным национальным чувством, Кекавмен декларировал принцип превосходства ромея над любым иностранцем, полагая, что исключительно ромеям должны принадлежать первейшие и почетнейшие места в империи [Kaldellis, 2019, p. 95–96]. Однако он не выступает как принципиальный противник найма этнических контингентов, которые, по его мнению, являются эффективной воинской силой, но лишь настаивает на том, что подобные отряды не должны доминировать над отечественными войсками, оплачиваясь и обеспечиваясь лучше, нежели солдаты-ромей. В представлении Кекавмена иноземным наемникам свойственны жадность и высокомерие, а заполучив высокие титулы, они становятся неверны и небрежны в службе. В таком случае и сами наемники, и их соплеменники начинают презирать ромеев как людей бездеятельных и неспособных. В то же время они непременно должны получать причитающееся им вознаграждение – не слишком высокое, но сполна обеспечивающее их верность и преданность. Ключевую роль играет, опять же, происхождение чужеземцев, которых Кекавмен разделяет на тех, кто «из простонародья» / «ἐξ ἀγέλης ἔθνικόν» и тех, кто «из правящего [знатного] рода своей страны» / «ἀπὸ βασιλικοῦ γένους τῆς χώρας αὐτῶν» [Кекавмен, 2003, с. 292–295].

Для иллюстрации сказанного автор «Советов и рассказов» приводит в пример трех иноземцев, поступивших на имперскую службу: Петра, «родного племянника короля германцев», что «решил жить и умереть рабом» императора; Сенекерима

Арцруни, что *«был потомком древних царей и сам – царем»* и пожелал *«отдать свою страну багрянородному императору Василию [II], а сам – стать его рабом»*; и Харальда Сигурдарсона [Кекавмен, 2003, с. 294–301]. Последний изображается Кекавменом как идеальный образец служилого иностранца. Харальд – *«сын правителя Варангии»* и *«второе лицо в управлении государством»* после своего единоутробного брата, конунга Олава II. Молодым человеком он *«пожелал отправиться поклонить колена пред блаженным императором Михаилом Пафлагонянином и увидеть ромейские порядки»*, приведя с собой *«пятьсот отважных воинов»*. Он *«совершил великие подвиги»* на Сицилии (Сицилийской экспедиции 1038–1040 гг.) и *«дела, достойные его благородства и отваги»* в Болгарии (подавление восстания Петра Деляна 1040–1041 гг.), где Кекавмен, судя по всему, и свел знакомство с норвежским наемником. Внимание акцентируется на том, что Харальд, выходец из знатного рода, проявляющий почтение к империи и императору ромеев и совершающий боевые подвиги у него на службе, не ропщет из-за недостаточного вознаграждения и не требует титулов более высоких, чем ему полагается, а по возвращении на родину сохраняет верность и остается союзником ромеев [Кекавмен, 2003, с. 298–301]. Однако мечта об идеальном наемнике разбивается о несколько эпизодов из биографии Харальда, не упоминаемых Кекавменом: конфликт с византийским командующим в лице Георгия Маниака на Сицилии, участие в мятеже против императора Михаила V и последующее ослепление свергнутого византийского правителя, огромные, невероятные богатства, вывезенные из Византии. Создается впечатление, что Кекавмен искусственно конструирует идеальный образ, не то для получения хорошего примера, не то из искреннего положительного отношения.

Автор «Исторического материала» Никифор Вриенний принадлежал к высшей военной аристократии империи. В качестве центральных тем его сочинения выступают военно-политические события 1070-х гг., борьба аристократических кланов за власть, прославление военачальников из знатных семейств Дук, Вриенниев и Комнинов с характерным акцентом на военно-

аристократических добродетелях героев [Бибииков, 1998, с. 143–146; Neville, 2018, р. 169–171; Kyriakidis, 2021, р. 89], а также подвигах и предательствах окружавших их иноземных воинов, осуждении и критике неприятелей.

Турок Вриенний описывает как *«народ издавна независимый, питавшийся молоком, многолюдный и весьма воинственный»*. Впервые на страницах сочинения они появляются именно как наемники, приглашенные газневидским эмиром Махмудом [Nicéphore Bryennio, 1975, р. 88–91; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 22–23]. Народ турков, по словам Вриенния, пришел на Ближний Восток почти полностью, за исключением тех, *«кого удержала на месте любовь к родине»* [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 26]. Это замечание, как кажется, должно указывать на то, что турки-пришельцы в представлении Вриенния как бы лишены благородного патриотического чувства и движимы авантюристским устремлением. Наемные турки на византийской службе представлены мужественными и воинственными, проявляющими почтение к знатным ромеям. Их лидеры рассудительны и хитры, наделены высокими военными навыками. Они атакуют с криком, мечут стрелы и копья, увлекают врага в засады притворным отступлением, их натиск яростен и стремителен, а успехи делают их сильней и смелее [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 133–137]. Однако турки коварны и могут использовать роль наемников для присвоения имперских владений, как это случилось в ходе апостасии Никифора Мелиссина [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 149].

В сельджукском архонте Хрисоскуле Вриенний подчеркивает знатное происхождение (*«из султанского рода»* / *«ἐκ σουλτάνων σειρᾶς»*) [Nicéphore Bryennio, 1975, р. 100–101]) и наличие человеческих чувств, выразившихся в сильной дружеской привязанности к военачальнику Мануилу Комнину [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 28–29]. Архонт изображается верным сподвижником, успешно ведущим переговоры со своими соплеменниками [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 111, 113].

В отношении печенегов, присоединившихся к войскам узурпатора Никифора Вриенния Старшего, автору «Исторического материала» было крайне важно подчеркнуть, что его предок вел на Константинополь варваров *«не чужих и наемных, но давно перешедших под власть ромейской державы»* / *«οὐ τῶν ξένων καὶ μισθοφόρων, ἀλλὰ τῶν πρὸ πολλοῦ αὐτομόλησάντων ὑπὸ τὴν βασιλείαν Ῥωμαίων»* [Niséphore Bryennio, 1975, p. 232–233; Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 108]. Данный пассаж наверняка был рожден в противовес критике Атталиата, рисовавшего этих печенегов хищными чужаками, что с презрением относились к Вриеннию Старшему и были куплены им за деньги. Печенеги сражаются с сильным шумом и криком, их основной атрибут – скорость, быстрота в разгроме противника. Но эти ненадежные наемники думают лишь о собственной выгоде и могут покинуть нанимателя прямо во время сражения, предварительно разграбив лагерь бывших соратников [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 129, 132–133].

Крайне положительно в «Историческом материале» изображены аланские наемники, служившие в личных этериях Алексея и Исаака Комнинов. Вриенний представляет героические образы двух аланских воинов – Аравата и Хаскариса, олицетворяющих безрассудную храбрость в первом случае и рассудительное мужество во втором. Оба алана, движимые патриотическим чувством, произносят речи, соответствующие их характерам. В несомненно крайне гиперболизированной, эпической сцене боя Арават в одиночку сражается со множеством турок, устрашая тех собственной отвагой. Раненный вражеской стрелой, алан ею же убивает выпустившего ее противника, *«как некогда Брасид⁵»* [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 66–67].

Франки в сочинении Вриенния стремительны и сильны в натиске, яростны и горделивы. Они могут наносить обиды местным жителям [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 48, 55, 73–74, 82], но также и проявлять должное

---

⁵ Спартанский полководец V в. до н. э. Когда в одном из сражений Брасид был ранен копьем, пробившим его щит, он вырвал его из раны и им же пронзил врага [Плутарх, 1999, с. 444, 525, 1037].

уважение и исполнять свой долг в отношении ромейских командиров [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 137, 145]. В то же время они лояльны своим сородичам и предпочитают служить победителю, из-за чего могут изменить прямо в ходе битвы [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 70, 133]. Поскольку франки являются христианами, то убийство пленных из их числа считается деянием преступным [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 80].

Роберт Криспин представлен в «Историческом материале» как ненавистник императора Романа Диогена, *«питавший к нему чувство мщениа»* [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 48]. Руссель де Байоль описывается как человек, стремящийся к завоеванию ромейского государства, давно замышляющий измену и ищущий для нее предлог [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 55, 72]. Мятеж франкского лидера Вриенний называет *«тиранией»*, *«величайшим из всех зол [среди событий первой половины 1070-х гг. на Востоке]»* [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 94]. Устами Алексея Комнина Руссель обвиняется в установлении тирании, вымогательстве, разбое и пытках [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 82–84]. Однако и знатные византийцы, такие как Феодор Докиан, печалются о судьбе Русселя, называя того человеком *«храбрым и способным принести ромеям великую пользу»* [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 86].

В описании варангов Вриенний следует традиционному для византийской историографии образу хороших и верных воинов, вооруженных щитами и секирами. Это народ, что *«прибыл из варварской страны, находящейся близ океана, и издревле отличался верностью ромейским императорам»* / *«ὄρμητο ἐκ τῆς βαρβάρου χώρας τῆς πλησίον ὠκεανοῦ, πιστὸν δὲ βασιλεῦσι Ρωμαίων ἀρχῆθεν»*. В повествовании о событиях утверждения власти Михаила VII «Исторический материал» фактически повторяет картину из «Хронографии» Пселла, изображая варангов громко кричащими, лязгающими оружием и наводящими *«ужас великий»* (ὁ φόβος μέγιστος) [Nicéphore Bryennio, 1975, p. 122–125; Исторические записки

Никифора Вриенния, 1858, с. 41–42, 69–71]. Из проблем, связанных с секироносцами, в сочинении упоминается лишь их пьянство [Исторические записки Никифора Вриенния, 1858, с. 99–100].

В целом, атмосфера сочинения Вриенния мрачна и тягостна, это череда предательств, гражданских войн, внешних вторжений. Повествуя об условиях поглотившего империю хаоса, автор, как кажется, не может в принципе выступать сторонником или противником использования иностранных наемников, принимая это явление как данность, неизбежную необходимость, которая может проявиться как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Анна Комнина, продолжая сочинение супруга, выстроила свою «Алексиаду» вокруг одного героя и целиком посвятила ее созданию положительного, героико-эпического образа Алексея Комнина, возле которого проявляются портреты его окружения, сподвижников и соперников. Анне, как представительнице высшей аристократии империи, свойственны представление о высоком значении таких качества как знатность и доблесть человека, и основанное на принципах византийского универсализма мировоззрение, в котором Византия выступает властительницей этносов, коварных и враждебных по отношению к ней [Анна Комнина, 2017, с. XXXIV–XXXV]. В то же время Анна охотно признает и достаточно подробно описывает положительные воинские качества этников, находящихся на имперской службе [Анна Комнина, 2017, с. XXVI]. Вообще, поиск императором иноземных наемников и средств для их содержания – одна из постоянных тем «Алексиады». Они привлекаются *«обещаниями многочисленных даров»* и требуют наиболее щедрой платы [Анна Комнина, 2017, с. 107–108]. Поэтому закономерно, что одной из сторон образа этнического воина здесь является его стремление к деньгам, к наживе. Все варвары в представлении Анны *«обладают непостоянным нравом и по природе своей неспособны соблюдать договоры»* [Анна Комнина, 2017, с. 166]. Им свойственна дурная натура, которую могут перенять и сами ромеи, став, уподобившись варварам, людьми недостойными [Анна Комнина, 2017, с. 60].

Выходцев с Запада Анна характеризует как отличных воинов и всадников. Они стремительны и горячи, *«как огонь»*, атакуют с длинными копьями наперевес, обращая врага в паническое бегство [Анна Комнина, 2017, с. 142–143, 170]. Даже о ромее, которого Анна восхваляет как превосходного воина и наездника, говорится в сравнении с франкским всадником [Анна Комнина, 2017, с. 221]. Франки храбры и отважны, но дерзки и нетерпеливы – они *«точат на врагов свои зубы и оружие»* и стремятся к бою вне зависимости от условий, из-за чего склонны к безрассудным порывам [Анна Комнина, 2017, с. 144, 153, 167–168, 170].

Среди отрицательных качеств выходцев с Запада выделяются *«неудержимость натиска, неустойчивость и непостоянство нрава и все прочее, что свойственно природе кельтов и неизбежно из нее вытекает: алчные до денег, они под любым предлогом легко нарушают свои же договоры»* [Анна Комнина, 2017, с. 226, 229]. Даже западные христианские священники в «Алексиаде» представлены воинственными варварами, кардинально отличающимися от ромейских пастырей: *«варвар-латинянин совершает службу, держа щит в левой руке и потрясая копьем в правой, он причащает Телу и Крови Господней, взирая на убийство, и сам становится “мужем крови”, как в псалме Давида»* [Пс. 25:9]. Подводя итог сказанному, Анна приводит потрясающую фразу, выражающую, как кажется, общее отношение и представление византийцев о франках: *«Таковы эти варвары, одинаково преданные и Богу, и войне»* [Анна Комнина, 2017, с. 233].

Франкский лидер Руссель де Байоль у Анны – *«грозный тиран»*, *«возгордившийся своей счастливой судьбой»*, опустошающий восточные земли империи и разбивающий многих имперских полководцев, *«умудренных большим воинским опытом и прославившихся мужеством»*, коварный и хитрый, с глазами, *«сверкающими как молнии»*. Он сравнивается и со стихийным бедствием (буря, обрушившаяся на ромейские войска, натиск которой не давал возможности устоять; безудержный поток, нахлынувший на ромейские земли), и со свирепым хищным зверем (Алексей содержит пленного Русселя *«как льва в клетке»*, а при ложном ослеплении тот *«выл и стонал словно лев рыкающий»*). Феодор Докиан в

«Алексиаде» называет франкского архонта *«мужем благородным и настоящим героем, которого не следовало бы наказывать вовсе»* [Анна Комнина, 2017, с. 5–6, 8–9].

Немцы во главе со своим архонтом Гилпрактом в сочинении представлены как наемники с плохой репутацией людей продажных, готовых к предательству. Они, собственно, оправдывают ее, впуская комниновские войска в осажденный ими Константинополь [Анна Комнина, 2017, с. 58–60]. Полной противоположностью немцам выступают варанги – солдаты верные, воспринимающие свою службу и преданность ромейским императорам как наследственный долг [Анна Комнина, 2017, с. 58]. В бою варанги, тяжеловооруженные воины, выстраивающие стену щитов, стремительны и быстры, горячи и нетерпеливы до неудержимости, что роднит их с норманнами и приводит к жестокому разгрому при Диррахии [Анна Комнина, 2017, с. 100–101].

Печенеги и узы на страницах «Алексиады» воюют, *«вооруженные по-варварски»*, с громкими боевыми кличами, изматывая противника *«непрерывным дождем стрел»* и легко обращая его в бегство. Но их главный интерес – добыча и обычное для них дело – грабеж, что делает «скифов» солдатами недисциплинированными и ненадежными [Анна Комнина, 2017, с. 12, 14–15]. Чувствуя свою силу, печенеги и узы упрямы и непреклонны, их натиск может быть неудержим, но в случае угрозы они идут на хитрости и уловки. Своенравные и вероломные, они опустошают византийские территории, совершая *«бесчеловечные деяния»*. Обвиняя «скифов» в нарушении мирных договоров, автор «Алексиады» сравнивает тех с неразумными и мерзкими псами, что *«вновь набросились на блевотину свою»* [Притч. 26:11; Анна Комнина, 2017, с. 155, 157, 160–161, 166–167].

Разумеется, персоны узо-печенежского происхождения, находившиеся на византийской службе, бывшие сторонниками империи и лично императора Алексея, достаиваются в «Алексиаде» всяческих похвал и наделяются положительными качествами. Так, предводители наемников Уза и *«полуварвар»*

Монастра – *«мужи любезные Арею и весьма воинственные»* [Анна Комнина, 2017, с. 174, 224–225]. Первый упоминается как *«человек, прославившийся мужеством»* [Анна Комнина, 2017, с. 120], второй – как архонт с *«большим военным опытом»* [Анна Комнина, 2017, с. 219]. Другой предводитель, Аргир Караца, согласно Анне, *«отличался большим благоразумием и был слугой добродетели и истины»* [Анна Комнина, 2017, с. 191].

Кыпчаки в представлении Анны схожи со своими сородичами в плане хищнической жадности добычи. В «Алексиаде» этот этнос предстает в своеобразной роли многочисленного народа наемников, воинственных конных лучников, обладающим крайне переменчивым и коварным нравом, способным быстро из союзников превратиться во врагов и нанести ромеям величайший вред [Анна Комнина, 2017, с. 184]. Кыпчаки, пришедшие вместе с узурпатором Лже-Диогеном, описываются как настоящие чудовища, жестокие и кровожадные звери, жаждущие *«хлебнуть человеческой крови, вкусить человеческого мяса и унести из нашей страны богатую добычу»* [Анна Комнина, 2017, с. 217].

Стремлением к деньгам и добыче движимы и наемные турки [Анна Комнина, 2017, с. 53]. Также относясь к числу народов с коварным нравом [Анна Комнина, 2017, с. 171], они, однако, проявляют себя как доблестные воины, искусные стрелки из лука [Анна Комнина, 2017, с. 120], нападающие на неприятеля с шумом и боевыми кличами, оглушая и ослепляя его. Турецкий воин, бросившийся на Никифора Вриенния Старшего при Калаврии, сравнивается с леопардом [Анна Комнина, 2017, с. 15–16]. Среди искушенных в военном деле предводителей семитысячного наемного корпуса турок Анна особо выделяет Камира, *«превосходившего остальных возрастом и опытом»* [Анна Комнина, 2017, с. 115–116]. Турецкие архонты Илхан и Скалиарий, согласно «Алексиаде», становятся наемниками ромеев, будучи не в состоянии выдержать борьбу с Алексеем, и еще более побуждаемы к переходу на сторону императора многочисленными щедрыми дарами и его к ним благоволением. Скалиарий у Анны – *«один из наиболее славных восточных ижемонов»* [Анна Комнина, 2017, с. 150–

151, 303]. Ближайший сподвижник императора Татикий, имевший, вероятно, турецкое происхождение, закономерно удостоился наиболее комплиментарной оценки: «*муж разумный в речах и искусный в делах*», воин, внушающий страх, «*человек уравновешенный, обладавший даром предвидеть события*», он «*был храбрым, непобедимым в бою мужем*» [Анна Комнина, 2017, с. 95, 153, 212].

Итак, образ иностранного воина-наемника в «Алексиаде» напрямую зависит, во-первых, от этнической принадлежности героя и, во-вторых, от его личных качеств и положения в отношении империи и лично Алексея Комнина. Наемниками всегда движет стремление к материальной выгоде, но плата в большинстве случаев соответствует их высоким воинским навыкам. Анна не выказывает себя противником найма иностранцев, ведь для времени, описанном в ее сочинении, использование этников является обычным делом и те могут исполнять службу не хуже солдат-ромеев, а их лидеры и персоны иноземного происхождения, пребывающие подле императора, могут быть не менее доблестны, опытны и умны, соответственно, принося пользу империи.

Подводя общие итоги главы, в первую очередь необходимо отметить, что ни один из рассмотренных византийских авторов не выступал принципиальным противником такого явления, как иностранное наемничество. Присутствие в византийской армии этников – вещь для них, в сущности, естественная и целесообразная. Описания того или иного народа хотя и следуют некоторым этническим стереотипам, но несомненно в значительной степени отражают реальный опыт взаимодействия как империи, так и отдельного византийца с конкретной этнической общностью или ее представителем. Определяющую роль играли также личные симпатии и антипатии автора к той или иной персоне, этнической либо политической группе. К тому же крайне важно уловить разницу в отношении византийского автора к иностранцам и иностранцам на имперской службе. Последние воспринимались не как *чужие*, но как *свои чужие*, находившиеся, можно сказать, в полуварварском состоянии, на пути к полной ромеизации и, соответственно, инкорпорации в социальную структуру империи.

При конструировании образов иностранных отрядов, солдат и предводителей византийские авторы использовали общие тропы и топосы: 1) положительные (знатность / благородство, лидерские качества, мастерство, опытность, отборность, героизм, рассудительность, благодарность, верность, чувство долга, чувство собственного достоинства, патриотическое чувство, храбрость, воинственность, сила, энергичность, христианская добродетель); 2) условно нейтральные (шумность, скорость, натиск); 3) отрицательные (безродность / худородность, высокомерие, спесивость, честолюбие, мстительность, меркантильность, неблагодарность, необузданность, гневливость, свирепость, порывистость, нетерпеливость, переменчивость, неверность, хитрость, коварство, злобность, жестокость, внушающий ужас вид, уродливость, пьянство).

Кроме того, в текстах встречаются уподобления природным явлениям (буря, безудержный поток, потоп) и анималистические эпитеты, в которых этническая группа или конкретный этник сравниваются с характерным зверем – заяц, змея, собака (печенеги и узы), волк (турки, опосредованно варанги), барс (турки), лев (франки).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В середине IX – конце XI вв. в Византии складывается и функционирует институт иностранного наемничества, основанный на особых военно-административных, политико-дипломатических, социально-экономических и культурно-религиозных практиках взаимодействия империи с иностранными воинами, их лидерами и правительствами стран-доноров.

Привлечение иноземцев в византийские вооруженные силы, их участие в политических процессах и боевых действиях фиксируется широким кругом источников. Несмотря на тенденциозность и фрагментарность многих сведений, их комплексный анализ дает возможность составить целостное представление о причинах и предпосылках образования иностранного наемного корпуса в рассматриваемый период, его месте и роли в империи и ее вооруженных силах, этническом и численном составе, организации и командовании.

Несмотря на то, что военно-политическая история и проблемы военно-административной организации Византийской империи традиционно привлекают широкое внимание исследователей, следует констатировать отсутствие в историографии специальной работы, посвященной иностранному наемничеству в целом. Отдельные исследования акцентируют внимание на конкретных этнических группах, находившихся на имперской службе, что, на наш взгляд, не позволяет рассмотреть иностранное наемничество и корпус иностранных наемников в качестве целостной системы и института в их функционировании и развитии. В целом, в историографии относительно появления и роли иноземных солдат в византийской армии IX–XI вв. сложилось четыре основных подхода: 1) результат общего упадка византийского государства и цивилизации; 2) результат внутриимперской борьбы за власть между партиями гражданской бюрократии и военной аристократии; 3) результат переходного этапа процесса феодализации; 4) результат трансформации византийских вооруженных сил в условиях изменяющихся внутри- и внешнеполитических реалий. Проведенный в

диссертации анализ позволяет утверждать, что наиболее объективным и обоснованным в настоящее время является последний подход, в рамках которого институт иностранного наемничества может быть рассмотрен целостно и системно.

Под иностранными наемниками нами понимаются контингенты или отдельные лица, поступавшие на имперскую службу либо от собственного имени, либо направлявшиеся своими правительствами. Анализ данных источников относительно византийской терминологии, применявшейся для их обозначения во второй половине IX – первой половине XII вв., позволяет заключить, что в качестве официального использовался термин «этники» и его производные. На неофициальном уровне применялись термины, отражавшие этнополитическую чуждость (иностранцы, чужестранцы, иноплеменники) и положение в отношении ромейского государства (союзники, наемники). Судя по всему, термины «союзники» и «наемники» использовались византийскими авторами этого периода в качестве эквивалентных и сами по себе не отражали разницы в статусе воинских групп.

Среди причин и предпосылок, обусловивших активное использование Византией контингентов иностранных наемников, а также рост численности и значения последних на протяжении середины IX – конца XI вв. следует выделить:

- 1) агрессивную внешнюю политику империи в середине IX – первой половине XI вв., сопровождавшуюся экономическим подъемом и реорганизацией византийских вооруженных сил под экспансионистскую стратегию;
- 2) переход к оборонительной стратегии с середины XI в., вызванный политическим, экономическим и военным кризисами, приведшими к потере боеспособности армии и усилению опоры на иностранный наемный элемент, что особенно ярко проявилось в последней трети XI в.;
- 3) стремление византийских императоров к использованию лояльных лично им неромейских подразделений для сохранения и укрепления собственной власти и государственной стабильности;
- 4) ритуально-церемониальные и политико-дипломатические практики, требовавшие присутствия иностранных воинов при императорской особе, что демонстрировало широту власти ромейского правителя,

ее космократический характер. Иностранцев побуждали к отправлению и службе в Византии стремление к материальному обогащению и престижу, изгнание или бегство с родины из-за долгов, совершения преступления, внутривосточного конфликта или военного поражения. Кроме того, страны, поставлявшие империи наемников, могли рассчитывать на установление выгодных политических и экономических связей с Константинополем.

Наемники вступали на службу либо по уже существующему соглашению между империей и их политиями, либо заключая индивидуальный договор с византийским правительством. Переговоры и вербовка осуществлялась также специальными императорскими агентами, ромеями или этниками, получавшими воинский контингент, обещание его отправки или разрешение на его формирование на месте. Весьма распространены были также практики вербовки пленных и приема перебежчиков. Внутри византийских вооруженных сил иноземцы образовывали собственные моноэтнические части разного статуса и размеров – от нескольких десятков и сотен человек до крупных корпусов в несколько тысяч солдат.

С середины IX в. из этников стали организовываться и комплектоваться гвардейские подразделения – императорские этерии и элитные столичные тагмы. Положение и этнический состав данных соединений могли меняться в зависимости от политической ситуации – изменения уровня связей империи со страной-донором, смены императора, поведения различных групп наемников в его отношении. Можно выделить три основных периода, связанных с доминированием в гвардейских частях представителей тех или иных этнических общностей: Хазаро-фарганский или Тюркский (середина IX – середина X вв.), Варанго-росский или Росо-скандинавский (вторая половина X – последняя четверть XI вв.) и Варанго-английский или Англо-скандинавский (конец XI – начало XIII вв.). Помимо них среди элитных частей на разных этапах присутствовали также армянские, арабские, венгерские, болгарские, норманнские, немецкие, узо-печенежские и турецкие

наемные отряды. Собственные этерии из иностранцев формировали также византийские военачальники и мятежные претенденты на верховную власть.

Византия использовала этнические тагмы в качестве составных частей полевых армий и гарнизонов на всех стратегических направлениях: Западном (Балканы и Италия), Южном (острова Восточного Средиземноморья), Восточном (Сирия, Месопотамия и Закавказье) и Северном (Крымский и Таманский полуострова). Если во второй половине IX – первой половине X вв. они отыгрывали в основном вспомогательную роль, то с середины X в. такие отряды становятся неотъемлемой частью имперских войск, их ударными и специализированными силами. В период коллапса византийской армии в 1070-е гг. именно контингенты наемников оставались одним из наиболее боеспособных ее элементов, а апогей их использования приходится на последнюю треть XI в. Приблизительно с середины XI в. в ходе общеимперского кризиса начала проявляться тенденция к восстаниям наемных сил в регионах их дислокации, сопровождавшаяся созданием ими собственных этнических политий и усугублявшаяся внутривизантийскими конфликтами.

В рассматриваемый период происходит формирование и развитие системы командных должностей, связанных с управлением наемниками. К таковым относятся должности этериархов и архонтов этерий, осуществлявших руководство императорскими этериями и отдельными частями в их составе, а также этнархов и великих примикириев этников, носители которых концентрировали в своих руках власть над центральными тагмами этников и крупными воинскими соединениями, составленными из этнических контингентов. Установлено, что в качестве командиров отдельных наемных групп выступали их собственные естественные лидеры, именовавшиеся архонтами, экзархонтами, экзархами, архигами и игемонами. Эти этнические предводители оказывали серьезное влияние как на ход боевых действий, так и на политическую ситуацию в империи. В зависимости от своего статуса, происхождения, личных связей и достижений на службе они могли добиться весьма высокого положения, успешно инкорпорируясь в византийское

общество. Проблема языкового барьера решалась посредством института переводчиков, которые присутствовали в каждой этнической тагме и закреплялись за тем или иным имперским ведомством или должностным лицом. Часто в подобной роли выступали сами иностранцы, владевшие греческим языком. Помимо своей основной функции, переводчики также могли выступать в качестве переговорщиков и распорядителей, порой удостаиваясь весьма высоких титулов. Кроме того, существовало специальное ведомство варваров во главе с чиновниками «οἱ ἐπὶ τῶν βαρβάρων», отвечавшее за все, что было связано с пребыванием иностранцев в империи.

Социально-правовое положение иностранного наемника напрямую зависело от его происхождения, условий поступления на службу, ее характера и приобретенного в дальнейшем статуса. Конфликты и проблемные ситуации с участием этников разрешались либо ими самостоятельно внутри своих групп, либо их командованием в лице ромейских и этнических архонтов, либо специальным имперским чиновником или даже самим императором. Оплата, материальное поощрение и обеспечение наемников осуществлялись в форме роги (выплаты деньгами и одеждой), ситиресия (выдачи денег, продовольствия, одежды, оружия и снаряжения), митатона (прием населением солдат на постой и обеспечение), наград за подвиги и подарков по особому случаю, участия в разделе трофеев. Находясь в Византии, иностранцы становились объектом активного воздействия имперской пропаганды, основанной на принципах демонстрации прибыльности и престижности службы, военно-политического и культурно-религиозного превосходства, распространения христианства. Впоследствии этник превращался в проводника византийских интересов среди своих соотечественников.

Отношение, выражаемое авторами византийских исторических сочинений XI – первой половины XII вв. к иностранному наемничеству, можно в целом охарактеризовать как сдержанное или умеренно положительное. Этнические контингенты, как правило, воспринимались в качестве необходимости, соответствующей военно-политическим потребностям государства и условиям

времени. Образы этнических солдат и предводителей, подчас противоречивые, в основном благоприятны, хотя и далеко не всегда в полной мере соответствуют византийским представлениям об идеальном наемнике.

Подводя общие итоги исследования, еще раз подчеркнем, что Византия активно использовала военный потенциал этносов, входивших в зону ее влияния и контактов. Представители тех или иных народов, попадавших в поле зрения Константинополя и последовательно вступающих с ним во взаимоотношения, спустя небольшой промежуток времени включались в состав византийских вооруженных сил. Для военных нужд привлекались даже группы выходцев из этносов, считавшихся традиционными противниками ромеев или находившихся в состоянии войны с империей.

В целом, можно уверенно говорить о том, что использование этников в составе византийских вооруженных сил не было ни случайным, ни ситуативным. Эта политика являлась хорошо продуманной и устоявшейся частью имперской военно-политической доктрины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Пер. И. В. Дьяконова, Л. В. Разумовской; ред.-сост. И. А. Настенко. – М. «Русская панорама», 2011. – 584 с.
2. Адемар Шабаннский. Хроникон / СПб.: Евразия, 2015. – 384 с.
3. аль-Мутанабби. На отвоевание аль-Хадата (араб.) [Электронный ресурс] // аль-Диван: Энциклопедия арабской поэзии. – URL: <https://www.aldiwan.net/poem10524.html> (дата обращения: 02.02.2023).
4. Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. З. Ю. Метлицкой. – СПб.: «Евразия», 2010. – 288 с.
5. Анна Комнина. Алексиада / Пер. и коммент. Я. Н. Любарского. – СПб.: Алетейя, 2017. – 683 с.
6. Бибиков М. В. Byzantinorossica I. Свод византийских свидетельств о Руси / М.: Языки славянской культуры, 2004. – 736 с.
7. Бибиков М. В. Byzantinorossica II. Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники / М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 528 с.
8. Бибиков М. В. Byzantinorossica III. Свод византийских актовых свидетельств о Руси (византийские акты X–XIII вв.) / М.: Языки славянской культуры, 2018. – 304 с.
9. Бибиков М. В. Byzantinorossica IV. Свод византийских литературных свидетельств о Руси (до XIII в.) / М.: Языки славянской культуры, 2021. – 480 с.
10. Всеобщая история Степаноса Таронского Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. с армян. и объясн. Н. О. Эмина. – М.: Тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1864. – 363 с.
11. Генрих Хантингдонский. История Англов / Пер., статья, прим. С. Г. Мереминского. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 608 с.

12. Два византийских военных трактата конца X века / Изд. подгот. В. В. Кучма; отв. ред. Г. Г. Литаврин. – СПб.: Алетейя, 2002. – 411 с.
13. Две византийские хроники X века: Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники / Пер., предисл. и коммент. А. П. Каждана, С. В. Поляковой, И. В. Феленковской, Р. А. Наследовой. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. – 263 с.
14. Джексон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий / М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 779 с.
15. Житие Константина-Кирилла. Чтение 3 [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2163#> (дата обращения: 16.02.2023).
16. Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. Полный свод истории / Пер. с араб., прим. и коммент. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолиддин. – Ташкент: «Узбекистан», 2006. – 592 с.
17. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб. и коммент. Н. Велихановой. – Баку: Элм, 1986. – 428 с.
18. Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы / Сост. и вступ. статья А. А. Сванидзе. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 334 с.
19. Исландские саги / Пер., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинг. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 1. – 645 с.
20. Исторические записки Никифора Вриенния (976–1087) / Под ред. В. Н. Карпова. – СПб.: Тип. Г. Трусова, 1858. – 187 с.
21. Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века / Подгот. текста, введение, пер. с греч., комментарии Г. Г. Литаврина. – СПб.: Алетейя, 2003. – 711 с.
22. Книга странствий / Пер. с лат. и ст.-фр., сост. и коммент. Н. Горелова. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 320 с.

23. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 172 с.
24. Константин Багрянородный. Об областях, принадлежащих Римской империи // ЧИОИДР. – 1858. – Кн. 3. – С. 1–32.
25. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М.: «Наука», 1991. – 496 с.
26. Кучук-Иоаннесов Х. И. Письмо императора Иоанна Цимисхия къ армянскому царю Ашоту III // ВВ. – 1903. – Т. X. – Вып.1–2. – С. 91–101.
27. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – Т. 1. – Вып. 1. – 286 с.
28. Лев VI Мудрый. Тактика Льва / Изд. подгот. В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. – СПб.: Алетейя, 2012. – 368 с.
29. Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко; статья и коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. – М.: «Наука», 1988. – 244 с.
30. Лев Марсиканский, Петр Дьякон. Хроника Монтекассино. В 4 книгах / Пер. с лат. и коммент. И. В. Дьяконова; под. ред. И. А. Настенко. – М.: «Русская панорама», 2015. – 520 с.
31. Летопись Картли / Пер. и коммент. М. Д. Лордкипанидзе // Картлис Цховреба: История Грузии. – Тбилиси: Изд-во Артануджи, 2008. – С. 139–180.
32. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. с лат. и коммент. И. В. Дьяконова. – М.: «Русская панорама», 2006. – 192 с.
33. Михаил Пселл. Хронография. Краткая история / Пер., статья, прим. Я. Н. Любарского; пер. Д. А. Черноглазова, Д. Р. Абрахмановой. – СПб.: Алетейя, 2003. – 397 с.
34. Никифор II Фока. Стратегика / Пер. и коммент. А. К. Нефедкина. – СПб.: Алетейя, 2019. – 288 с.
35. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 561 с.

36. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1952. – 287 с.
37. Плутарх. Моралии: Сочинения / М.: «Эксмо», 1999. – 1120 с.
38. Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци / Пер. с древнеармян., вступ. статья и коммент. К. Н. Юзбашяна. – М.: «Наука», 1968. – 196 с.
39. Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачев; пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 409 с.
40. Поэзия скальдов / Изд. подгот. С. В. Петров, М. И. Стеблин-Каменский. – Ленинград: «Наука», 1979. – 183 с.
41. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. – СПб.: «Наука», 1992. – 348 с.
42. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. статья и прим. Н. П. Шастиной. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. – 270 с.
43. Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М. А. Заборова. – М.: «Наука», 1986. – 175 с.
44. Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского / СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1883. – 634 с.
45. Сага о Греттире / Изд. подгот. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. – Новосибирск: «Наука», 1976. – 174 с.
46. Сага о Кнютлингах / Пер. и коммент. Т. Н. Джаксон. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2021. – 512 с.
47. Сага о людях из Лаксдаля / Пер. В. Г. Адмони, Т. И. Сильман // Исландские саги. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. – С. 253–439.
48. Сага о Сверрире / Изд. подгот. М. И. Стеблин-Каменский, А. Я. Гуревич, Е. А. Гуревич, О. А. Смирницкая. – М.: «Наука», 1988. – 279 с.
49. Сага об Эймунде // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования) / Отв. ред. В. Т. Пашуто. – М.: «Наука», 1978. – С. 89–104.

50. Саксон Грамматик. Деяния данов / Пер. и коммент. А. С. Досаева, под ред. И. А. Настенко. – М.: «Русская панорама», 2021. – Т. 1. – 607 с.
51. Саксон Грамматик. Деяния данов / Пер. и коммент. А. С. Досаева, под ред. И. А. Настенко. – М.: «Русская панорама», 2021а. – Т. 2. – 615 с.
52. Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. – М.: «Наука», 1980. – 687 с.
53. Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 года / СПб.: Евразия, 2002. – 477 с.
54. Хроника Симеона Магистра и Логофета / Пер. со среднегреч. А. Ю. Виноградова, вступ. статья и коммент. П. В. Кузенкова. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – 264 с.
55. Хроники Италии / Пер. с лат. и коммент. И. В. Дьяконова. – М.: «Русская панорама», 2020. – 616 с.
56. Abû Alî Ahmed Omar ibn Rustah. Kitâb al-A'lâk an-Nafisa VII / Ed. M. J. de Goeje. – Lugduni Batavorum: Brill, 1892. – 381 p.
57. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklošich, J. Müller. – Vindobonae: Carolus Gerold, 1887. – Vol. 5. – 480 p.
58. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklošich, J. Müller. – Vindobonae: Carolus Gerold, 1890. – Vol. 6. – 452 p.
59. Actes de Lavra. Première partie: Des origines à 1204 / Éd. diplomatique par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos. – Paris: P. Lethielleux, 1970. – 456 p.
60. Actes de Vatopédi I. Des origines à 1329 / Éd. diplomatique par J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Ch. Giros. – Paris: P. Lethielleux, 2001. – 494 p.
61. Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte / Hrsg. B. Schmeidler. – Hannover; Leipzig: Hahnsche Buchhandlung, 1917. – 421 S.
62. Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana: History of the Journey to Jerusalem / Ed., trans. by S. B. Edgington. – Oxford: Clarendon Press, 2007. – 958 p.

63. Amatus of Montecassino. *The History of the Normans* / Trans. by P. N. Dunbar; revised with introd. and notes by G. A. Loud. – Woodbridge: The Boydell Press, 2004. – 242 p.
64. Anna Komnene. *The Alexiad* / Trans., ed., introd. by R. A. Sewter, P. Frankopan. – London: Penguin, 2009. – 615 p.
65. *Annae Comnenae Alexias* / Rec. D. R. Reinsch, A. Kambylis. – Berlin; N. Y.: de Gruyter, 2001. – Vol. I. – 562 p.
66. *Annales Baresnes // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum* / Ed. G. H. Pertz. – Hannoverae: Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1844. – T. V. – P. 51–56.
67. Aristakès de Lastivert. *Récit des malheurs de la nation arménienne* / Trad., introd. et comment. par M. Canard, H. Berbérian. – Bruxelles: Byzantion, 1973. – 162 p.
68. *Armenia and the Crusades, Tenth to Twelfth Centuries: The Chronicle of Matthew of Edessa* / Trans., comment. and introd. by A. E. Dostourian. – Lanham: The National Association for Armenian Studies and Research, 1993. – 388 p.
69. Barthélemy l'Anglais. *Le Livre des Regions* / Ed. by B. A. Pitts. – London: Anglo-Norman Text Society, 2006. – 53 p.
70. *Brennu-Njáls saga* [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database. – URL: https://www.sagadb.org/brennu-njals_saga.is (дата обращения: 05.01.2023).
71. *Byzantine Seals Online Catalogue* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.doaks.org/resources/seals> (дата обращения: 07.07.2022).
72. *Chronicon Abbatiae Rameseiensis* / Ed. by W. Dunn Macray. – London: Longman, 1886. – 568 p.
73. Ciggaar K. N. *L'émigration anglaise à Byzance après 1066. Un nouveau texte en latin sur les Varangues à Constantinople* // REB. – 1974. – Vol. 32. – P. 301–342.
74. Constantine Porphyrogenitus. *De Administrando Imperio* / Ed., text, trans. by Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies Trustees for Harvard University, 1967. – 350 p.

75. Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on Imperial Military Expeditions / Introd., ed., trans. and comment. by J. F. Haldon. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. – 342 p.

76. Constantine Porphyrogenetos: The Book of Ceremonies / Ed., trans. by A. Moffatt, M. Tall. – Leiden; Boston: Brill, 2012. – 908 p.

77. Die Chronik von Montecassino / Hrsg. H. Hoffmann. – Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1980. – 774 p.

78. Dumbarton Oaks Research Library and Collection [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.doaks.org/> (дата обращения: 07.06.2020).

79. Finnboga saga ramma [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database. – URL: https://www.sagadb.org/finnboga_saga_amma.is (дата обращения: 02.01.2023).

80. Gautier P. Le synode des Blachernes (fin 1094). Étude prosopographique // REB. – 1971. – Vol. 29. – P. 213–284.

81. Genesisos. On the Reigns of the Emperors / Trans. and comment. by A. Kaldellis. – Canberra: Australian Association for Byzantine Studies, 1998. – 184 p.

82. Genesisus. Regum / Rec. C. Lachmanni. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1834. – 202 p.

83. Geoffrey Malaterra. The Deeds of count Roger of Calabria and Sicily and of his brother Duke Robert Guiscard / Trans. by K. B. Wolf. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005. – 225 p.

84. Guillaume de Pouille. La Geste de Robert Guiscard / Éd., trad., comment. et introd. par M. Mathieu; avec une préf. de H. Grégoire. – Palermo: Istituto Siciliano di Studi Bizantini e Neoellenici, 1961. – 416 p.

85. Hallfreðar saga vandræðaskálds [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database. – URL: https://www.sagadb.org/hallfredar_saga_vandraedaskalds.is (дата обращения: 08.01.2023).

86. Helmolds Slavenchronik / Hrsg. Reichsinstitut für Ältere Deutsche Geschichtskunde; bearb. B. Schmeidler. – Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1937. – 316 S.
87. Henrici Archidiaconi Huntendunensis. Historia Anglorum / Ed. by T. Arnold. – London: Longman, 1879. – 424 p.
88. Histoire de Yahya-ibn-Sa‘īd d’Antioche, continuateur de Sa‘īd-ibn-Bitriq / Éd. et trad. par I. Kratchkovsky, A. Vasiliev // Patrologia Orientalis. – Paris: Firmin Didot et Cie, 1924. – T. 18. – P. 699–833, 347–520.
89. History of Byzantium by John Skylitzes [Электронный ресурс] // Library of Congress. – URL: <https://www.loc.gov/item/2021667859/> (дата обращения: 08.01.2024).
90. Hranfnkels saga Freysgoða [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database. – URL: https://www.sagadb.org/hrafnkels_saga_freysgoda (дата обращения: 08.01.2023).
91. Icelandic Saga Database [Электронный ресурс]. – URL: <https://sagadb.org/> (дата обращения: 06.07.2020).
92. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. – Berolini; Novi Eboraci: de Gruyter, 1973. – 636 p.
93. Ioannis Zonarae. Epitome historiarum / Ed. T. Büttner-Wobst. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1897. – T. III. – 954 p.
94. John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History 811–1057 / Trans. by J. Wortley. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 524 p.
95. Jómsvíkíngasaga // Fornmanna sögur eptir gömlum handritum / Útg. C. C. Rafn. – Kaupmannahöfn: Harðvig Friðrek Popp, 1828. – Vol. XI. – P. 1–162.
96. Jus Graeco-Romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. – Lipsiae: T. O. Weigel, 1856. – P. I. – 322 p.
97. Jus Graeco-Romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. – Lipsiae: T. O. Weigel, 1857. – P. III. – 748 p.

98. Karl Jónsson. *Saga Sverris konungs // Fornmanna sögur eptir gömlum handritum / Útg. C. C. Rafn, F. Magnússon.* – Kaupmannahöfn: Í Poppsku prentsmiðju, 1834. – 487 p.

99. *La Vita di San Fantino il Giovane: Introduzione, testo greco, traduzione, commentario e indici / A cura di E. Follieri.* – Bruxelles: Société des Bollandistes, 1993. – 680 p.

100. *Laxdæla saga [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database.* – URL: https://www.sagadb.org/laxdaela_saga.is (дата обращения: 09.01.2023).

101. *Le Livre de la Creation et de l’Histoire [al-Maqdisī al-Muṭahhar ibn Ṭāhir. Kitāb al-Bad’ wa al-tārīkh] / Publ. et trad. par M. Cl. Huart.* – P.: Ernest Leroux, 1907. – Т. 4. – 508 p.

102. *Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem / Rec. C. B. Hasii.* – Bonnae: Weberi, 1828. – 660 p.

103. *Matthew of Edessa’s Chronicle / Trans. by R. Bedrosian.* – Long Branch, New Jersey: Sources of the Armenian Tradition, 2017. – 159 p.

104. *McGeer E. Sowing the dragon’s teeth: Byzantine warfare in the tenth century / Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Trustees for Harvard University, 1995.* – 423 p.

105. *Michael Attaleiates. The History / Trans. by A. Kaldellis and D. Krallis.* – London: Harvard University Press, 2012. – 656 p.

106. *Michael Psellus. Chronographie où Histoire d’un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et trad. par E. Renauld.* – Paris: Les Belles Lettres, 1967. – Т. I. – 155 p.

107. *Michael Psellus. Chronographie où Histoire d’un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et trad. par E. Renauld.* – Paris: Les Belles Lettres, 1967a. – Т. II. – 200 p.

108. *Michael Psellus. Historia Syntomos / Rec. W. J. Aerts.* – Berolini; Novi Eboraci: de Gruyter, 1990. – 235 p.

109. Michaelis Attaliatae Historia / Rec. E. Th. Tsolakis. – Athenis: Academia Atheniensis Institutum Litterarum Graecarum et Latinarum Studiis Destinatum, 2011. – 415 p.
110. Michaelis Pselli orationes panegyricae / Ed. by G. T. Dennis. – Stuttgart; Lipsia: In aedibus B. G. Teubneri, 1994. – 229 p.
111. Morkinskinna / Útg. F. Jónsson. – København: Háskóli Íslands, 1932. – 519 p.
112. Nicéphore Bryennio Histoire / Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. – Bruxelles: Byzantion, 1975. – 409 p.
113. Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles / Introd., texte, trad. et comment. N. Oikonomidès. – P.: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. – 403 p.
114. Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History of England and Normandy / Trans. by T. Forester. – London: Henry G. Bohn, 1854. – Vol. II. – 524 p.
115. Prosopography of the Byzantine World [Электронный ресурс]. – URL: <https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/> (дата обращения: 12.07.2023).
116. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit [Электронный ресурс]. – URL: <http://pom.bbaw.de/pmbz/index.html> (дата обращения: 12.07.2023).
117. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit Online [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.degruyterbrill.com/database/pmbz/html> (дата обращения: 08.09.2022).
118. Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Éd. et trad. par J. Verpeaux. – Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1966. – 420 p.
119. Saga Játvarðar konungs hins helga / Udg. C. C. Rafn, J. Sigurdsson. – Kjöbenhavn: J. D. Qvist, 1852. – 43 p.
120. Snorri Sturluson. Heimskringla: Nóregs konunga sogur / Udg. F. Jónsson. – København: G. E. C. Gads Forlag, 1911. – 676 p.
121. Text of the supplement to Jómsvíkinga saga // Encomium Emmae Reginae / Ed. by A. Campbell. – London: Royal Historical Society, 1949. – P. 92–93.

122. *The Annals of the Saljuq Turks: Selections from al-Kāmil fi'al-Ta'rīkh of 'Izz al-Dīn Ibn al-Athīr* / Trans. and annotated by D. S. Richards. – N. Y.: RoutledgeCurzon, 2002. – 318 p.

123. *The Hagiographie Dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154* / Introd., trans., comment. by J. O. Rosenqvist. – Uppsala: Dept. of Classical Philology Uppsala University, 1996. – 560 p.

124. *The History of Leo the Deacon. Byzantine Military Expansion in the Tenth Century* / Introd., trans. and annotations by A.-M. Talbot, D. F. Sullivan, G. T. Dennis, S. McGrath. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2005. – 283 p.

125. *The Life of Saint Nikon* / Ed., trans. by D. F. Sullivan. – Brookline: Hellenic College Press, 1987. – 314 p.

126. *The Normans in Europe* / Ed., trans. by E. van Houts. – Manchester; New York: Manchester University Press, 2000. – 320 p.

127. *The Taktika of Leo VI* / Text, trans. and comment. by G. Dennis. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2010. – 712 p.

128. *The Universal History of Step'anos Tarōnec'i* / Introd., trans., and comment. by T. Greenwood. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 358 p.

129. *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus* / Rec. I. Bekkeri. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1838. – 959 p.

130. *Three Byzantine Military Treatises* / Text, trans. and notes by G. T. Dennis. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1985. – 392 p.

131. *Vita Euthymii Patriarchae Cp.* / Text., trans. and comment. by P. Karlin-Hayter. – Bruxelles: Byzantion, 1970. – 267 p.

132. *William of Malmsbury. Gesta Regum Anglorum: The History of the English Kings* / Ed., trans. by R. A. B. Mynors, completed by R. M. Thomson and M. Winterbottom. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – Vol. I. – 911 p.

133. Ystoire de li Normant par Aimé, évêque et moine au Mont-Cassin / Introd. et des notes par l'abbé O. Delarc. – Rouen: Société de l'histoire de Normandie, 1892. – 455 p.

134. Δημηγορία Κωνσταντίνου βασιλέως πρὸς τοὺς τῆς ἀνατολῆς στρατηγούς [Электронный ресурс] // Πανεπιστήμιο Αιγαίου. – URL: <https://greekdownloads3.files.wordpress.com/2014/09/de-contionibus-militaribus.pdf>. – Σ. 3 (дата обращения: 27.12.2023).

135. Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη / Επιμ. Ε. Τσολάκης. – Θεσσαλονίκη: Εταιρεία Μακεδονικῶν Σπουδῶν, 1968. – 247 σ.

136. ΝΟΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ (Κ вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // Кучма В. В. Военная организация Византийской империи / СПб.: Алетейя, 2017. – С. 243–258.

Литература

137. Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н. К истории тюркских набегов на Армению в XI в. // ПС. – 1965. – Вып. 13(76). – С. 144–159.

138. Агишев С. Ю. «Земский закон» (Ландслов) Магнуса Исправителя Законов: утраченное единство? // VMA. – 2015. – №2–3(13–14). – С. 49–89.

139. Алексеенко Н. А. Иностранцы на службе Византии (по данным херсонских моливдовулов) // ВЕДС. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти В. Т. Пашуто: материалы конференции (Москва, 19–21 апреля 2017 г.) / М.: ИВИ РАН, 2017. – С. 8–11.

140. Алексеенко Н. А. Новые данные о связях Юго-Восточной Таврики с имперским военным ведомством на рубеже X–XI вв. // АДСВ. – 2018. – Вып. 46. – С. 102–119.

141. Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХС. – 2012. – Вып. 17. – С. 7–17.

142. Артамонов М. И. История хазар / Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 521 с.

143. Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур / М.: «Наука», 1994. – 236 с.

144. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 520 с.

145. Бартикян Р. М. Миграция армян в XI веке: Причины и последствия // Бартикян Р. М. Армяно-византийские исследования / Ереван: Изд-во ЕГУ, 2002. – С. 251–270.

146. Бартикян Р. М. О болгарском войске в Васпуракане и последних годах царства Арцрунидов // Бартикян Р. М. Армяно-византийские исследования / Ереван: Изд-во ЕГУ, 2002а. – С. 191–200.

147. Бейлис В. М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в.: Сборник статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 21–32.

148. Бибииков М. В. Историческая литература Византии / СПб.: Алетейя, 1998. – 315 с.

149. Бибииков М. В. К варяжской просопографии Византии // ScSl. – 1990. – Т. 36. – С. 161–171.

150. Бибииков М. В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // ДРВМ. – 2005. – №1(19). – С. 5–15.

151. Бибииков М. В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // СС. – 1986. – Т. 30. – С. 97–105.

152. Бондач А. Г. Евстафий Ромей // ПЭ. – 2008. – Т. 17. – С. 320–324.

153. Боровков Д. С. Византийская гражданская знать в X–XI вв.: Эксакиониты // ИУрФУ. – 2016. – Т. 18. – №4(157). – С. 220–231.

154. Бутырский М. Н. Печать протопродра Умберта Грисина // АДСВ. – 2011. – Вып. 40. – С. 226–233.

155. Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии / СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900. – 195 с.

156. Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии / СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. – 232 с.

157. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды В. Г. Васильевского / СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1908. – Т. 1. – С. 176–377.

158. Васильевский В. Г. Византия и Печенеги // Труды В. Г. Васильевского / СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1908а. – Т. 1. – С. 1–175.

159. Виноградов А. Ю., Каштанов Д. В., Чхайдзе В. Н. Туркелы – тюркская семья на византийской службе // Вестн. ВолГУ. – 2020. – Т. 25. – №6. – С. 150–159.

160. Виноградов А. Ю., Чхайдзе В. Н. Печать Константина, сына протопроедра и эксусиократора всей Алании (ок. 1065–1075 гг.) // АДСВ. – 2021. – Вып. 49. – С. 115–134.

161. Герцберг Г. Ф. История Византии / Пер., прим. и прил. П. В. Безобразова. – М.: Тип. В. Рихтера, 1897. – 685 с.

162. Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. / Пер. с англ. – М.: ТЕРРА, 2008. – Т. 6. – 592 с.

163. Гимон Т. В. К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // ДГВЕ. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. – М.: Ун-т Д. Пожарского, 2013. – С. 748–800.

164. Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: к 60-летию В.М. Живова. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 56–96.

165. Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. – М.; Вологда: «Древности Севера», 2012. – С. 37–63.

166. Гиппиус А. А. К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: материалы конференции / М.: ИВИ РАН, 2012а. – С. 41–50.

167. Голден П. Тюрки-хазары – гулямы на службе у халифов / Пер. с англ. И. И. Соколовой // Хазары. – 2005. – Т. 16. – С. 458–482.

168. Гуревич А. Я. «Круг Земной» и история Норвегии // Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. – М.: «Наука», 1980. – С. 612–632.

169. Гусейн-заде Р. А. Сельджукская военная организация // Гусейн-заде Р. А. Кавказ и сельджуки / Баку: «Кавказ», 2010. – С. 177–203.

170. Гусейнов Р. А. Взаимоотношения Византии и сельджуков в Малой Азии в XI–XII вв. (По сирийским источникам) // Средневековый Восток: История, культура, источниковедение / М.: «Наука», 1980. – С. 120–126.

171. Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) / Пер. О. А. Власовой // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Под ред. Р. М. Шукурова. – М.: Алетейя, 1999. – С. 160–193.

172. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / М.: Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.

173. Джаксон Т. Н. О термине *rólútasvarf* у Снорри Стурлусона // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой / Под ред. Т. Н. Джаксон, Г. В. Глазыриной, И. Г. Коноваловой, С. Л. Никольского, В. Я. Петрухина. – М.: «Индрик», 2001. – С. 106–113.

174. Джаксон Т. Н. Скальдическая поэзия // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – Т. V: Древнескандинавские источники. – С. 55–56.

175. Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. / М.: Языки русской культуры, 2000. – 192 с.

176. Досталова Р. Византийская историография (характер и формы) // ВВ. – 1982. – Т. 43(68). – С. 22–34.

177. Дробышев М. И. Автобиографические сочинения провинциальных аристократов византийской ойкумены второй половины XI – начала XII в.: источниковедческое исследование проблем мировоззрения: дисс. ... канд. ист. наук: 5.6.5 / ИВИ РАН. – М., 2023. – 173 с.

178. Дробышев М. И. Иностранцы-христиане в «Стратегиконе» Кекавмена 1075–1078 годов // Вестн. ПУ. – 2020. – №1(48). – С. 115–121.

179. Дробышев М. И. Сведения «Стратегикона» Кекавмена о «восточных» народах: к вопросу о службе автора на восточном фронтире Ромейской империи // ДГВЕ. 2021 г.: Восточная Европа и мир ислама. К юбилею Т. М. Калининой. – М.: Ун-т Д. Пожарского, 2021. – С. 536–544.

180. Йотов В. Последните битки на Намбит, водача на варягите при Алексий I Комнин // ББЕ. – 2011. – Т. IV. – №1. – С. 214–219.

181. Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. / Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1975. – 191 с.

182. Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.) / СПб.: Алетейя, 2006. – 280 с.

183. Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X в. // ВВ. – 1962. – Т. 21(46). – С. 95–117.

184. Каждан А. П. Состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. Анкеты и частные выводы. Ч. VI. Евнухи // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 184–194.

185. Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII веков / М.: «Наука», 1974а. – 293 с.

186. Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // ВВ. – 1959. – Т. 15(40). – С. 125–143.

187. Капсалыкова К. Р. Вино и военная служба в Византии X–XI вв. // МНИЖ. – 2015. – №10(41). – Ч. 4. – С. 114–116.

188. Карашайски К. М. «Быть мне главою над иноплеменниками»: должность этнарха в Византийской империи последней трети X – начала XII в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XVI Международный Византийский Семинар (Севастополь, 24–28 мая 2024 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024. – С. 131–136.

189. Карашайски К. М. «Ибо между ними был переводчик»: византийские переводчики X–XIII вв. по данным сфрагистики // Ad fontes – Ἐπὶ τὰς πηγάς: Исторические источники и их исследователи: материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Симферополь, 18 декабря 2024 г.) / Под ред. В. Е. Науменко. – Симферополь: «Антиква», 2024а. – С. 80–85.

190. Карашайски К. М. «Он прибыл в Константинополь, чтобы сделаться наемником»: к проблеме идентификации Хрисохира, «родича» князя Владимира // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29 мая–5 июня 2023 г.) / Отв. ред. В. В. Лебединский; ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. – М.: ИВ РАН, 2023. – Т. 1. – С. 174–178.

191. Карашайски К. М. «Этерия скифов из Таврики»: к историографии вопроса // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VI Международной научной конференции (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.) / Отв. ред. В. В. Лебединский; ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. – М.: ИВ РАН, 2022. – С. 221–224.

192. Карашайски К. М. Зачем пехотинцу сено? Верховые росы на службе византийских императоров в последней трети X в. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VIII

Международной научной конференции (Севастополь, 3–8 июня 2024 г.) / Отв. ред. Ю. А. Пронина; ред.-сост. Н. В. Гинькут. – М.: ИВ РАН, 2024б. – Т. 1. – С. 177–179.

193. Карашайски К. М. Между росами и варангами: этерия пехотинцев в гвардии византийских императоров в последней трети X века // Вестн. ВолГУ. – 2023а. – Т. 28. – №6. – С. 303–309.

194. Карашайски К. М. Отряд Сфенга, «брата Владимира», в составе экспедиции Варды Монга 1016 г. в Хазарию: наемники или союзники Византийской империи? // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 5–9 июня 2023 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: «АРИАЛ», 2023б. – С. 149–154.

195. Карашайски К. М. Тюрки в гвардии византийских императоров в середине IX – первой половине X в. // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время (Симферополь, 10–12 октября 2023 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Э. И. Сейдалиев. – Симферополь: «АРИАЛ», 2023в. – С. 112–118.

196. Карашайски К. М. Эйлив Торгильссон и венды-наемники в византийской армии во второй половине 1020-х гг. // АДСВ. – 2024в. – Т. 52. – С. 196–206.

197. Карашайски К. М. Этники и ксеники, наемники и союзники: к проблеме византийской терминологии в отношении иностранных наемников в середине IX–XI вв. // Via in tempore. История. Политология. – 2024г. – №51(2). – С. 344–353.

198. Козлов С. А. Byzantinopresenasica I: Богас и Кеген – печенежские «языки» на византийской службе // АЕМА. – 2013. – Vol. 20. – С. 103–127.

199. Козлов С. А. Были ли печенежские союзники византийцев «христолюбивым воинством»? [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». – 2015. – Т. 6. – Вып. 1(34). – URL: <https://history.jes.su/s207987840000954-8-2/> (дата обращения: 24.12.2023).

200. Козлов С. А. Византийцы и тюркоязычные кочевники Восточной Европы в конце IX – начале XIII века в византийской нарративной традиции: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / ТюмГУ. – Тюмень, 2012. – 26 с.

201. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература / М.: Вост. лит., 2004. – 919 с.

202. Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. 2000 г.: Проблемы источниковедения. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 3–172.

203. Кулаковский Ю. А. Новоизданный византийский трактат по военному дѣлу // ВВ. – 1900. – Т. VII. – Вып. 4. – С. 646–660.

204. Кучма В. В. «Тактика Льва» как исторический источник // ВВ. – 1972. – Т. 33(58). – С. 75–87.

205. Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. – 1979. – Т. 40(65). – С. 49–75.

206. Кучма В. В. Военная организация Византийской империи / СПб.: Алетейя, 2017. – 426 с.

207. Кучма В. В. Военно-теоретическая мысль // Культура Византии (вторая половина VII – XII в.) / Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. – М.: «Наука», 1989. – С. 276–295.

208. Кучма В. В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (Структура и численность армейских подразделений) // АДСВ. – 1975. – Вып. 12. – С. 79–85.

209. Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века / Вступ. ст. и пер. с франц. Т. А. Сенина (монахиня Кассия). – СПб.: «Свое издательство», 2012. – 504 с.

210. Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. / М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 472 с.

211. Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. / М.: «Наука», 1977. – 311 с.

212. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.) / СПб.: Алетейя, 2000. – 416 с.
213. Литаврин Г. Г. Восстание в Константинополе в апреле 1042 г. // ВВ. – 1972. – Т. 33(58). – С. 33–46.
214. Литаврин Г. Г. Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. // ВВ. – 1968. – Т. 29(54). – С. 105–107.
215. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы / Отв. ред. А. П. Каждан. – СПб.: Алетейя, 2019. – 256 с.
216. Литаврин Г. Г., Каждан А. П. По поводу книги П. Лемерля о «Советах и рассказах» Кекавмена // ВВ. – 1961. – Т. 20(45). – С. 279–298.
217. Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока / Сост. и автор коммент. В. С. Шандровская; отв. ред. Б. Б. Пиотровский. – М.: «Наука», 1991. – 359 с.
218. Луговий О. М. Хрестоносне найманство у Візантії // ЗІФ ОНУ. – 2007. – Вип. 18. – С. 135–142.
219. Луговий О. М. «Дани» на Русі та у Візантії на початку XI ст. // Древности 2014–2015. ХИАЕ. – 2015. – Вип. 13. – С. 69–76.
220. Луговий О. М. Британці на візантійській військовій службі в XI–XII ст.: історіографічний та джерелознавчий аспект // НІ МДГУ. – 2008. – Т. 76. – Вип. 63. – С. 85–88.
221. Луговий О. М. Кульпінги візантійських хрисовулів 70–80-х років XI століття: проблема ідентифікації // Libra. – 2014. – Вип. III. – С. 55–69.
222. Луговий О. М. Найманці німецького походження у візантійській армії XI–XIII століть // Libra. – 2010. – Вип. I. – С. 30–58.
223. Луговий О. М. Паломництва до Святої Землі XI ст. та німці на військовій службі у Візантії // СП. – 2016. – Вип. XI. – С. 306–313.
224. Луговий О. М. Походження скарбів Гаральда Гардради: до дискусії про «полютасварф» // ЗІФ ОНУ. – 2008а (2010). – Вип. 19. – С. 326–332.

225. Луговий О. М. Роси та варанги у Візантії Х–ХІІ ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса, 2008б. – 19 с.

226. Луговий О. М. Ціннісні аспекти міжнародних військових угод (на матеріалі зовнішньої політики Візантії Х–ХІІ ст.) // АПДП. – 2008в. – Вип. 40. – С. 300–305.

227. Луговой О. М. Комплекс вооружения и другие аспекты материальной культуры отрядов византийских варангов // Антропологические исследования в Молдове (2005–2006): Приложение к журналу *Stratum plus*. – 2008г. – С. 117–120.

228. Луговой О. М. Тактика и вооружение отрядов росов и варангов на византийской службе Х–ХІІ вв. // *Stratum plus*. – 2005–2009. – №5. Русское время. – С. 472–477.

229. Луговой О. М. Аколупф или хёвдинг? // Мир Византии: материалы международного научного семинара (Белгород, 27–28 октября 2006 г.) / Белгород: Изд-во БелГУ, 2007а. – С. 78–83.

230. Мавродин В. В. Тмутаракань // ВИ. – 1980. – № 11. – С. 177–182.

231. Майко В. В. Хазаро-руско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария // *Stratum plus*. – 2000. – №5. Великая Скуфь. – С. 236–261.

232. Малингуди Я. Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // ВВ. – 1995. – Т. 56(81). – С. 68–91.

233. Малингуди Я. Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // ВВ. – 1997. – Т. 57(82). – С. 58–87.

234. Мельникова Е. А. «Он был в Грикланде предводителем войска»: скандинав в Византии // АСБИ. – 2022. – №7. – С. 47–94.

235. Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // ВЕДС: сборник статей / М.: «Наука», 1978. – С. 289–295.

236. Мельникова Е. А. Варяги, варанги, взринги: скандинавы на Руси и в Византии // ВВ. – 1998. – Т. 55(80). – Ч. 2. – С. 159–164.

237. Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды / Под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – 476 с.

238. Мельникова Е. А. Новая скандинавская руническая надпись из собора Св. Софии в Стамбуле // ДГВЕ. 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. – М.: Ун-т Д. Пожарского, 2011а. – С. 521–529.

239. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий / М.: Восточная литература, 2001. – 496 с.

240. Мельникова Е. А. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию // РИ. – 2019. – №4. – С. 66–81.

241. Мельникова Е. А. Христианство викингов в древнескандинавской устной традиции и свидетельствах современников // ДГВЕ. 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. – М.: Ун-т Д. Пожарского, 2011б. – С. 363–407.

242. Мехмадиев Е. А. Военная организация Византийской империи в VII – первой половине IX в.: административно-территориальный и социальный аспекты развития / СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. – 456 с.

243. Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? / М.: «Индрик», 2011. – 280 с.

244. Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье / М.: ИВ РАН, 2002. – 368 с.

245. Мохов А. С. Командный состав византийской армии в правление Константина VIII // АДСВ. – 1997. – Вып. 28. – С. 19–33.

246. Мохов А. С. Аристократические кланы Малой Азии в 976–1025 гг.: Андроник Дука Лид и его сыновья // ИУрФУ. – 2014. – Т. 16. – №4(133). – С. 98–109.

247. Мохов А. С. Варяги на Востоке: к вопросу о паломничестве норвежского конунга Харальда Сигурдарсона в Иерусалим // УИВ. – 2013. – №1(38). – С. 102–111.

248. Мохов А. С. Варяго-русские наемные отряды в составе византийской армии во второй половине XI – начале XII в. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной конференции / Киев; Судак: «Академпериодика», 2006. – С. 247–252.

249. Мохов А. С. Византийская армия в правление Романа IV Диогена (1068–1071 гг.) // АДСВ. – 2003. – Вып. 34. – С. 275–296.

250. Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013а. – 278 с.

251. Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине XI в.: развитие военно-административных структур: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / УрФУ им. Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2013б. – 36 с.

252. Мохов А. С. Военная политика императоров-Пафлагонцев (1034–1042) // АДСВ. – 2005. – Вып. 36. – С. 145–170.

253. Мохов А. С. Военная политика Исаака I Комнина // НВБелГУ. – 2012. – №1(120). – С. 52–60.

254. Мохов А. С. Военная политика Константина X Дуки // НВБелГУ. – 2011. – №1(96). – С. 58–66.

255. Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. // ИУрГУ. – 2004. – №31. – С. 14–34.

256. Мохов А. С. Дворцовая стража в Византии первой половины IX века: манглавиты и императорская этерия // АДСВ. – 2016. – Вып. 44. – С. 124–136.

257. Мохов А. С. Доместики схол Запада второй половины X – начала XII в. по данным сфрагистики // АДСВ. – 2008. – Вып. 38. – С. 164–184.

258. Мохов А. С. К *cursus honorum* Константина Диогена // АДСВ. – 1995. – Вып. 27. – С. 32–37.

259. Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами 1046–1053 гг. // ИУрГУ. – 2005а. – №39. – С. 15–26.

260. Мохов А. С. Командный состав византийской армии в 1055–1057 гг. // АДСВ. – 2002. – Вып. 33. – С. 109–122.

261. Мохов А. С. Командный состав византийской армии в XI в.: правление Романа III Аргира (1028–1034) // АДСВ. – 2000. – Вып. 31. – С. 173–197.

262. Мохов А. С., Капсалыкова К. Р. «Пусть другие рассказывают о выгоде и роскоши, что приносит война»: византийская полемологическая традиция X–XI веков / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 300 с.

263. Мустафаев Ш. М. От сельджуков к османам. Этнополитические процессы в тюркской среде Малой Азии в XI–XV веках / М.: ИВ РАН; МИЦАИ, 2017. – 436 с.

264. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / М.: Языки русской культуры, 2001. – 781 с.

265. Науменко В. Е. К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 935–941 гг. и так называемый «поход Песаха» // ХА. – 2014. – Т. 12. – С. 118–134.

266. Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. – 2002. – Вып. XII. – С. 544–568.

267. Науменко В. Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XII веках // Вестн. ВолГУ. – 2016. – Т. 21. – №5. – С. 67–80.

268. Науменко В. Е. О боспорской нефти Константина VII Багрянородного и византийском «греческом огне»: археологические свидетельства // Вестн. ВолГУ. – 2019. – Т. 24. – №6. – С. 81–89.

269. Науменко В. Е. Турмархия Готия и византийский топотерит на Мангупе в конце X – начале XI века // Вестн. ВолГУ. – 2023. – Т. 28. – №6. – С. 51–61.

270. Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов / М.: Янус-К, 1998. – 653 с.

271. Острогорский Г. А. История Византийского государства / Пер. с нем. М. В. Грацианский; ред. П. В. Кузенков. – М.: Сибирская Благозвонница, 2011. – 895 с.

272. Панкратова М. В. «Законы Гулатинга» в редакции короля Магнуса Исправителя Законов [Электронный ресурс] // *Norrœn Dýrð* (Северная Слава). – URL: <https://norse.ulver.com/src/other/landslov/about.html> (дата обращения: 19.11.2023).

273. Панченко Б. А. Каталог моливдовулов коллекции Русского Археологического Института в Константинополе // ИРАИК. – 1908. – Т. XIII. – С. 78–151.

274. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси / М.: «Наука», 1968. – 472 с.

275. Плешчиньски А. Славяне в немецкой литературе XIII в.: проблемы восприятия // *SSBP*. – 2018. – №1(23). – С. 42–70.

276. Прицак О. Й. Походження Русі / К.: «Обереги», 1997. – Т. I. – 1074 с.

277. Прицак О. Й. Походження Русі / К.: «Обереги», 2003. – Т. II. – 1304 с.

278. Прудников В. В. Норманны в Малой Азии в XI–XII вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / ИВ РАН. – М., 2016. – 292 с.

279. Роменский А. А. Империя ромеев и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X – начала XI в. / СПб: Изд-во Олега Абышко, 2020. – 384 с.

280. Рыдзевская Е. А. О военных отношениях скандинавов и Руси к Византии по греко-русским договорам и сагам // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования) / Отв. ред. В. Т. Пашуто. – М.: «Наука», 1978. – С. 152–158.

281. Серен Е. А. Битва при Диррахии – ключ к Балканской операции норманнов против Византии (18 октября 1081 г.) // *АДСВ*. – 1999. – Вып. 30. – С. 169–175.

282. Серен Е. А. Эмиграция норманнов в Византию и «тагмы франков» (XI в.) // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 163–174.

283. Скабаланович Н. А. Византийское государство и Церковь в XI в.: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: В 2-х кн. / СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. – Кн. II. – 416 с.

284. Соболевский А. И. Κουλλῆγοι и Ταλμάτζιοι: По поводу статьи Неймана в Byzantinische Zeitschrift III (1894), 374 сл. // ВВ. – 1894. – Т. I. – Вып. 2. – С. 460–461.

285. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры / Харьков: Майдан, 2005. – 1648 с.

286. Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: Этюды рынка. Структура механизмов обмена / Харьков: Майдан, 2001. – 476 с.

287. Степаненко В. П. Политическая обстановка в Закавказье в первой половине XI в. // АДСВ. – 1975. – Вып. 11. – С. 124–132.

288. Степаненко В. П. Апахуник в византийско-таоских отношениях в период мятежа Варды Склира (976–979) // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 221–224.

289. Степаненко В. П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176) / Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 240 с.

290. Степаненко В. П. Государство Филарета Варажнуни (1071–1084/86 гг.) // АДСВ. – 1975а. – Вып. 12. – С. 86–103.

291. Степаненко В. П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. – 2014. – Вып. XIX. – С. 368–378.

292. Степаненко В. П. К датировке печати Тавтука, проедра и катепана Самосаты // АДСВ. – 1995. – Вып. 27. – С. 58–62.

293. Степаненко В. П. О причинах и датировке передачи Васпуракана Византии // ВВ. – 1977. – Т. 38(63). – С. 72–79.

294. Степаненко В. П. Чортванели, Торники и Тарониты в Византии (к вопросу о существовании т. н. тайкской ветви Торникянов) // АДСВ. – 1999. – Вып. 30. – С. 130–148.

295. Степанова Е. В. Карьера Ставракия: из провинции в столицу // АДСВ. – 2006. – Вып. 37. – С. 155–163.

296. Степанова Е. В. Образ грифона на византийских печатях (на примере коллекции Государственного Эрмитажа) // МАИЭТ. – 2021. – Вып. XXVI. – С. 459–474.

297. Сюзюмов М. Я. Византийское государство и византийская культура в X–XI веках / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. А. С. Мохов, К. Р. Капсалыкова. – Екатеринбург: «Никея», 2018. – 126 с.

298. Толочко А. П. Очерки начальной руси / Киев; СПб.: Лаурус, 2015. – 336 с.

299. Успенский Ф. И. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос / Сост. Л. В. Литвинова. – М.: «Мысль», 1997. – 831 с.

300. Филипчук А. М. Русь и Византия в последние годы правления Василия II: Хризохир и его войны // СР. – 2015. – Т. 5. – С. 55–69.

301. Филипчук А. М. Харальд Сигурдссон и Русско-византийская война 1043 г. // Slověne. – 2014. – Vol. 3. – №1. – С. 193–205.

302. Филипчук О. М. «Хрещені роси» у Константинополі в середині X ст. // ППУ. – 2008. – Т. 11. – С. 169–174.

303. Филипчук О. М. Перечитуючи Іоанна Скілицю: хто був Сфенг – брат Володимира Святого? // ІП. – 2009. – Вип. 8. – С. 58–70.

304. Филипчук О. М. Після русько-візантійської війни 968–971 рр.: Іоанн Цимісхій і найманці Русі // НВ ЧУ. – 2014а. – Вип. 702–703. – С. 7–11.

305. Филипчук О. М. Полонені араби у Візантії наприкінці IX – середині X ст.: війна, хрещення і церемоніал // Проблеми джерелознавства, історіографії та історії Сходу: матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-річчю з дня народження професора В. М. Бейліса (Луганськ, 15–16 травня 2013 р.) / Луганськ: ЛНУ ім. Т. Шевченка, 2013. – С. 229–233.

306. Филипчук О. М. Русь серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Чернівецький нац. ун-т ім. Ю. Федьковича. – Чернівці, 2010. – 20 с.

307. Филипчук О. М. Скільки коштував руський найманець у Візантії у X ст.? // *Ruthenica*. – 2008а. – Т. VII. – С. 7–29.

308. Фонкич Б. Л. О рукописи «Стратегикона» Кекавмена // *ВВ*. – 1971. – Т. 31(56). – С. 108–120.

309. Цукерман К. Английский след в ранней летописи, или летописец шутит // *У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко*. – М.: ИРИ РАН, 2019. – С. 457–482.

310. Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // *БГС*. – 2009. – Вып. 1. – С. 183–305.

311. Чхайдзе В. Н. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов): препринт / М.: ИА РАН, 2016. – 44 с.

312. Чхайдзе В. Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XII вв.) // *МАИЭТ*. – 2018. – Вып. XXIII. – С. 721–730.

313. Шаландон Ф. Алексей I Комнин: история правления (1081–1118) / Пер. с франц. М. Ю. Некрасова. – СПб.: Евразия, 2017. – 432 с.

314. Шандровская В. С. Византийские печати переводчиков // *Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики Г. Е. Лебедевой* / Отв. ред. В. А. Якубский. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 109–115.

315. Шандровская В. С. Некоторые исторические деятели «Алексиады» и их печати // *ПС*. – 1971. – Вып. 23(86). – С. 28–45.

316. Шандровская В. С. Печати ЕΠΙ ΤΩΝ ΒΑΡΒΑΡΩΝ в Эрмитаже // *АДСВ*. – 2000. – Вып. 31. – С. 105–116.

317. Шукуров Р. М. Византийские клятвы мусульманских наемников // *ВВ*. – 2022. – Т. 106. – С. 126–140.

318. Шукуров Р. М. Многоязычие в Византии (IV–XV вв.) // *ВВ*. – 2017. – Т. 101. – С. 15–41.

319. Шукуров Р. М. Тюрки в Византийском мире (1204–1461) / М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017а. – 631 с.

320. Щавелев А. С. Известия о византийских переводчиках 890–960-х гг.: к осмыслению коммуникативных практик в Ромейской империи [Электронный ресурс] // ЭНОЖ «История». – 2020. – Т. 11. – Вып. 9(95). – URL: <https://history.jes.su/s207987840012336-8-1/> (дата обращения: 23.12.2023).

321. Щавелев А. С. Печать византийского патрикия и переводчика Сфена // ДГВЕ. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. – М.: Ун-т Д. Пожарского, 2012. – С. 482–488.

322. Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 гг.) / М.: Аквилон, 2020а. – 560 с.

323. Щавелев А. С. Языческие политии юго-запада Восточно-Европейской равнины IX–X вв.: механизмы формирования властных и территориальных структур в исторической динамике: дисс. ... д-ра ист. наук: 5.6.2 / ИВИ РАН. – М., 2021. – 440 с.

324. Юзбашян К. Н. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристакееса Ластивертци // ВВ. – 1959. – Т. 16(41). – С. 14–28.

325. Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. / М.: «Наука», 1988. – 301 с.

326. Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siècles / Paris: Presses Universitaires de France, 1966. – 504 p.

327. Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // ВИС. – 1971. – №5. – P. 44–70.

328. Ahrweiler H. Recherches sur la société byzantine au XIe siècle: nouvelles hiérarchies et nouvelles solidarités // ТМ. – 1976. – Т. 6. – P. 99–124.

329. Ahrweiler H. Sur la date du De thematibus de Constantin VII Porphyrogénète // ТМ. – 1981. – Т. 8. – P. 1–5.

330. Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète // *TM.* – 1967. – T. 2. – P. 393–404.
331. Aleksejenko N. A. *Sfragistyka bizantyńska. Molibdoboule Chersonu* / Poznań, 2015. – 116 p.
332. Androshchuk F., Köroglu G. A Viking sword-bearing resident of southern Asia Minor? // *Byzantium and the Viking World* / Ed. by F. Androshchuk, J. Shepard, M. White. – Uppsala: Uppsala Universitet, 2016. – P. 215–240.
333. Angold M. *The Byzantine Empire, 1025–1204: A political history* / London; N. Y.: Longman, 1997. – 186 p.
334. Balard M. *Amalfi et Byzance (Xe–XIIe siècle)* // *TM.* – 1976. – T. 6. – P. 85–95.
335. Beihammer A. D. *Byzantium and the Emergence of Muslim-Turkish Anatolia, ca. 1040–1130* / London: Routledge, 2017. – 438 p.
336. Benedikz B. S. The evolution of the Varangian regiment in the Byzantine army // *BZ.* – 1969. – Bd. 62. – S. 20–24.
337. Birkenmeier J. W. *The Development of the Komnenian Army 1081–1180* / Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. – 263 p.
338. Blöndal S. *The Varangians of Byzantium: An aspect of Byzantine military history* / Trans., revised and rewritten by B. S. Benedikz. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 242 p.
339. Brand C. M. The Turkish Element in Byzantium, Eleventh–Twelfth Centuries // *DOP.* – 1989. – Vol. 43. – P. 1–25.
340. Bury J. B. The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogennetos // *EHR.* – 1907. – Vol. 22. – №87 – P. 209–227.
341. Bury J. B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century: With a Revised Text of Kletorologion of Philotheos* / London: Oxford University Press, 1911. – 179 p.
342. Canard M. Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confins des Xe et XIe siècles // *REB.* – 1961. – Vol. 19. – P. 284–314.

343. Chalandon F. *Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081–1118)* / Paris: A. Picard et fils, 1900. – 346 p.
344. Charanis P. *Cultural Diversity and the Breakdown of Byzantine Power in Asia Minor* // DOP. – 1975. – Vol. 29. – P. 1–20.
345. Charanis P. *The Armenians in the Byzantine Empire* / Lisboa: Livraria Bertrand, 1963. – 63 p.
346. Cheynet J.-C. *L'implantation des Latins en Asie Mineure avant la première croisade* // *Migrations et diasporas méditerranéennes (Xe–XVIe siècles)* / Ed. M. Balard, A. Ducellier. – Paris: Éditions de la Sorbonne, 2002. – P. 115–124.
347. Cheynet J.-C. *La politique militaire byzantine de Basile II à Alexis Comnène* // *The Byzantine Aristocracy and its Military Function*. – Abingdon: Ashgate Publ., 2006. – P. 61–74.
348. Cheynet J.-C. *Les effectifs de l'armée byzantine aux Xe–XIIe siècles* // CCM. – 1995. – Vol. 38. – №152. – P. 319–335.
349. Cheynet J.-C. *Les officiers étrangers dans l'armée byzantine aux Xe–XIIe siècles* // *Guerre et société au Moyen âge: Byzance–Occident (VIIIe–XIIIe siècle)* / Éd. par D. Barthélemy, J.-C. Cheynet. – Paris: ACHCByz, 2010. – P. 43–62.
350. Cheynet J.-C. *Mantzikert: un désastre militaire?* // *The Byzantine Aristocracy and its Military Function*. – Abingdon: Ashgate Publ., 2006a. – P. 411–438.
351. Cheynet J.-C. *Recruter les officiers à Byzance* // *Actes des 29e congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public: Les serviteurs de l'Etat au Moyen Âge* / Pau, 1998. – P. 21–31.
352. Cheynet J.-C. *Basil II and Asia Minor* // *Byzantium in the Year 1000* / Ed. by P. Magdalino. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – P. 71–108.
353. Cheynet J.-C. *Le rôle des Occidentaux dans l'armée byzantine avant la Première Croisade* // *Byzanz und das Abendland im 10. und 11. Jahrhundert* / Hrsg. E. Konstantinou. – Köln: Böhlau Verlag, 1997. – P. 111–128.
354. Cheynet J.-C. *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)* / Paris: Publications de la Sorbonne, 1996. – 523 p.

355. Churchill W. J. *The Annales Baresnes and The Annales Lupi Protospatharii: Critical Edition and Commentary* / University of Toronto PhD dissertation. – 1979. – 430 p.
356. Ciggaar K. N. *Flemish mercenaries in Byzantium: their later history in an Old Norse Miracle // Byzantion*. – 1981. – T. LI. – Fasc. 1. – P. 44–74.
357. Ciggaar K. N. *Western travellers to Constantinople: the West and Byzantium, 962–1204: cultural and political relations* / Leiden; N. Y.; Köln: Brill, 1996. – 412 p.
358. D’Amato R. *A Prôtospatharios, Magistros, and Strategos Autokrator of 11th cent.: The equipment of Georgios Maniakes and his army according to the Skylitzes Matritensis miniatures and other artistic sources of the middle Byzantine period / Porphyra*. – 2005. – Extra-issue 4. – 75 p.
359. D’Amato R. *Byzantine Imperial Guardsmen 925–1025: The Tághmata and Imperial Guard* / Illustrated by G. Rava. – Oxford: Osprey Publ., 2012. – 64 p.
360. D’Amato R. *The Varangian Guard 988–1453* / Illustrated by G. Rava. – Oxford: Osprey Publ., 2010. – 48 p.
361. Dagrón G. *Formes et fonctions du pluralisme linguistique à Byzance (IXe–XIIe siècle) // TM*. – 1994. – T. 12. – P. 219–240.
362. Dagrón G. *Minorités ethniques et religieuses dans l’Orient byzantin à la fin du Xe et au XIe siècle: l’immigration syrienne // TM*. – 1976. – T. 6. – P. 177–216.
363. Dain A. *Inventaire raisonné des cent manuscrits des «Constitutions Tactiques» de Léon VI le Sage // Scriptorium*. – 1946–1947. – Vol. 1. – P. 33–49.
364. Dawson T. *By the Emperor's Hand: Military Dress and Court Regalia in the later Romano–Byzantine Empire* / Illustrations by G. Sumner. – Barnsley: Frontline Books, 2015. – 170 p.
365. Drocourt N. *Diplomatie sur le Bosphore. Les ambassadeurs étrangers dans l’Empire byzantin des années 640 à 1204* / Louvain: Peeters Publ., 2015. – 781 p.
366. Fell C. E. *The Icelandic saga of Edward the Confessor: its version of the Anglo-Saxon emigration to Byzantium // ASE*. – 1974. – Vol. 3. – P. 179–196.

367. Finlay G. *History of the Byzantine and Greek Empires from 1057 to 1453* / Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1854. – 680 p.
368. Finlay G. *History of the Byzantine Empire from 716 to 1057* / Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1856. – 554 p.
369. Franklin S., Shepard J. *The Emergence of Rus 750–1200* / London; N. Y.: Longman, 1996. – 472 p.
370. Gautier P. *Le dossier d'un haut fonctionnaire byzantin d'Alexis Ier Comnène, Manuel Straboromanos* // REB. – 1965. – Vol. 23. – P. 168–204.
371. Gazzoli L. *A. Cnut, his Dynasty, and the Elbe-Slavs* // *Anglo-Danish Empire: A Companion to the Reign of King Cnut the Great* / Ed. by R. North, E. Goeres, A. Finlay. – Berlin; Boston: de Gruyter, 2022. – P. 399–417.
372. Glykatzi-Ahrweiler H. *Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe–XIe siècles* // BCH. – 1960. – Vol. 84(1). – P. 1–111.
373. Godfrey J. *The Defeated Anglo-Saxons take Service with the Eastern Emperor* // ANS. – 1978. – Vol. I. – P. 63–74, 207–209.
374. Gordon M. S. *The Breaking of a Thousand Swords: A History of the Turkish Military of Samarra (A.H. 200–275/815–889 C.E.)* / N. Y.: SUNY Press, 2001. – 323 p.
375. Guillard R. *Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: les commandants de la garde impériale* // REB. – 1960. – Vol. 18. – P. 79–96.
376. Guillard R. *Les Logothètes: Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin* // REB. – 1971. – Vol. 29. – P. 5–115.
377. Guillard R. *Recherches sur les institutions byzantines* / Berlin; Amsterdam: Akademie-Verlag, A. M. Hakkert, 1967. – T. I–II. – 607 p., 397 p.
378. Haldon J. F. *Military Service, Military Lands, and the Status of Soldiers: Current Problems and Interpretations* / DOP. – Washington, DC: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University. – Vol. 47. – 1993. – P. 1–67.
379. Haldon J. F. *Recruitment and Conscription in the Byzantine Army, c. 550–950: A Study on the Origins of the stratiotika ktemata* / Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. – 84 p.

380. Haldon J. F. Theory and practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies // *TM*. – 2000. – T. 13. – P. 201–352.
381. Haldon J. F. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204 / London: UCL Press, 1999. – 399 p.
382. Haskins Ch. H. A Canterbury Monk at Constantinople, c. 1090 // *EHR*. – 1910. – Vol. 25. – №98. – P. 293–295.
383. Head C. Alexios Comnenos and the English // *Byzantion*. – 1977. – T. XLVII. – P. 186–198.
384. Hendy M. F. Studies in the Byzantine monetary economy, c. 300–1450 / Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 795 p.
385. Holmes C. Basil II and the Governance of Empire (976–1025) / Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2005. – 625 p.
386. Honigmann E. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen / Bruxelles: Institut de Philologie et d'Histoire Orientales, 1935. – 273 S.
387. Jenkins R. Byzantium: The Imperial Centuries, A.D. 610–1071 / London: Random House, 1966. – 413 p.
388. Jordanov I. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria / Sofia: Agato Publ., Bulgarian Academy of sciences, Archaeological Institute with Museum, 2003, 2006. – Vol. 1–2.
389. Jordanov I. Sceau d'archonte de Patzinakia du XIe s. // *EBal*. – 1992. – Vol. 28. – №2. – P. 79–82.
390. Kaegi W. E. Byzantium and the Early Islamic Conquests / Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 326 p.
391. Kaldellis A. Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium / Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. – 408 p.
392. Kaldellis A. Streams of Gold, Rivers of Blood: The Rise and Fall of Byzantium, 955 A.D. to the First Crusade / Oxford: Oxford University Press, 2017. – 432 p.

393. Kaldellis A. *The New Roman Empire: A History of Byzantium* / Oxford: Oxford University Press, 2023. – 1133 p.
394. Karlin-Hayter P. L'hétériarque. L'évolution de son rôle du *De Ceremoniis* au *Traité des Offices* // *JÖB*. – 1974. – Bd. 23. – S. 101–143.
395. Karlin-Hayter P. Les Tauroscythes de Génésios // *Byzantion*. – 1970. – T. XL. – P. 236–237.
396. Kennedy H. N. *The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Islamic State* / London; N. Y.: Routledge, 2001. – 258 p.
397. Kennedy H. N., Haldon J. F. *The Arab-Byzantine Frontier in the Eighth and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands* // *ЗПВІ*. – 1980. – Т. XIX. – P. 79–116.
398. Koliass T. G. *Byzantinische Waffen. Ein Beitrag zur byzantinische Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung* / Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. – 285 S.
399. Kühn H.-J. *Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata* / Wien: Verlag Fassbaender, 1991. – 326 S.
400. Kyriakidis S. *Byzantine concepts of mercenaries in the eleventh century (988–1081)* // *War in Eleventh-Century Byzantium* / Ed. by G. Theotokis, M. Meško. – London; N. Y.: Routledge, 2021. – P. 81–97.
401. Laiou A. E. *Exchange and Trade, Seventh–Twelfth Centuries* // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* / Ed. by A. E. Laiou. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Trustees for Harvard University, 2002. – P. 697–770.
402. Laiou A. E., Morrisson C. *The Byzantine Economy* / Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 272 p.
403. Laurent V. *Byzance et l'Angleterre au lendemain de la conquête normande. À propos d'un sceau byzantin trouvé à Winchester* // *NC*. – 1963. – Vol. LXXI. – P. 93–137.

404. Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin* / Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1963–1981. – T. II, V.
405. Lauritzen F. Nations and Minorities in Psellos' «Chronographia» (976–1078) // *SC*. – 2019. – Vol. 9. – P. 319–331.
406. Lemerle P. «Roga» et rente d'État aux Xe–XIe siècles // *REB*. – 1967. – Vol. 25. – P. 77–100.
407. Lemerle P. *Histoire de Byzance* / Paris: Presses Universitaires de France, 1948. – 127 p.
408. *Lexikon des Mittelalters* / Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1980–1999. – Bd. 1–9.
409. MacEvitt C. The Chronicle of Matthew of Edessa: Apocalypse, the First Crusade, and the Armenian Diaspora // *DOP*. – 2007. – Vol. 61. – P. 157–181.
410. Madgearu A. Byzantine military organization on the Danube, 10th–12th centuries / Leiden; Boston: Brill, 2013. – 224 p.
411. Madgearu A. The Pechenegs in Byzantine Army // *The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in honor of V. Spinei* / Ed. by F. Curta, B.-P. Maleon. – Iași: Universitatea «Alexandru Ioan Cuza», 2013a. – P. 207–218.
412. Magdalino P. Byzantine Historical Writing, 900–1400 // *The Oxford History of Historical Writing* / Ed. by D. Woolf, S. Foot, C. F. Robinson, I. Hesketh. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – Vol. 2. – P. 218–237.
413. Makrypoulias C. G. Boots on the ground: Byzantine infantry in the eleventh century // *War in Eleventh-Century Byzantium* / Ed. by G. Theotokis, M. Meško. – London; N. Y.: Routledge, 2021. – P. 241–266.
414. Malamut É. L'image byzantine des Petchénègues // *BZ*. – 1995. – Bd. 88. – P. 105–147.
415. Malamut É. Les peuples étrangers dans l'idéologie impériale. Scythes et Occidentaux // *L'étranger au Moyen Âge. Actes du XXXe Congrès de la Société des historiens médiévistes de l'Enseignement supérieur public* / Paris: Éditions de la Sorbonne, 2000. – P. 119–132.

416. Markopoulos A. Le témoignage du Vaticanus gr. 163 pour la période entre 945–963 // BS. – 1979. – Vol. 3. – P. 83–119.
417. Markopoulos A. The Ideology of War in the Military Harangues of Constantine VII Porphyrogenetos // Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion: Akten des Internationalen Symposiums. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012. – Bd. XXX. – P. 47–56.
418. McMahon L. The Foederati, the Phoideratoi, and the Symmachoi of the Late Antique East (ca. A.D. 400–650) / University of Ottawa. – 2014. – 86 p.
419. Miller D. A. Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1025 AD // BS1. – 1971. – Vol. XXXII. – P. 56–76.
420. Moravcsik G. Byzantinoturcica I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker / Leiden: Brill, 1983. – 631 S.
421. Moravcsik G. Byzantinoturcica II. Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen / Leiden: Brill, 1983a. – 401 S.
422. Moravcsik G. Byzantium and the Magyars / Amsterdam: A. M. Hakkert, 1970. – 147 p.
423. Mordtmann A. Bulles byzantines relatives aux Varègues // AOL. – Paris: Ernest Leroux, 1881. – T. I. – P. 697–703.
424. Neumann C. Über zwei unerklärte Völkernamen in der byzantinischen Armee (Kulpinger und Talmatzer) // BZ. – 1894. – Bd. 3. – S. 374–385.
425. Neville L. Guide to Byzantine Historical Writing / Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 322 p.
426. Nicol D. M. Byzantium and England // BaSt. – 1974. – Vol. 15. – №2. – P. 179–203.
427. Nicol D. M. Byzantium and Venice: A study in diplomatic and cultural relations / Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 479 p.
428. Nicolle D. Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350: Islam, Eastern Europe and Asia / London: Greenhill Books, 1999. – Vol. 2. – 576 p.

429. Noonan T. S. Byzantium and the Khazars: a special relationship? // *Byzantine Diplomacy (Papers from the Twenty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, March 1990)*. – Aldershot: Variorum, 1992. – P. 109–132.
430. Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453* / N.Y.; Washington: Praeger Publ., 1971. – 459 p.
431. Oikonomides N. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals* / Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1986. – 175 p.
432. Oikonomidès N. Constantin VII Porphyrogénète et les thèmes de Céphalonie et de Longobardie // *REB*. – 1965. – Vol. 23. – P. 118–123.
433. Oikonomidès N. *Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.)* / Athènes: Fondation nationale de la recherche scientifique, Institut de recherches byzantines, 1996. – 319 p.
434. Oikonomidès N. *L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118)* // *TM*. – 1976. – T. 6. – P. 125–152.
435. Oikonomides N. *Some Byzantine State Annuitants: epi tes (megales) hetaireias and epi ton barbaron* // *BS*. – 2001. – Vol. 14. – P. 9–28.
436. *Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide* / Ed. by C. J. Clover, J. Lindow. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1985. – 387 p.
437. Oman C. W. C. *The Art of War in the Middle Ages: A.D. 378–1515* / Oxford; London: Blackwell; T. Fisher Unwin, 1885. – 134 p.
438. Oman C. W. C. *The Byzantine Empire* / Westholme: Yardley, 2008. – 364 p.
439. *Oxford Dictionary of Byzantium* / N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1991. – Vol. 1–3. – 2232 p.
440. *Oxford Handbook of Byzantine Studies* / Oxford: Oxford University Press, 2008. – 1050 p.
441. Plasari A. *The Albanians in attestations from Late Antiquity until the Early Middle Ages* // *AS*. – 2020. – Vol. 2. – №2. – P. 7–52.
442. Prigent V. *The Mobilisation of Fiscal Resources in the Byzantine Empire (Eighth to Eleventh Centuries)* // *Diverging Paths? The Shapes of Power and Institutions*

in *Medieval Christendom and Islam* / Ed. by J. Hudson, A. Rodríguez. – Leiden; Boston: Brill, 2014. – P. 182–229.

443. Pryor J. H., Jeffreys E. M. *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ: The Byzantine Navy ca 500–1204* / Leiden; Boston: Brill, 2006. – 838 p.

444. Quanrud J. *The Albanoi in Michael Attaleiates' History: revisiting the Vranoussi-Ducellier debate* // *BMGS*. – 2021. – Vol. 45. – Iss. 2. – P. 149–165.

445. Rambaud A. *L'Empire grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète* / Paris: Librairie A. Franck, 1870. – 551 p.

446. Ransohoff J. «Consider the Future as Present»: The Paranoid World of Kekaumenos // *Speculum*. – 2018. – Vol. 93. – Iss. 1. – P. 77–91.

447. Rogers L. *Anglo-Saxons and Icelanders at Byzantium, with special reference to the Icelandic saga of St. Edward the Confessor* // *Byzantine Papers. Proceedings of the First Australian Byzantine Studies Conference (Canberra, 17–19 May 1978)* / Leiden; Boston: Brill, 2017. – P. 82–89.

448. *Roma Numismatics: Auction IX (London, 22 March 2015) [Catalogue]*. – 259 p.

449. Roueché Ch. M. *Defining the Foreign in Kekaumenos* // *Strangers to Themselves: The Byzantine Outsider (Papers from the Thirty-second Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Sussex, Brighton, March 1998)*. – London: Ashgate Variorum, 2000. – P. 203–214.

450. Roueché Ch. M. *The Rhetoric of Kekaumenos* // *Rhetoric in Byzantium (Papers from the Thirty-fifth Spring Symposium of Byzantine Studies, Exeter College, University of Oxford, March 2001)*. – Aldershot: Ashgate Publ., 2003. – P. 23–37.

451. Schlumberger G. *Bulles de hauts fonctionnaires byzantines d'ordre militaire* // *AOL*. – Paris: Ernest Leroux, 1881. – T. I. – P. 679–696.

452. Schlumberger G. *Sigillographie de l'Empire byzantin* / Paris: Ernest Leroux, 1884. – 749 p.

453. Seibt W., Wassiliou A.-K. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 1–2. Teil* / Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978, 2004.

454. Seibt W., Zarnitz M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk / Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. – 231 S.
455. Shandrovskaia V. S. The seal of Michael, Grand Interpreter of the Varangians // *Byzantium and the Viking World* / Ed. by F. Androschuk, J. Shepard, M. White. – Uppsala: Uppsala Universitet, 2016. – P. 305–313.
456. Shepard J. A note on Harald Hardraada: the Date of his Arrival at Byzantium // *JÖB*. – 1973. – Bd. 22. – S. 145–150.
457. Shepard J. Another New England? Anglo-Saxon Settlement on the Black Sea // *BSt*. – 1974. – Vol. 1. – P. 18–39.
458. Shepard J. *Byzantinorussica* // *REB*. – 1975. – Vol. 33. – P. 211–225.
459. Shepard J. Byzantium and the steppe nomads: the Hungarian dimension // *Byzanz und Ostmitteleuropa 950–1543 (Beiträge zu einer table-ronde des XIX International Congress of Byzantine Studies, Copenhagen 1996)*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. – S. 55–83.
460. Shepard J. The Emperor's Long Reach: Imperial Alertness to «Barbarian» Resources and Force Majeure, from the Fifth to the Fifteenth Centuries // *La diplomatie byzantine, de l'Empire romain aux confins de l'Europe (Ve–XVe s.)* / Éd. par N. Drocourt, É. Malamut. – Leiden; Boston: Brill, 2020. – P. 287–315.
461. Shepard J. The Uses of Franks in Eleventh-Century Byzantium // *ANS*. – 1993. – Vol. XV. – P. 275–305.
462. Shepard J. Why did the Russians attack Byzantium in 1043? // *BNJ*. – 1978. – Bd. 22. – S. 147–212.
463. Sinclair K. Anna Komnene and Her Sources for Military Affairs in the *Alexiad* // *EB*. – 2014. – Vol. 2. – P. 143–185.
464. Smythe D. C. Why do barbarians stand round the emperor at diplomatic receptions? // *Byzantine Diplomacy* / Ed. by J. Shepard, S. Franklin. – Aldershot: Ashgate Publ., 1992. – P. 305–312.
465. Sorlin-Dorigny A. Le bureau des barbares à Constantinople // *BC*. – 1884. – №13. – P. 272–277.

466. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century* / Leiden; Boston: Brill, 2009. – 565 p.

467. Steinacher R. *Wenden, Slawen, Vandalen. Eine frühmittelalterliche pseudologische Gleichsetzung und ihre Nachwirkungen // Die Suche nach den Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters. Forschungen zur Geschichte des Mittelalters* / Hrsg. W. Pohl. – Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. – S. 329–353.

468. Stephenson P. *Byzantium's Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204* / Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 364 p.

469. Strässle P. M. *Das Feindbild der Petschenegen im Byzanz der Komnenen (11./12. Jh.) // BF.* – 2004. – Bd. XXVIII. – S. 297–313.

470. Takirtakoglou K. *The Armenians in the Byzantine and Fatimid militaries in the eleventh century. Similarities and differences in their operational roles // War in Eleventh-Century Byzantium* / Ed. by G. Theotokis, M. Meško. – London; N. Y.: Routledge, 2021. – P. 196–217.

471. *The Cambridge History of Iran* / Cambridge: Cambridge University Press, 1968–1990. – Vol. 4–7.

472. *The Encyclopaedia of Islam* / Leiden: Brill, 1993–2005. – Vol. I–XII.

473. *The Encyclopedia of the Medieval Chronicle* / Leiden; Boston: Brill, 2010. – Vol. 1–2. – 1748 p.

474. *The Oxford Dictionary of the Middle Ages* / Oxford: Oxford University Press, 2010. – Vol. 1–4. – 1847 p.

475. *The Oxford Encyclopedia of Medieval Warfare and Military Technology* / N. Y., Oxford: Oxford University Press, 2010. – Vol. 1–3. – 1792 p.

476. Theotokis G. *Rus, Varangian and Frankish Mercenaries in the service of the Byzantine emperors (9th–11th c.): Numbers, Organisation and Battle Tactics in the operational theaters of Asia Minor and the Balkans // BS.* – 2012. – Vol. 22. – P. 125–156.

477. Theotokis G. *The Norman Campaigns in the Balkans, 1081–1108* // Woodbridge: The Boydell Press, 2014. – 278 p.
478. Treadgold W. T. *A History of the Byzantine State and Society* / Stanford: Stanford University Press, 1997. – 1043 p.
479. Treadgold W. T. *Byzantium and Its Army, 284–1081* / Stanford: Stanford University Press, 1995. – 268 p.
480. Treadgold W. T. *Standardized Numbers in the Byzantine Army* // *WH*. – 2005. – Vol. 12. No. 1. – P. 1–14.
481. Treadgold W. T. *The Army in the Works of Constantine Porphyrogenitus* // *RSBN*. – 1992 (1993). – T. 29. – P. 77–162.
482. Treadgold W. T. *The Middle Byzantine Historians* / Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. – 546 p.
483. Vasiliev A. A. *Byzance et les Arabes: la dynastie d'Amorium (820–867)* / Éd. par H. Grégoire, M. Canard. – Bruxelles: Institut de Philologie et d'Histoire Orientales, 1935. – T. I. – 466 p.
484. Vasiliev A. A. *Byzance et les Arabes: la dynastie Macédonienne (867–959)* / Éd. par H. Grégoire, M. Canard. – Bruxelles: Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 1950. – T. II. – 450 p.
485. Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea* / Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1936. – 292 p.
486. Vasiliev A. A. *The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century* // *SK*. – 1937. – Vol. IX. – P. 39–70.
487. Vryonis S. *Byzantine and Turkish Societies and their Sources of Manpower* // *War, Technology and Society in the Middle East* / Ed. by V. J. Parry, M. E. Yapp. – London: Oxford University Press, 1975. – P. 125–152.
488. Vryonis S. *Byzantium and Europe* / London: Thames & Hudson, 1967. – 216 p.

489. Vryonis S. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh Through the Fifteenth Century* / Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1971. – 549 p.

490. Watson W. E. *Ibn al-Athīr's Accounts of the Rūs: A Commentary and Translation* // CASS. – 2001. – Vol. 35. – Iss. 4. – P. 423–438.

491. Wolf K. B. *Making History: The Normans and Their Historians in Eleventh-Century Italy* / Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. – 192 p.

492. Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals* / Basel; Berne: Benteli Publishers, 1972, 1984. – Vol. 1–2.

493. Zoëga G. T. *A Concise Dictionary of Old Icelandic* / Oxford: Clarendon Press, 1910. – 558 p.

494. Zuckerman C. *On the Byzantine Dromon (with a special regard to De Cerim. II, 44–45)* // REB. – 2015. – Vol. 73. – P. 57–98.

495. Zuckerman C. *On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo* // REB. – 1995. – Vol. 53. – P. 237–270.

496. Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. *Παρακμή και πτώση του θεματικού δεσμού. Συμβολή στην εξέλιξη της διοικητικής και της στρατιωτικής οργάνωσης του Βυζαντίου από το 10 αι. κ. ε.* / Θεσσαλονίκη: ΒΑΝΙΑΣ, 1985. – 165 σ.

497. Μωυσειδου Γ. *Το Βυζάντιο και οι βόρειοι γείτονές του τον 10ο αιώνα* / Αθήνα: Ιστορικές Εκδόσεις Στ. Δ. Βασιλόπουλος, 1995. – 438 σ.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
- АПДП – Актуальні проблеми держави і права
- АСБИ – Альманах североевропейских и балтийских исследований
- ББЕ – България, българите и Европа – мит, история, съвремие
- БГС – Борисо-Глебский сборник
- ВВ – Византийский Временник
- ВЕДС – Восточная Европа в древности и средневековье
- Вестн. ВолГУ – Вестник Волгоградского государственного университета
- Вестн. ПУ – Вестник Пермского университета
- ВИ – Вопросы истории
- ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы
- ДРВМ – Древняя Русь. Вопросы медиевистики
- ЗІФ ОНУ – Записки Історичного факультету Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова
- ЗРВИ – Зборник радова Византолошког института
- ИРАИК – Известия Русского Археологического Института в Константинополе
- ИУрГУ – Известия Уральского государственного университета
- ИУрФУ – Известия Уральского федерального университета
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- МНИЖ – Международный научно-исследовательский журнал
- НВ ЧУ – Науковий вісник Чернівецького університету
- НВБелГУ – Научные ведомости Белгородского государственного университета
- НП МДГУ – Наукові праці Миколаївського державного гуманітарного університету ім. П. Могили
- ПУУ – Питання історії України
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
- ПС – Палестинский сборник

- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- ПЭ – Православная энциклопедия
- РИ – Российская история
- СП – Стародавнє Причорномор'я
- СС – Скандинавский сборник
- УИВ – Уральский исторический вестник
- ХА – Хазарский альманах
- ХИАЕ – Харьковский историко-археологический ежегодник
- ХС – Херсонесский сборник
- ЧИОИДР – Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских
- АС – *Archaeologia Cambrensis, The Journal of the Cambrian Archaeological Association*
- АЕМА – *Archivum Eurasiae Medii Aevi*
- АNS – *Anglo-Norman Studies*
- АOL – *Archives de l'Orient Latin*
- AS – *Albanian Studies*
- ASE – *Anglo-Saxon England*
- BaSt – *Balkan Studies*
- BC – *Bulletin critique*
- BCH – *Bulletin de Correspondance Hellénique*
- BF – *Byzantinische Forschungen*
- BIC – *Bulletin d'information et de coordination*
- BMGS – *Byzantine and Modern Greek Studies*
- BNJ – *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher*
- BS – *Byzantina Symmeikta (Βυζαντινά Σύμμεικτα)*
- BSI – *Byzantinoslavica*
- BSt – *Byzantine Studies / Études Byzantines*
- BZ – *Byzantinische Zeitschrift*
- BZS – *Byzantine Seals Online Catalogue*

CASS – Canadian-American Slavic Studies

CCM – Cahiers de Civilisation Médiévale

CR – Colloquia Russica

DOP – Dumbarton Oaks Papers

EB – Estudios Bizantinos

EBal – Etudes balkaniques

EHR – English Historical Review

EI – The Encyclopaedia of Islam

EMC – The Encyclopedia of the Medieval Chronicle

II – Исторична панорама

JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik

LDM – Lexikon des Mittelalters

Libra – Libra: Збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова

NC – Numismatic Circular

ODB – Oxford Dictionary of Byzantium

ODMA – The Oxford Dictionary of the Middle Ages

OEMWMT – The Oxford Encyclopedia of Medieval Warfare and Military Technology

OHBS – Oxford Handbook of Byzantine Studies

PBW – Prosopography of the Byzantine World

PmbZ – Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit

PmbZO – Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit Online

REB – Revue des études byzantines

RSBN – Rivista di studi bizantini e neoellenici

SC – Studia Ceranea. Journal of the Waldemar Ceran Research Centre for the History and Culture of the Mediterranean Area and South-East Europe

ScSl – Scando-Slavica

SK – Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)

Slověne – Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies

SSBP – *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования

TM – *Travaux et Mémoires*

VMA – *Vox medii aevi*

WH – *War in History*